Е.А. Чайка

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СЕЛЕ В 1945-1965 гг.

(монография)

Evgeniy A. Chaika

SOCIOECONOMIC POLICY OF THE SOVIET STATE IN RURAL TERRITORIES IN 1945-1965

(monograph)

Москва
БИБЛИО-ГЛОБУС
2017

УДК 338.2 (47+57)
ББК 65.012.2
Ч15

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом филиала
Кубанского государственного университета
в г. Славянске-на-Кубани

Рецензенты:
В.В. Наухацкий – доктор исторических наук, профессор
Н.А. Серогодский – доктор исторических наук, профессор

Ч15 **Чайка Е.А.**
Социально-экономическая политика советского государства на селе в 1945–1965 гг. (на материалах Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области): монография / Е.А. Чайка. – М.: Библио-Глобус, 2017. – 238 с.

ISBN 978-5-9500227-0-8
DOI 10.18334/9785950022708

Монография посвящена общим тенденциям и особенностям осуществления социально-экономической политики центральных и местных органов власти в отношении сельских тружеников в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области в 1945–1965 гг. Автором предпринимается попытка использования новых подходов к изучению проблемы воздействия модернизационных процессов на изменение форм и методов развития социально-экономической политики в отношении сельских тружеников.

Адресуется историкам, преподавателям, студентам, сотрудникам высших и средних специальных заведений и всем, кто интересуется данной проблемой.

Ключевые слова: *оккупация, ущерб, восстановление, государственная политика, материальные фонды, бюджет, капиталовложения, социальная политика, денежная реформа, жилищное строительство, система снабжения.*

ISBN 978-5-9500227-0-8

Чайка Е.А.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СЕЛЕ В 1945–1965 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО, СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЕВ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

монография

Evgeniy A. Chaika

Socioeconomic policy of the soviet state in rural territories in 1945–1965 (evidence from Krasnodar, Stavropol territories and the Rostov region)

(monograph)

Moscow, BIBLIO-GLOBUS, 2017

Москва
БИБЛИО-ГЛОБУС
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Evgeniy A. Chaika

SOCIOECONOMIC POLICY OF THE SOVIET STATE IN RURAL TERRITORIES IN 1945–1965 (EVIDENCE FROM KRASNODAR, STAVROPOL TERRITORIES AND THE ROSTOV REGION)

CONTENT

.

The monograph is dedicated to general trends and peculiarities of socioeconomic policy implementation by central and local authorities in relation to rural workers in Krasnodar, Stavropol Territories and the Rostov Region in 1945–1965. The author has made an attempt to use new approaches to studying of the problem of impact of the modernization processes on the change of forms and methods of socioeconomic policy development in relation to rural workers.

The article may be of interest for historians, lecturers, students, employees of higher and secondary educational institutions and everyone who takes interest in this problem.

Keywords: *occupation, damage, recovery, state policy, material funds, budget, interests vested, social policy, monetary reform, housing development, supply system.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Переосмысление значимых сюжетов и проблем отечественной истории XX века, которое происходит в последние годы, пока еще в малой степени коснулись ее социально-экономических аспектов. Поэтому многие вопросы здесь до сих пор остаются дискуссионными. В полной мере это касается и послевоенного времени. Потребность в научных исследованиях вполне очевидна, в первую очередь, в силу особой значимости самого исторического этапа.

В рамках послевоенного времени современными отечественными и зарубежными исследователями выделяется период 1945–1953 гг., который представляет собой важный исторический отрезок в экономическом развитии Советского Союза. Став победителем в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., СССР включился в борьбу за мировое лидерство, что наложило заметный отпечаток на всю экономику послевоенного периода, в том числе и на развитие сельского хозяйства.

После окончания войны экономика страны по-прежнему сохраняла в себе признаки военного времени. Это проявлялось, в первую очередь, в том, что средства, полученные за счет сельского хозяйства, вкладывались руководством страны в развитие тяжелой промышленности. Следствием такой политики стало формирование у значительной части населения (особенно сельского) дефицита не только товаров широкого потребления, но и зачастую элементарных продуктов питания. Кроме того, в трудовом законодательстве в эти годы продолжали сохраняться репрессивные меры, свойственные периоду военного времени, что негативно отражалось на благосостоянии большей части населении нашей страны. Объективное исследование этих непростых исторических процессов является наиболее перспективным направлением развития исторической науки на современном этапе.

С 1953 г. начался новый этап в социально-экономической политике советского государства, связанный с новым лидером страны Н.С. Хрущевым, деятельность которого была направлена на поиск эффективной социально-экономической модели. Данная модель основывалась, в первую очередь, на скорейшем подъеме сельского хозяйства, путем быстрого расширения посевных площадей за счет освоения целинных земель для чего в будущем предполагалось превратить колхозы в крупные хозяйства индустриального типа, а так же расширения сферы применения механизированного и поточного производства. Для сельского хозяйства в данный исторический период стало характерным соединение производительного труда с научным знанием.

В 1950–1960-е гг. власть и общество путем огромных усилий продолжали развивать индустриальный потенциал страны. За данный период СССР многого достиг в экономической, социальной и научной сферах. Набравшая высокий темп урбанизация активно распространяла городской образ жизни на село и, тем самым, свидетельствовала о важных шагах перехода от аграрного общества к индустриальному. В тоже время урбанизация одновременно вела к опасным социальным последствиям, которые проявились в дальнейшем. При этом именно 1953–1964 гг. дали обширный и вполне убедительный материал для понимания особенностей развития СССР за все послевоенные годы. Тем не менее, долгое время после вынужденной отставки Н.С. Хрущева о преобразованиях этого периода было не принято ни писать, не говорить.

К сожалению, и сегодня период хрущевского правления окутан многими тайнами, особенно, что касается социально-экономических преобразований. До сих пор не существует однозначной оценки, которую дают отечественные и зарубежные исследователи реформаторской деятельности Н.С. Хрущева, как политика новой формации. Редкий вопрос, относящийся к этому периоду, не имеет в историографии нескольких, нередко противоположных, точек зрения.

Тема истории советского крестьянства не была обделена вниманием исследователей. Проблемой изучения социально-экономической политики советского государства в отношении сельских тружеников в послевоенный период занимались известные русские и зарубежные ученые: В.Т. Анисков, Н.И. Анисимов, Ю.В. Арутюнян, Н. Верт, И.М. Волков, О.Л. Лейбович, С.С. Сергеев, А.П. Теряев, И.Е. Зеленин, О.М. Вербицкая, Е.Ю. Зубкова, Л.Г. Косулина, Э. Морен, Р. Пайпс, Р.Г. Пехоя, В.П. Попов, А.В. Пыжиков, Ф. Фюре и др.

Знакомство с изучаемой проблемой показывает, что, несмотря на наличие работ, комплексного исследования социально-экономической политики в отношении сельских тружеников Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области в 1945–1965 гг. не проводилось.

Необходимо отметить, что данное монографическое исследование имеет большое прикладное значение: данные работы могут быть использованы историками, экономистами, политологами, применяться в учебном процессе при разработке лекционных спецкурсов по краеведению, при написании истории Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области.

Б.В. Виноградов,
доктор исторических наук, профессор АГПУ

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях, как и в послевоенные годы, социальная политика провозглашается одним из приоритетных направлений в деятельности российского государства.

В 2015 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании к Федеральному Собранию обозначил важнейшие направления социальной политики, предполагающие повышение уровня жизни: «...необходимо поддержать людей с низкими доходами, наиболее уязвимые категории граждан, перейти, наконец, к справедливому принципу оказания социальной помощи, когда её получают те, кто в ней действительно нуждается. В частности, надо учитывать индивидуальные потребности людей с ограниченными возможностями, особое внимание уделить вопросам их профессиональной подготовки и трудоустройства инвалидов.

Россия не имеет права быть уязвимой. Нам нужно быть сильными в экономике, в технологиях, в профессиональных компетенциях, в полной мере использовать сегодняшние благоприятные возможности, которых завтра может уже и не быть.

Мы многое сделали в демографии, образовании, здравоохранении. Основные ориентиры в этих сферах обозначены в майских указах 2012 г. Конечно, жизнь вносит свои коррективы и существенные коррективы, но сейчас при текущих сложностях ответственность за благополучие людей только повышается, и прошу относиться к этим указам самым серьёзным образом. Нужно стремиться к их исполнению» [97].

В Конституции РФ, принятой в 1993 г. на всенародном референдуме, в седьмой статье провозглашается, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [52, с. 12].

В советской историографии послевоенный период рассматривался как строительство социализма и коммунизма. Всеобъемлющий процесс послевоенных преобразований рассматривается нами как модернизационный процесс.

Модернизация – явление цивилизационного масштаба, глобальный феномен мировой истории [68, с. 10]. Под знаком модернизации прошли XVII–XX вв. мировой истории. По мнению академика РАН В.В. Алексеева, под модернизацией понимается всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу, который при переходе может быть представлен как совокупность процессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, становления современных мотивационных механизмов и т. д. [84, с. 3].

Модернизация – комплексный процесс. Он охватывает различные сферы общественной жизни: экономическую, социальную, политико-правовую, культурную. Изменения в этих сферах связаны между собой.

Российский опыт модернизации в определенной степени рассматривался зарубежными специалистами: экономистами, политологами, социологами, историками (Дж. Соросом, С. Хантингтоном, С. Блеком и др.), многие наблюдения которых представляют несомненный интерес [113].

В конце XX начале XXI вв. историки, философы, политологи на основе новых парадигмальных подходов делают попытки осмыслить постреволюционные преобразования в СССР. Значительный вклад в изучение концепции модернизации вносят академик РАН, директор института истории и археологии УрО РАН В.В. Алексеев, профессор А.Г. Вишневский, П.А. Беляева, В.П. Милецкий, Ю.А. Стецура и др. [99].

В монографии «Опыт российской модернизации. XVIII–XX века» впервые в отечественной историографии в концентрированном виде раскрыты теоретические, методологические, концептуальные особенности теории модернизации. Автором дана периодизация российской модернизации, а также уделено значительное внимание переустройству советского общества. По мнению В.В. Алексеева, в 40–50 гг. модернизационные процессы углублялись и расширялись. Так, к 1955 г. было произведено промышленной продукции в 3,2 раза больше, чем до войны. При этом производство средств производства увеличилось почти в 4 раза. За 50-е гг. энерговооруженность рабочей промышленности возросла в 3,2 раза. СССР стал одной из двух стран мира, способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в то время человечеству. Тем самым было преодолено стадиальное отставание России от передовых индустриально развитых стран [87, с. 68].

В 1997 г. Л.А. Беляева опубликовала монографию «Социальная модернизация в России в конце XX века», в которой анализируются социальные изменения, происходившие под воздействием крупномасштабных экономических сдвигов в социокультурной структуре общества и ценностном сознании населения России в годы постсоветской модернизации [14].

В 50–60 гг. XX в. были отмечены крупные успехи, связанные с научно-техническим прогрессом: достижения в области атомной и электроэнергетики, ракетно-космической техники, машиностроении и других отраслях экономики. Гипертрофированное развитие тяжелой промышленности сужало сферу потребления и услуг, ограничивало рост благосостояния народа.

Однако послевоенная модернизация имела свою специфическую особенность: она развивалась в условиях «холодной войны» и постоянном капиталовложении в военно-промышленный комплекс. Расходы на оборону возросли с 16,2 млрд руб. в 1950 г. до

51,3 млрд руб. в 1970 г. (в сопоставимых ценах). Численность занятых в военно-промышленном комплексе увеличилась с 1 135 тыс человек в 1946 г. до 2 850 тыс – в 1956 г. и 4 533 тыс – в 1965 г. [109]. Эти процессы не могли не затронуть сельских тружеников, которые активно участвовали в послевоенном преобразовании страны. Восстанавливая разрушенное войной народное хозяйство и способствуя советской модернизации, российское крестьянство при этом долгое время было лишено социальных гарантий.

Изучение социальной политики 40–60 гг. является актуальной проблемой, т. к. послевоенное переустройство страны было направлено на решение важнейших вопросов: возрождение Советского Союза, завершение модернизационных процессов, развитие социальной активности всех трудящихся, в том числе и крестьянства.

Стремление Советского правительства изменить социальную политику в отношении сельских тружеников было продиктовано как объективными, так и субъективными причинами. К объективным обстоятельствам необходимо отнести активное влияние модернизационных процессов на социальную сферу, а к субъективным – стремление политического руководства активизировать человеческий фактор для решения продовольственной безопасности страны и обеспечение зерновыми страны Восточной Европы и Китая.

В советской историографии термин «социальная политика» не употреблялся, т.к. в 1952 г. И.В. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» вывел основной закон, который определял главное значение социализма: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования производства на базе высшей технике» [122, с. 182].

Сегодня, в современных условиях построение нового российского общества, под социальной политикой понимается многогранный процесс, осуществляемый государством с помощью системы

конкретных мер и мероприятий, направленных на жизнеобеспечение населения.

Научная актуальность проблемы заключается в анализе исторического прошлого советского государства, в реализации социальной политики 50–60-х гг. в отношении сельских тружеников. Строительство нового правового, социального и демократического государства в России можно будет успешно реализовывать только при изучении накопленного опыта. Подлинно научное, объективное познание исторического пути позволит избежать ошибок, упущений в реализации социальной политики на этапе современной модернизации России.

Объектом исследования является изучение влияния модернизационных процессов на социальную сферу страны в целом и сельских тружеников Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области в частности. В этих регионах воплощены общие типологические свойства и регионально-историческая специфика модернизационного процесса.

Предметом исследования выступают формы и методы реализации социальной политики Советским государством в отношении сельских тружеников и ее претворения в жизнь местными партийными, государственными органами Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области в послевоенный период.

Хронологические рамки исследования охватывают послевоенный период (1945–1965 гг.). Нижние хронологические рамки – 1945 г. – завершение Великой Отечественной войны и начало восстановительного периода. Верхние хронологические рамки 1965 г. – это переход Советского государства к новым экономическим реформам, связанным с мартовским Пленумом (1965 г.), которые изменили подходы к социальной политике на селе. В рамках этого периода мы выделяем 1945–1955 гг. – завершение восстановления народного хозяйства и поиск путей эффективного развития сельскохозяйственного производства.

проблемы развития сельскохозяйственного производства в годы первой послевоенной пятилетки. Эти авторы анализировали вопросы восстановления, организационно-хозяйственного укрепления колхозов, как правило, на материалах центрально-черноземных районов России [9].

Несмотря на определенный идеологический характер литературы первого послевоенного десятилетия, она содержит богатый фактический материал, рассказывающий об ущербе, причиненном народному хозяйству немецкими оккупантами, а также о восстановлении и производственной деятельности крестьянства, его трудовых буднях, участии в социалистическом соревновании. В то же время вопросы социальной политики в этих работах затрагивались эпизодически.

Во второй половине 50-х – начале 60-х гг. в связи с решениями XX съезда КПСС наблюдается новый подход к более углубленному и активному изучению истории деревни.

В этот период появляются первые коллективные монографии и сборники статей: «Новый этап в развитии колхозного строя», «Сельское хозяйство СССР», «КПСС – организатор борьбы за крутой подъем сельского хозяйства», «Союз рабочего класса и крестьянства на современном этапе» [83; 107; 55], в которых был показан результат первых шагов хрущевских преобразований в сельском хозяйстве. Однако в этих работах был дан недостаточный анализ социальной политики, проводимой на селе. Со второй половины 50-х гг. историки, экономисты стали уделять больше внимания изучению материального положения крестьянства. Этой проблеме посвящены работы Д. Чершеева, В.Г. Фурова, Т.И. Заславской, Н.С. Лагутина, А.Ф. Тарасова [143; 134; 38; 63]. При этом в исследованиях чаще всего рассматривалось материальное положение крестьянства центральных регионов и Сибири. Вопросы реализации социальной политики в отношении тружеников Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области не получили должного освещения.

С 1955–1965 гг. – реформаторская деятельность Н.С. Хрущева, направленная на поиск эффективной социальной политики, расширение сферы применения механизированного, поточного производства, начало процесса соединения производительного труда с научным знанием в сельском хозяйстве. Однако, рассматривая особенности социальной политики Юга России, мы выходим за указанные хронологические рамки и начинаем исследование с января 1943 г., когда проходило освобождение Северного Кавказа и прежде всего – Краснодарского, Ставропольского краёв и Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков.

Территориальные рамки исследования охватывают современные административно-территориальные границы Российской Федерации: Краснодарский, Ставропольский края и Ростовскую область, так как в послевоенный период эти регионы решали вопросы продовольственной безопасности и обеспечения промышленности сырьем.

В данной работе предпринята попытка изучение влияния поствоенных модернизационных процессов на социально-экономическую политику советского государства в отношении крестьянства Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области.

Степень научной разработанности проблемы определяется тем, что до настоящего времени многие вопросы социальной политики государства в отношении сельских тружеников в послевоенный период рассматривались исторической наукой, как правило, с позиции моноидеологии.

Литература первых послевоенных лет свидетельствует о том, что история крестьянства как самостоятельная проблема исследовалась недостаточно. Авторы публикаций в основном рассказывали о решениях партии и правительства по вопросам развития сельского хозяйства. В работах Н.И. Анисимова, С.С. Сергеева, А.П. Теряевой рассматривалась трудовая активность крестьянства, раскрывались

Следующий период изучения истории крестьянства связан с публикацией статистических сборников, материалов переписи населения 1959 г.

Одной из первых монографий, в которой подробно освещена численность различных социальных групп сельского населения в годы войны, была монография Ю.В. Арутюняна «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны». В этой работе на основе тщательного изучения статистических данных автор показал тяжелые последствия войны не только в экономике колхозной деревни, но и в численном составе крестьян, являющихся одной из главных производительных сил советского общества [13].

В работах, изданных в 70–80-х гг., историки-аграрники опубликовали ряд обобщающих исследований по истории сельского хозяйства и материального положения советского крестьянства. Необходимо в первую очередь отметить коллективные труды: «Советское крестьянство 1917–1970 гг.: краткий очерк истории», «Советская деревня в послевоенные годы (1946–1950)», а также исследование «История советской деревни (1917–1967)» под редакцией В.П. Данилова [110; 109; 47]. В этих работах показана руководящая роль партии по преобразованию села, раскрывается трудовой подвиг крестьян.

Важной вехой в советской историографии в исследуемые годы явилась пятитомная коллективная монография «История крестьянства СССР». В четвертом томе «Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества 1945–1950 годов» освещена история крестьянства в годы восстановления народного хозяйства. Коллектив авторов обобщил значительный материал о развитии колхозной деревни в условиях перехода к мирному строительству, восстановлению материально-технической базы колхозов в послевоенный период. В этом труде впервые показаны социальные, демографические изменения в послевоенной деревне, а также общественно-

тепель», в которой автор пытается определить значение и место социально-экономических реформ 50–60-х гг., проходивших в нашей стране, а также роль Н.С. Хрущева в этих процессах [98].

В 2000-х гг. вышли в свет знаковые монографические и диссертационные исследования по социально-экономической политике Советского государства послевоенного периода [31; 137; 138; 139]. Так, например, Н.Г. Харитонова, в своем исследовании «Партийногосударственная программа социального развития советской деревни и уровень жизни колхозного крестьянства в 1953–1991 гг.» предприняла попытку провести комплексный, научный анализ партийно-государственной программы социального развития советской деревни и показать влияние ее реализации на уровень жизни, культуру и быт колхозного крестьянства в 1953–1991 гг. [137].

Значительный интерес представляет работа Р.Р. Хисамутдиновой «Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (1940 – март 1953 гг.)», в которой показано материально-бытовое положение крестьян Урала, в том числе и в послевоенный период [137].

Авторы этих работ приводят документы, статистические материалы в целом по РСФСР, изредка упоминая данные по объему употребления продуктов питания сельскими жителями, о темпах жилищного и колхозного строительства на Кубани, Ставрополье и Дону.

На рубеже веков возросло число школ, концепций и взглядов на становление и развитие общества. Однако некоторые исследования этого периода характеризуются принижением роли советской исторической науки.

Реализация социальной политики также исследовалась учеными, партийными, советскими работниками Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области. В региональной литературе нашли отражение различные стороны жизни сельских тружеников в военное и послевоенное время.

политическая жизнь крестьянства. Авторский коллектив впервые отразил динамику жилищного и бытового строительства, роста материального положения и культурного уровня сельских тружеников. В работе исследуется аграрная политика партии и советского государства, направленная на укрепление колхозного строя, подъем трудовой активности колхозного крестьянства, изменение численности в его социально-профессиональном составе. Целая глава тома посвящена повышению благосостояния и культурного уровня сельских тружеников. Основные данные приводятся по союзным республикам и РСФСР в целом, а Кубань, Ставрополье и Дон рассматриваются эпизодически [58].

Изменения, произошедшие в российском обществе в 1991 г., открыли новый этап в изучении политической истории страны в целом и 40–60-х гг. в частности. Изменение парадигмального подхода, основанного на новых архивных источниках, характеризует работы ведущих российских ученых, занимающихся аграрной проблемой этого периода, таких как И.Е. Зеленина, О.М. Вербицкой, А.А. Данилова, В.П. Данилова, Е.Ю. Зубковой, Л.Г. Косулиной, Р.Г. Пехоя, В.Т. Анискова [40; 17; 41; 53; 93]. Их труды позволили раскрыть ранее неизвестные процессы отечественной истории. Так, О.М. Вербицкая на выявленных архивных материалах анализирует вопросы партийно-государственного диктата в отношении российского крестьянства, показывает систему труда в общественном и личном хозяйствах, сложное материальное положение тружеников села [17]. В работе В.П. Попова «Крестьянские налоги в 40-е годы» исследуются взаимоотношения государства с крестьянством, подробно анализируется система налогов на личное хозяйство, роль индивидуальных хозяйств в системе производства сельхозпродуктов в стране и причины, побудившие крестьян вести подсобные хозяйства. Непродуманная налоговая политика государства, по мнению автора, вела к обнищанию деревни [95, с. 95–107].

А.В. Пыжиковым опубликована монография «Хрущевская от-

В 1943 г. М.А. Суслов опубликовал статью «Вопросы колхозного строительства в освобожденных районах», в которой обозначил основные проблемы восстановления сельского хозяйства на Ставрополье. В годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) стали появляться публикации, рассматривающие восстановительные процессы в сельском хозяйстве в исследуемых регионах. Так, например, К.Н. Ковалев исследовал прошлое и настоящее крестьян Ставрополья, а в сборнике статей «Возрождение» показаны первые итоги послевоенных лет народного хозяйства Ставропольского края. Одним из первых исследований, осветивших восстановление Ростовской области после освобождения, стала работа И. Юдовича «Возрождение». В публикации И.И. Хорошилова «Возрождение советского Дона» отражен богатый статистический материал об ущербе, причиненном немецко-фашистскими оккупантами Ростовской области. Ф.В. Невозова в своей работе показала восстановление народного хозяйства в Краснодарском крае [81].

В последующие годы исследователи продолжали уделять внимание военному и послевоенному развитию аграрной политики. К этим ученым относятся Д.И. Дубоносов, И.М. Волков, В.И. Куликов, Ю.П. Денисов, М.А. Вылцан, Д.В. Кочура и др. [32; 19; 30; 61; 22; 54]. В своих работах они осветили роль и деятельность партийных и советских органов по мобилизации сил и средств на восстановление сельского хозяйства. Д.В. Кочура в небольшой работе раскрыл героический труд тружеников города и деревни, привел интересные данные об оказании помощи тружениками села армии в годы войны.

В 60-е годы были изданы публикации, обобщающие опыт передовиков сельскохозяйственного производства [118]. В это же время появляются кандидатские диссертации, в которых исследуются вопросы партийного руководства сельским хозяйством, анализируется деятельность КПСС по внедрению передового опыта [12]. Новый подход в осмыслении социально-экономических проблем применил Ф.Б. Садыков, поставив вопросы о противоречиях социалистической

системы. Ценность данного исследования состоит в том, что отдельные проблемы социально-экономического развития 50–60-х гг. рассматриваются и анализируются автором в контексте решения вопросов философского и социологического характера: соотношение объективных и субъективных факторов развития общества и личных интересов, взаимоотношений руководителей и масс, внутрипартийных противоречий и путей их преодоления. Вместе с тем, автору не удалось уйти от чрезмерной критики «субъективизма» и «волюнтаризма», присущей многим работам второй половины 60–70 гг. [101].

На материалах Дона А.Ф. Тарасов в работе «Развитие колхозной собственности в общенародную» показал проблемы перехода от отраслевого управления экономикой к системе совнархозов [129]. Также в центре внимания региональных исследователей оказались такие события, как экономическая реформа 1965 г. и мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС [55].

В научных трудах, опубликованных в 70–90-х гг. XX в., в обобщенном виде раскрывается реализация аграрной политики советской власти в 50–60-е гг. [86; 87; 88].

В этих работах достаточно глубоко исследовались вопросы экономического, политического развития села, но проблемы социальной политики в отношении сельских тружеников рассматривались фрагментарно.

Значительным коллективным трудом является «История городов и сел Ставрополья» [44]. В этой книге наряду с историей возникновения и развития сельских территориально-административных образований авторский коллектив не обошел вниманием вопросы послевоенного восстановления сельского хозяйства, показав проблемы и трудности этих процессов, но вопросы социальной политики не получили достаточного отражения. Кроме этой коллективной монографии появляются многочисленные исследования истории населенных пунктов, колхозов и совхозов [7; 15; 24; 25; 27; 34; 36; 43; 45].

Особое место в изучении некоторых вопросов социально-экономической политики занимают труды региональных исследователей успешно защитивших диссертации в 2000-х годах [33; 49; 64; 66; 90]. Важное место среди них занимает работа М.Р. Струговой, «Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.): на примере Краснодарского края». Автор в своей работе исследует кризисные ситуации в послевоенный период на Кубани. На богатом архивном материале рассматривает продовольственный кризис его причины и социальные последствия голода, а так же ход денежной реформы и отмену карточной системы [124].

Однако необходимо отметить, что не все стороны социально-экономической политики нашли отражение в данных работах.

В зарубежной историографии история крестьянства рассматривается в общих работах по истории России – Н. Верта, Р. Пайпса, Ф. Фюре, Э. Морена и др. [18; 89; 135; 71].

Анализ историографии изучаемой проблемы показывает, что, несмотря на наличие работ, комплексного исследования социально-экономической политики в отношении сельских тружеников Краснодарского, Ставропольского краев, Ростовской области в 50–60-х гг. нами не выявлено.

Источниковая база исследования включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные архивные документы, нормативно-правовые, законодательные акты, сборники документов и материалов, воспоминания, периодическую печать, статистические данные.

Большую часть источников составили неопубликованные материалы, выявленные в центральных и местных архивах. Нами изучено 36 фондов. Наиболее ценные документы для анализа роли советских органов содержатся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Раскрытию проблем социального реформирования советского общества 40–60-х гг. способствовали материалы: Фонда Р–7523 (Протоколы заседаний, указы и постановления Пре-

зидиума Верховного Совета СССР за 1945–1965 гг.); Фонда Р–5446 (Протоколы заседаний и постановления Совета Народных Комиссаров и Совета министров); Фонда Р–9504 (Материалы Комитета при Совете Народных Комиссаров СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации) и др.

Изучение социально-экономической политики в послевоенном обществе обусловило необходимость привлечения документов некоторых министерств, комитетов, комиссий и отделов, хранящихся также в Государственном архиве Российской Федерации. Это Фонд Р–9553 (Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам, Министерства труда и социальных вопросов СССР); Фонд Р–8009 (Министерства здравоохранения СССР); Фонд 5451 (Всесоюзного центрального Совета профессиональных союзов); Фонд 7924 (Центральных комитетов профессиональных Союзов работников машинно-тракторных станций и земельных органов); Фонд 327 (Главное переселенческое управление при Совете министров); Фонд 374 (Центральное статистическое управление при Совете Министров РСФСР); Фонд 6759 (Комитет товарных фондов и регулирования торговли при Совете труда и обороны) и др.

В Российском Государственном архиве экономики (РГАЭ), исследованы: Фонд 1562 (Центрального статистического управления при Совете министров СССР); Фонд 195 (Министерство торговли СССР); Фонд 437 (Государственного комитета цен при Совете министров СССР); Фонд 9476 (Совета по делам колхозов при Совете министров СССР); Фонд 7486 (Министерства сельского хозяйства); Фонд 7803 (Министерства совхозов СССР); Фонд 8090 (Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации). Выявленные документы позволили впервые ввести в научный оборот новые статистические данные по пенсионному обслуживанию сельских тружеников.

В Российском государственном архиве социально-политичес-

кой истории (РГАСПИ) использовался Фонд 17, в котором были выявлены документы отделов ЦК КПСС, переписка с местными партийными советскими органами по вопросам восстановления и развития сельского хозяйства в послевоенный период. Фонд 586 дал возможность изучить, как ставились и развивались в третьей программе КПСС вопросы сельского хозяйства в целом и повышения благосостояния советских крестьян в частности.

Выявленные нами документы в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК) позволили исследовать развитие и совершенствование агропромышленного производства региона; развитие социально-экономических изменений в отношении сельских тружеников в период реформ 50–60-х гг. Нами изучены: Фонд Р–687 (Краснодарский краевой Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет); Фонд Р–1378 (Плановая комиссия крайисполкома); Фонд Р–1246 (Статистическое управление Краснодарского края); Фонд Р–1490 (Совет народного хозяйства Краснодарского края экономического административного района); Фонд Р–1480 (Управление сельского хозяйства Краснодарского крайисполкома); Фонд Р–1717 (Краснодарское краевое управление сельского строительства); Фонд Р–344 (Управление бытового обслуживания населения Краснодарского крайисполкома); Фонд Р–1631 (Отдел социального обеспечения Краснодарского крайисполкома) и др.

В Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) изучены: Фонд 1774–А (Краснодарский крайком КПСС); Фонд 2006; Фонд 5523 (Славянский сельский партком КПСС); Фонд 5561 (Каневской партком КПСС колхозно-совхозного строительства). В этих фондах собрана информация о выполнении решений ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Крайкома КПСС по экономическим, политическим и социальным вопросам.

В Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) был выявлен значительный объем материалов как о развитии производ-

ственной деятельности тружеников Ставрополья, так и формировании продовольственных фондов, борьбе с беспризорностью, восстановлении Кавказских Минеральных Вод, обеспечении тружеников села жильем и другие вопросы. Были изучены: Фонд Р–5816 (Управление по строительству колхозов Исполком Ставропольского краевого Совета депутатов трудящихся); Фонд Р–3313 (Отдел по строительству в колхозах исполнительных комитетов районных советов депутатов трудящихся); Фонд Р–4754 (Управление бытового обслуживания населения исполнительных комитетов краевого Совета депутатов трудящихся) и др.

В Государственном архиве новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК) были изучены Фонд–1 и Фонд–5351 (Ставропольский крайком КПСС). Выявленные документы показали реализацию постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР на местах, темпы, объемы и меры по индустриализации жилищного строительства в регионе, состояние культурно-бытового обслуживания колхозников и работников совхозов, реализацию закона о пенсиях и пособиях членам колхозов Ставропольского края.

Значительный фактический и статистический материал был выявлен в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО): Фонд Р–3737 (Исполнительный комитет Ростовского областного совета депутатов трудящихся); Фонд Р–4358 (Исполнительный комитет Каменского областного совета трудящихся) и Фонд Р–4219 (Отдел социального обеспечения Ростовского облисполкома). Архивные данные позволили изучить формы и методы руководства областных и местных органов власти по осуществлению социальной политики в Ростовской области в период реформ 50–60-х годов.

В Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) исследован Фонд–9 (Ростовского обкома КПСС). В этом фонде собраны материалы об ущербе, причиненном Ростовской области немецко-фашистскими захватчиками, о колхозном и жи-

лищном строительстве в сельской местности и результатах укрупнения колхозов области.

При написании работы нами использовался целый ряд опубликованных источников. Это документы центральных партийных, советских органов власти. К ним относятся изданные стенографические отчеты XIX, XX, XXI, XXII, XXIII съездов КПСС, заседания сессий Верховного Совета СССР, а также различные решения партии, правительства, включённые в многотомные сборники: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» (тома 7–10), «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам» (тома 3–5). Справочник партийного работника» (выпуски 1–6) [114; 115; 116; 117]. Анализ опубликованных документов дает возможность проследить курс правящей партии на восстановление и развитие сельского хозяйства, а также формирование социальной и аграрной политики в поствоенный период.

Особый интерес представляют опубликованные материалы местных органов власти. К ним относятся: «Хрестоматия по истории Кубани (1917–1967 гг.)»; «Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях», «Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани: историко-документальный альбом»; «Наш край: документы и материалы (1917–1977 гг.)» [34; 57; 79]. В данных работах собран ценный материал, включающий в себя решения и постановления крайисполкомов, облисполкома, а также районных Советов депутатов трудящихся, протоколы собраний колхозов и совхозов.

Интересный материал представлен в документах как центрального, так и местных статистических бюро. Статистические данные за 50–60-е гг. нашли отражение в сборнике: «Народное хозяйство СССР» за 1957–1970 гг. [78]. Существенный цифровой материал, дающий возможность представить динамику развития сельского хозяйства в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской об-

ласти, выявлен нами в местных сборниках: «Народное хозяйство Ростовской области», «Ростовская область за 40 лет», «Ростовская область 70 лет созидания» [100], «Народное хозяйство Краснодарского края», «60 лет Краснодарскому краю (1937–1997 гг.) Юбилейный статистический сборник», «Достижения Ставрополья за 40 лет мирного труда», «Достиженья Ставрополья к 60-летию образования СССР» [72].

Информационно насыщенную группу источников составила периодическая печать. Журнал «Известия ЦК КПСС», выходивший с 1989-го по 1991-й гг. На его страницах размещались документальные свидетельства той эпохи: доклад Н.С. Хрущева о культе личности и его последствиях на XX съезде КПСС. В современных условиях публикацию документов продолжил журнал «Источник».

В журнале «Экономика сельского хозяйства» – органе министерства сельского хозяйства, а также на страницах «Блокнота агитатора» и «Социологического журнала». Ставились вопросы об изменении руководства в сельскохозяйственном производстве, повышении роли материального стимулирования, улучшения снабжения, изменения государственной социально-экономической политики в отношении крестьянства.

Знакомство с научным осмыслением социально-экономических реформ, проходивших в 1945–1965 гг., сделало необходимым использование материалов, публиковавшихся в научных изданиях – «Вопросы истории», «История СССР», «Отечественная история», «Вопросы экономики», «Вопросы философии». Анализ публикаций в этих журналах дает представление об уровне понимания наукой аграрной и социальной политики советского правительства в послевоенный период.

Значительный объем источников по изучению общественно-политического, социально-экономического состояния российского общества в 40–60-е гг. составили газеты тех лет, в частности цен-

тральный печатный орган ЦК ВКП (б), а с 1952 г. ЦК КПСС – газета «Правда». В работе использованы материалы центральных изданий: газета «Известия» – печатный орган Верховного Совета СССР и РСФСР, «Комсомольская правда» – печатный орган ЦК ВЛКСМ и «Советская Россия» – печатный орган ЦК КПСС и Совета Министров РСФСР.

Особый интерес представляет региональная периодическая печать: такие газеты, как «Советская Кубань» – орган Краснодарского крайкома КПСС и краевого Совета депутатов трудящихся, «Большевик» – орган Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б) и краевого Совета депутатов трудящихся, «Молот» – орган Ростовского обкома, «Ставропольская правда». Эти источники отражали трудовую повседневность тружеников села Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области.

Отдельную группу источников образует мемуарная литература. Это воспоминания бывших лидеров партии и государства, ответственных работников. Нами использованы мемуары Н.С. Хрущева [142], в которых автор дает свою оценку некоторым минувшим событиям, порой не соглашаясь с самим собой. Богатый фактический материал различных «неформальных обстоятельств» содержится в воспоминаниях В.М. Молотова, А.И. Аджубея, Л.И. Брежнева, А.А. Громыко [3; 16; 29; 145], а также в мемуарах региональных руководителей и передовиков сельскохозяйственного производства Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области – М.А. Суслова, Д.С. Полянского, В.А. Светличного, В.Я. Первицкого, В.Н. Солошенко, Г.К. Горлова, И.Т. Таранова [127; 94; 91; 111; 128].

В первой главе монографии «Социально-экономическая политика советского государства в годы восстановления народного хозяйства (1945–1955 гг.)» рассматриваются государственная политика советской власти по восстановлению сельского хозяйства в первые

послевоенные годы, а так же восстановление социальной сферы в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области.

Вторая глава «Государственная политика в развитии благосостояния сельских тружеников 1955–1965 гг.» посвящена влиянию организационных изменений в сельскохозяйственном производстве на социальную жизнь крестьянства и реформированию оплаты труда и пенсионного обслуживания на селе.

В третьей главе «Осуществление советской властью социальных гарантий тружеников села» анализируется развитие жилищного строительства на селе в послевоенные годы и улучшение системы снабжения и быта сельских тружеников.

Примечания

1. Абросенко, К.С. О социалистическом перевоспитании крестьянства / К.С. Абросенко. – М.: Госполитиздат, 1949. – 140 с.

2. Агнатовский, И.А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне / И.А. Агнатовский. – М.: Наука, 1971. – 265 с.

3. Аджубей, А.И. Те десять лет: воспоминания о Н.С. Хрущеве / А. И. Аджубей. – М.: Сов. Россия, 1989. – 335 с.

4. Акопян, В.З. Город Святой Крест. Между прошлым и настоящим 1799–2009 гг. Исторический очерк: монография / В.З. Акопян. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – 360 с.

5. Алексеенко, И.И. Великий союз созидателей / И.И. Алексеенко. – Краснодар: Кн. изд-во, 1971. – 126 с.

6. Андреев, О.П. Ессентуки и Кавказские Минеральные воды в истории Кавказа и России. Хронологический очерк событий. – Минводы: ОАО Издательство «Кавказская здравница» 2007. – 680 с.

7. Аникеев, А.А. Моя малая родина. История села Тугулук / А.А. Аникеев. – Ставрополь: Рарог, 1994. – 173 с.

8. Аникеев, А.А. Проблемы методологии истории: курс лекций / А.А. Аникеев. – Ставрополь: Эксмо, 1995. – 48 с.

9. Анисимов, Н.И. Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке / Н.И. Анисимов. – М.: Госполитиздат, 1952. – 189 с.

10. Анисимов, Н.И. Советское крестьянство / Н.И. Анисимов. – Изд. 2-е, доп. – М.: Приор, 1947. – 46 с.

11. Анисков, В.Т. Крестьянство против фашизма 1941–1945. История и психология подвига / В.Т. Анисков. – М.: Наука, 2003. – 319 с.

12. Артюшин, В.А. Партийные организации Кубани в борьбе за крутой подъем сельского хозяйства (1953–1960 гг.): дисс. … канд. ист. наук / В.А. Артюшин. – Краснодар, 1961. – 90 с.

13. Арутюнян, Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Артюнян. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1970. – 159 с.

14. Беляева, Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века / Л.А. Беляева. – М.: Инфра-М, 1997. – 174 с.

15. Богачкова, А.Е. История Изобильненского района / А.Е. Богачкова. – Ставрополь: Кн. Изд-во, 1994. – 326 с.

16. Брежнев, Л.И. Целина / Л.И. Брежнев. – М.: Политиздат, 1982. – 608 с.

17. Вербицкая, О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середины 40-х – начала 60-х годов / О.М. Вербицкая. – М.: Эксмо-пресс, 1992. – 638 с.

20. Верт, Н. История советского государства 1900–1991 гг. / Н. Верт. – 2-е изд., испр. – М.: Инфра-М, 2002. – 544 с.

21. Волков, И.М. Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.) / И.М. Волков. – М.: Наука, 1972. – 102 с.

22. Волков, И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР 1946–1950 гг. / И.М. Волков. – М.: Политиздат, 1972. – 327 с.

23. Вопросы колхозного строительства в СССР: сб. ст. / АН СССР. Ин-т экономики; под ред. И.Д. Лаптева, В.П. Дьяченко, А.А. Караваев. – М.: Госполитиздат, 1951. – 488 с.

24. Вылцан, М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958) / М.А. Вылцан. – Ростов-на-Дону: Госполитиздат, 1976. – 463 с.

25. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 2 / Б.Н. Миронов. – СПб.: Рубин, 1989. – 453 с.

26. Георгиевский район. Исторические хроники. / Отв., за выпуск Павлий Т.М. г. Георгиевск 2006.

27. Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1945–1964 годах: сборник документов / составители В. Белоконь, Т. Колникова, Г. Никитенко. – Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. – 696 с.

28. Горлов, Г.К. России верный сын / Г.К. Горлов. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1999. – 134 с.

29. Горлова, И.И. Очерки истории культуры кубанского села / И.И. Горлова, В.И Лях, А.И. Манаенков. – Краснодар: Наука, 1991. – 159 с.

30. Громыко, А.А. Памятное. Книга 1 / А.А. Громыко. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат,1990. – 512 с.: ил.

31. Громыко, А.А. Памятное. Книга 2 / А.А. Громыко. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1990. – 559 с.: ил.

32. Денисов, Ю. Развитие колхозной демократии, 1945–1970 гг. / П. Денисов. – Ростов-на-Дону: Маркетинг, 1975. – 159 с.

33. Дрындин, В.Л. Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953–1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории: автореф. дисс. ... доктора исторических наук / В.Л. Дрындин. – Оренбург. 2004. – 50 с.

34. Дубоносов, Д.И. Деятельность коммунистической партии по восстановлению и развитию сельского хозяйства (1945–1950 гг.) / Д.И. Дубоносов. – Ростов-на-Дону: Госполитиздат, 1971. – 446 с.

35. Дубровская, Н.Г. Восстановление и развитие народного хозяйства Ростовской области в условиях Великой Отечественной войны:1941–1945 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Н.Г. Дубровская. – Ростов-на-Дону. 2005. – 28 с.

36. Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях: материалы к Летописи / И.Ю. Бондарь. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 800 с.: 102 ил.

37. Жинкин, А. Кубань: история, экономика, культура / А. Жинкин. – Краснодар: Приор, 2001. – 348 с.

38. Забелин В.М. Благодарненский район – из века в век: исторические очерки / В.М. Забелин. – Ставрополь. АГРУС, 2011. – 220 с.

39. Завгородний, Н.Г. Село устремленное в будущее: Шпаковское. К 200–летию основания / Н.Г. Завгородний. – Ставрополь: Кн. изд-во,1984. – 195 с.

40. Заславская, Т.И. Принцип материальной заинтересованности и оплаты труда в колхозах / Т. И. Заславская. – М.: Маркетинг, 1967. – 46 с.

41. Звезда Владимира Первицкого : жизнь замечательных людей Кубани // Краснодарские известия. – 2003. – 18 февр. – С. 2.

42. Зеленин, И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни (1946–1958 гг.): состав и деятельность обществ. орг., Советов, рост полит. активности сел. тружеников / И.Е. Зеленин. – М.: Наука, 1978. – 246 с.

43. Зубкова, Е.Ю. Общество и реформы (1945–1964) / Е.Ю. Зубкова. – М.: Эксмо-пресс, 1993. – 368 с.

44. Зырянов, Ф.П. Коммунистическая партия в борьбе за распространение и внедрение передового опыта в сельском хозяйстве после XXII съезда КПСС (на материалах Краснодарской краевой партийной организации): дисс. … канд. ист. наук / Ф.П. Зырянов. – М., 1963. – 113 с.

45. Из истории земли Ставропольской: сб. / Под ред. Н.Д. Судовцова. – Ставрополь: Наука, 1995–2000. – Вып. 1–5.

46. История городов и сел Ставрополья: краткие очерки / Под общ. ред. Д.В. Кочура, А.А. Кудрявцев. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2002. – 702 с.

47. История городов и сел Ставрополья. Краткие очерки. 2-е издание исправл., и дополненное. Издательство СГУ Ставрополь 2008. – 752 с.

48. История Кубани. XX век: очерки / А.М. Авраменко, А.В. Баранов, Ю.А. Болдырев [и др.]; под ред. В.Е. Щетнева. – Краснодар: Эксмо, 1998. – 317 с.

49. История советской деревни (1917–1967) / Под ред. В.П. Данилова. – М.: Госиздат, 1975. – 316 с.

50. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 316 с.

51. Козлова Надежда Алексеевна. Система народного образования Ставропольского края в 1945-1964 гг.: состояние и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Козлова Надежда Алексеевна. – Пятигорск. 2005. – 24 с.

52. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1938–1945 гг.). Т. 7 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под общ. ред.: А.Г. Егоров, К.М. Боголюбов. – 9-е изд. – М.: Ин-т Марксизма-

Ленинизма при ЦК КПСС, 1985. – 574 с.

53. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1946–1955гг.). – Т. 8 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС/ Под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1985. – 542 с.

54. Конституция Российской Федерации. – М.: Приор, 1997. – 31с.

55. Косулина, Л.Г. История России. XX век / Л.Г. Косулина. – М.: Дрофа, 1998. –354 с.

56. Кочура, Д.В. Наш край в годы Великой Отечественной войны / Д.В. Кочура. – Ставрополь: Рарог, 1995. – 316 с.

57. КПСС – организатор борьбы за крутой подъем сельского хозяйства. – М.: Наука, 1962. – 128 с.

58. Край наш Ставрополье: очерки истории / под ред.: Д.В. Кочуры, В. П. Невской. – Ставрополь: Зерцало, 1999. – 439 с.

59. Краснодарскому краю 65 лет: страницы истории в документах архивного фонда Кубани: историко-док. альбом / Упр. по делам архивов Краснодарского края. – Краснодар: Кн. изд-во, 2002. – 379 с.

60. Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества в 1945 – конец 50-х годов / отв. ред. И.М. Волков. – М.: Политиздат, 1988. – 145 с.

61. Криводед, В. КПСС и колхозное крестьянство, 1945–1950 гг. / В. Криводед. – Ростов-на-Дону: Владос, 1984. – 640 с.

62. Кузнецов, В.И. История Донского края / В.И. Кузнецов. – Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1971. – 346 с.

63. Куликов, В.И. Коммунистическая партия в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства. (1946–1958 гг.) / В.И. Кули-

ков. – М.: Эксмо, 1974. – 240 с.

64. Кущетеров, Р.М. Аграрная политика советского государства 1917–1991 гг. (на материалах Северо-Кавказского региона) / Р.М. Кущетеров. – М.: Госиздат, 1997. – 408 с.

65. Лагутин, Н.С. Проблемы сближения уровня жизни рабочих и колхозников / Н.С. Лагутин. – М.: Госполитиздат, 1965. – 210 с.

66. Лохова, Т.В. Сельское хозяйство Краснодарского края и Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Т.В. Лохова. – Майкоп. 2012. – 36 с.

67. Максимов, Л. Арифметика изобилия / Л. Максимов. – Краснодар: Госполитиздат, 1962. – 116 с.

68. Манелова, М. Н. Аграрный сектор в период послевоенного восстановления и реконструкции управленческой системы (1945–1964 гг.): На материалах Ставропольского края: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / М. Н. Манелова. – Пятигорск. 2004. – 26 с.

69. Мелешко, О.М. Колхоз «Орловский» (Кировский район) / О.М. Мелешко, И.В. Харечкин,. – М.: Дрофа, 1984. – 203 с.

70. Милецкий, В.П. Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства / В.П. Милецкий. – СПб.: Изд-во СПбГу, 1997. – 125 с.

71. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.).

72. Мое Прикумье: от Маджара до Буденновска. Автор составитель Н.А. Чернов. – М.: «Евразия +» 2008. – 136 с.

73. Морен, Э.О природе СССР: тоталитарный комплекс и новая империя / Э. Морен. – М.: Владос, 1995. – 153 с.

74. Народное хозяйство Краснодарского края: стат. сб. – Краснодар: Воениздат, 1971. – 144 с.

75. Народное хозяйство Ростовской области: стат. сборник. – Ростов-на-Дону: Воениздат, 1971. – 162 с.

76. Народное хозяйство СССР в 1960 году: стат. ежегодник. – М.: Госстатиздат, 1961. – 903 с.

77. Народное хозяйство СССР в 1961 году: стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – М.: Госстатиздат, 1962. – 903 с.

78. Народное хозяйство СССР в 1962 году: стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – М.: Госстатиздат, 1963. – 736 с. : табл.

79. Народное хозяйство СССР в 1965 году: стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Статистика, 1966. – 910 с.

80. Народное хозяйство СССР за 60 лет: юбил. стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Статистика, 1977. – 959 с.

81. Наш край: документы, материалы (1917–1977 гг.) / парт. архив Ставропольского обкома КПСС; гос. архив Ставропольского края. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. – 406 с.: ил.

82. Наша малая Родина / Под общ. ред. А. Кондратенко, В. Чирсков. Ставрополь 2010. – 424 с.

83. Невозова, Ф.В. Краснодарский край / Ф.В. Невозова. – Краснодар: Кн. изд-во, 1955. – 178 с.

84. Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России / Под ред. С.А. Чекменева. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. – 230 с.

85. Новый этап в развитии колхозного строя: сб. – М. : Изд-во стандартов, 1958. – 102 с.

86. Опыт российской модернизации. XVIII-XX века / Под ред. В.В. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 203 с.

87. От редута до райцентра. История Новоалександровска: селение, станица, город. Очерки, воспоминания, свидетельства, документы, архивная информация, фотоматериалы. Новоалександровск, 2009.

88. Очерки Истории Краснодарской организации КПСС: сб. – Краснодар: Рарог, 1976. – 128 с.

89. Очерки истории партийных организаций Дона (1921–1971). Ч. II / Под ред. П. Барчугова. – Ростов-на-Дону: Эксмо, 1973. – 199 с.

90. Очерки истории Ставропольской организации КПСС / ред. Д.В. Кочура [и др.]. – Ставрополь: Экспресс, – 1970. – 345 с.

91. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Владос, 1993. – 38 с.

92. Пелих, И. В. Социальная политика в СССР в 1945–1953 гг. (на материалах Краснодарского края): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / И. В. Пелих. – М., 2005.

93. Первицкий, В.Я. Минуты и центнеры / В.Я. Первицкий. – Краснодар: Кн. изд-во, 1962. – 121 с.

94. Перемыкин, В. экономика возделывания кукурузы на Кубани / В. Перемыкин, Н. Двордякин. – Краснодар: Кн. изд-во, 1962. – 147 с.: ил.

95. Пехоя, Р.Г. Советский Союз. История власти. 1945–1991 гг. / Р. Г. Пехоя. – М.: Рарог, 1998. – 315 с.

96. Полянский, Д.С. Превратим Кубань в фабрику мяса и молока / Д.С. Полянский. – М.: Госполитиздат, 1957. – 40 с.

97. Попов, В.П. Крестьянские налоги в 40-е годы / В.П. Попов // Социс. – 1997. – № 2. – С. 95–107.

98. Проблемы аграрной истории Северного Кавказа: материалы межрегион. науч. конф., 25 декабря 1998 г. / [редкол.: Н.Д. Судавцов и др.]. – Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 1999. – 198 с.

99. Путин, В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 3 октября 2015 г. / В.В. Путин. – URL: http://www.kremlin. ru/events/ president/news/50864.

100. Пыжиков, А.В. Хрущевская «оттепель» / А.В. Пыжиков. – М.: Рарог, 2002. – 217 с.

101. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 5–39.

102. Ростовская область 70 лет созидания. – Ростов-на-Дону: Омега-Принт, 2007. – 276 с.

103. Садыков, Ф.Б. Единство народа и противоречия социализма / Ф.Б. Садыков. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1968. – 197 с.

104. Сальный, А.М. Ставропольское село: опыт историко-аграрного исследования XIX–XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук / А.М. Сальный. – Ставрополь, 2003. – 140 с.

105. Светличный, В.А. Комплексная механизация возделывания и уборка сахарной свеклы / В.А. Светличный. – М.: Протеохиздат, 1963. – 194 с.

106. Светличный, В. Опыт работы механизированного свекловодческого звена / В. Светличный. – М.: Политиздат, 1964. – 205 с.

107. Светличный, В. Самая дешевая свекла / В. Светличный. – Краснодар: Кн. изд-во, 1962. – 64 с.

108. Северная Евразия: взгляд через тысячелетия: сб. докл. – Екатеринбург: Изд-во стандартов, 2000. – 102 с.

109. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. – М.: Госкомстат, 1960. – 251 с.

110. Сергеев, С. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и укрупнение мелких сельскохозяйственных артелей / С. Сергеев. – М.: Владос, 1951. – 202 с.

111. Советская деревня в первые послевоенные годы: 1946–1950 / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; ред. И.М. Волков. – М.: Наука, 1978. – 511 с.

112. Советское крестьянство. 1917–1970 гг.: краткий очерк истории. – М.: Политиздат, 1973. – 203 с.

113. Солошенко, В.Н. Если ты секретарь райкома: записки сек-

ретаря райкома комсомола / В.Н. Солошенко. – М.: Мол. Гвардия, 1978. – 96 с.

114. Солошенко, В.Н. На труд – как на подвиг / В.Н. Солошенко. – Краснодар: Кн. изд-во, 1977. – 232 с.

115. Сорос, Дж. Советская система: к открытому обществу: сб. / Дж. Сорос. – М.: Эксмо, 1991. – 213 с.

116. Справочник партийного работника. Вып. 1 / ред. В.Н. Малин. – М.: Госполитиздат, 1957. – 611 с.

117. Справочник партийного работника. Вып. 2 / ред. В.Н. Малин. – М.: Госполитиздат, 1959. – 840 с.

118. Справочник партийного работника. Вып. 3 / ред В.Н. Малин. – М.: Госполитиздат, 1961. – 835 с.

119. Справочник партийного работника. Вып. 4 / ред. В.Н. Малин. – М.: Госполитиздат, 1964. – 446 с.

120. Ставрополь в семилетке: сб. ст. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1960. – 171 с.

121. Ставропольская земля в прошлом и настоящем: материалы науч. конф. Вып. 2. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – 175 с.

122. Ставропольский хронограф на 2010 год: краевой сб. / СГК УНБ им. М.Ю. Лермонтова; Отдел краеведческой литературы библиографии. – Ставрополь, 2010. – 272 с.

123. Ставропольское село: в людях, цифрах и фактах. Научно-популярное издание / Под общ. ред. В.К. Целовальникова. 2-е изд., доп. – Ставрополь: Некоммерческий литературный фонд «Слово и дело», ООО «Блиц-Инфо», 2011. – 392 с.

124. Сталин, И.В. Сочинения. Т. 16 / И.В. Сталин; под ред. Р. Косолапова. – М.: Владос, 1997. – 837 с.

125. Степанов, Б. Воспитание руководящих колхозных кадров / Б. Степанов. – М., 1948. – 502 с.

126. Стругова, М.Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.): на примере Краснодарского края: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / М.Р. Стругова. – Краснодар, 2007. – 26 с.

127. Стрыгин, А. Кубанские станицы: очерки / А. Стрыгин. – Краснодар: Кн. изд-во, 1977. – 193 с.

128. Судовцов, Н.Д. Борьба тружеников Ставрополья за перестройку народного хозяйства на военный лад / Н.Д. Судовцов // Великая Отечественная война: история и современность: сб. науч. ст. – Ставрополь, 1995. – С. 58–74.

129. Суслов, М.А. Вопросы колхозного строительства в освобожденных районах / М.А. Суслов // Партийное строительство. – 1943. – № 23. – С. 19–27.

130. Таранов, И.Т. Годы, люди, встречи / И.Т. Таранов. – Ставрополь: Кн. изд-во,1995. – 106 с.: ил.

131. Тарасов, А.Ф. Развитие колхозной собственности в общенародную собственность / А.Ф. Тарасов. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1967. – 379 с.

132. Теряева, А.П. Вопросы организации и оплаты труда в колхозах / А.П. Теряева. – М.: Владос, 1954. – 730 с.

133. Урожайненский разлом Н.И. Шевченко, В.А. Смоляков. – Элиста: ЗАО «НПП Джангар», 2010. – 382 с.

134. Федосов, П. 200 лет станице Расшеватской / П. Федосов. – Ставрополь: Кн. из-во, 2002. – 234 с

135. Филатов, С.В. Партийно-государственная аграрная политика и уровень жизни колхозного крестьянства в 1950-е – начале 1960-х гг. (по материалам бюджетных обследований крестьянства Ростовской области и Краснодарского края): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / С.В. Филатов. – Ростов-на-Дону. 2006. – 28 с.

136. Фуров, В.Г. Забота КПСС о повышении благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства (1953–1959): на материалах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей / В.Г. Фуров. – М.: Наука, 1960. – 854 с.

137. Фюре, Ф. Прошлое одной иллюзии: пер. с фр. / Ф. Фюре. – М.: Ad Marginem, 1998. – 639 с.

138. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.

139. Харитонова, Н.Г. Партийно-государственная программа социального развития советской деревни и уровень жизни колхозного крестьянства в 1953–1991 гг.: автореф. дисс. ... док. ист. наук / Н.Г. Харитонова. – М., 2011. – 37 с.

140. Хисамутдинова, Р.Р. Аграрная политика Советского государства и ее осуществление на Урале : (1940 – март 1953 гг.): автореф. дисс. ... доктора исторических наук / Р.Р. Хисмутдинова. – Оренбург. 2004. – 50 с.

141. Хомякова, Н.В. Социальная политика советского государства и ее реализация на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны: 1945–1953 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Н.В. Хомякова. – Оренбург. 2007. – 26 с.

142. Хорошилов, И.И. Сельское хозяйство / И.И. Хорошилов // Возрождение советского Дона. 1943 – 14 февраля 1946 гг. – Ростов-на-Дону: Росиздат, 1946. – С. 32–44.

143. Хрестоматия по истории Кубани (1917–1967 гг.). Ч. 2. Документы и материалы. – Краснодар: Кн. изд-во, 1982. – 262 с.

144. Хрущев, Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты / Н.С. Хрущев. – М.: Вагриус, 1997. – 510 с.

145. Чершеев, Д. Дальнейшее повышение материального благосостояния колхозного крестьянства: после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. / Д. Чершеев. – М.: Наука, 1959. – 723 с.

146. Чистов, К.В. Кубанские станицы / К.В. Чистов. – М.: Наука, 1967. – 159 с.

147. Чуев, Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника / Ф. Чуев. – М.: Терра, 1991. – 623 с.

Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (1945–1955 гг.)

1.1. Государственная политика советской власти по восстановлению сельского хозяйства в первые послевоенные годы

Переустройство отраслей народного хозяйства в годы Великой Отечественной войны на новый лад способствовало многократному увеличению военных производственных мощностей, мобилизацию всех, в том числе сельскохозяйственных ресурсов на нужды фронта, что в значительной степени отразилось на экономическом положении послевоенной деревни.

В директиве от 4 сентября 1943 г. Гитлер требовал: «Противник должен получить совершенно негодную на долгое время, незаселенную, пустынную землю, где в течение месяцев будут происходить взрывы мин» [12, с. 215]. При отступлении немецко-фашистские войска взрывали, как правило, наиболее капитальные колхозные и совхозные. В зерносовхозе «Гигант» Ростовской области, например, были взорваны и сожжены все новые и многоэтажные здания, вырублены и повреждены парки и лесонасаждения. В учебно-опытном зерносовхозе и семхозе «Кубань» Краснодарского края разрушения носили аналогичный характер [15, с. 27].

В докладе Наркомата совхозов СССР Чрезвычайной Государственной Комиссии указывалось: «В подавляющем большинстве случаев ущерб был нанесён не в результате того, что территория хозяйства попала в полосу военных действий, а в результате сознательного разрушения и разграбления хозяйств, особенно при отступлении» [15, с. 28]. Так, в Краснодарском крае оккупантами был нанесён огромный урон сельскому хозяйству: уничтожено около 3 000 тракторов, около 1 000 комбайнов много другого сельскохозяйственного инвентаря. Полностью уничтожены и сожжены вместе с

имевшимся оборудованием 63 машинотракторных мастерских и Краснодарский мотороремонтный завод. В Ставропольском крае в совхозах и МТС полностью уничтожено 164 ремонтных мастерских и частично повреждено 209. Из них вывезено в Германию и уничтожено 1 885 металлорежущих станков, 532 электромотора и нефтедвигателя. Живые тягловые ресурсы не могли восполнить недостаток в тракторах и автомашинах. Животноводству края был нанесен серьезный урон: разрушены животноводческие фермы колхозов и совхозов, а скот в количестве: лошадей 150 129, в том числе 139 071 в колхозах; крупного рогатого скота 321 037 голов, в том числе 281 002 в колхозах; овец и коз 2 353 763 головы, в том числе 1 961 874 в колхозах; свиней 222 593 головы, в том числе 184 218 в колхозах уничтожен. В Краснодарском крае было истреблено, уничтожено и угнано в Германию лошадей 172 900 голов, крупно рогатого скота 274 000, овец 488 500, свиней 324 700 голов уничтожено. В ряде районов Юга России было истреблено не только животноводство колхозов и совхозов, но и скот, находящийся в личном пользовании колхозников [2, л. 91]. Так, например, у населения Ставропольского края немецко-фашистские захватчики отобрали: 1 450 лошадей, 4 315 коров, 5 632 головы молодняка крупного рогатого скота, 8012 свиней, 12837 овец и коз.

Урон сельскому хозяйству Ставрополья, по неполным данным, выражался в следующем: в 1 371 колхозе и 56 совхозах региона немцы сожгли и разрушили 6 291 жилой дом, в том числе 3 575 – полностью и 2 716 – частично, 9 071 животноводческую постройку, 2 711 зернохранилищ и овощехранилищ; в 130 МТС, МТМ, совхозах и колхозах края разграблено и уничтожено: 4 508 тракторов, 1 561 комбайн, 3 617 лущильников и культиваторов, 16 552 бороны, 2 464 сенокосилки, 4 037 жаток, 714 молотилок, 3 075 сеялок, 1 147 автомашин и тягачей, 42 870 крестьянских повозок и саней [9, с. 219]. О стоимостном ущербе, причиненном оккупацией Ставропольского края, сообщают акты Краевой комиссии по расследованию злодеяний не-

мецко-фашистских оккупантов, составленные сразу после освобождения региона. По обобщенным сведениям, ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками колхозам края (без Кизлярского округа, Левокумского района) составил по восстановительной стоимости на сумму 298 578 966 руб. Разграблено и уничтожено сельскохозяйственного инвентаря (также по восстановительной стоимости) на 229 931 370 руб., а посевов и урожая на 2 444 671 676 руб. Уничтожено садов на 113 639 481 руб. Истреблено скота, птицы на 2 351 846 490 руб. Разграблены запасы семян, кормов, продуктов и материалов на сумму 866 171 413 руб. Расходы по эвакуации и возвращению составили 61 202 602 руб., недополучено доходов из-за прекращения или сокращения деятельности в колхозах на 1 657 306 753 руб. Весь убыток по краю равнялся 8 023 348 751 руб. [3, л. 9].

Кроме прямого разорения материальных ценностей колхозов и совхозов, следствием оккупации был упадок сельскохозяйственного производства, запустение пахотных земель. Сотни тысяч га, земли были изрыты траншеями, разворочены бомбами, начинены минами, осколками снарядов, заросли бурьяном, вследствие чего выпали из хозяйственного оборота. Так в Краснодарском крае в 1946 г. посевная площадь всех культур составила лишь 77%, а озимой пшеницы и того меньше – 70% к уровню 1940 года [11, с. 398].

Восстановление народного хозяйства, а также сельского, как его важнейшей части, началось сразу же после изгнания оккупантов. В связи с развернувшимся массовым освобождением советской территории от захватчиков, Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) 23 января 1943 г. приняли постановление «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов» [13, с. 90]. Постановление обязывало облисполкомы и обкомы ВКП (б) освобожденных краёв и областей начать восстановление МТС, районным земельным отделам взять на учёт всё сохранившееся колхозное имущество, и до созыва общих собраний колхозников

подобрать исполняющих обязанности председателей колхозов. В постановлении предусматривались первые меры по восстановлению материально-технической базы колхозов и МТС, укреплению их кадрами. Выполняя постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 23 января 1943 г., Краснодарскому краю, намечалось выделить 39 000 тракторов, 350 автомашин, 450 комбайнов, 3 000 плугов, 1 000 сеялок, направлено из других районов страны 3 800 трактористов, 545 комбайнёров, 585 бригадиров тракторных бригад, 105 механиков [11, с. 160]. В соответствии с этим документом, хотя значительная часть территории Краснодарского края была оккупирована, по состоянию на 3 апреля 1943 г. в край поступило: 460 тракторов, в том числе 117 гусеничных, 49 комбайнов, 369 плугов, 133 сеялки, автомашин – не поступило. В освобожденные районы прибыли следующие специалисты: 757 трактористов, 30 комбайнеров, 31 механик, 83 бригадира тракторных бригад, 50 агрономов, 20 директоров, 5 заведующих земельными отделами, 13 бухгалтеров [13, с. 377].

Программа восстановительных работ в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области была определенна в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» [13]. В этом документе предусматривалось возвращение специалистов сельского хозяйства, реэвакуация скота, вывезенного в восточные районы, меры по возрождению животноводства и МТС, обеспечению поставок сельскохозяйственных машин, строительных материалов, помощь в восстановлении производственных помещений и Домов колхозников. При СНК СССР создавался Комитет по восстановлению хозяйства в освобожденных районах, на который возлагалось руководство и контроль за выполнением постановления.

В соответствии с постановлением партии и правительства Наркомат совхозов СССР 20 марта 1943 г. издал приказ «О возобновлении производственно-хозяйственной деятельности совхозов в рай-

онах, освобожденных от немецкой оккупации». Наркомату совхозов РСФСР, начальникам главных управлений, директорам трестов и совхозов освобожденных краев и областей была дана директива «обеспечить восстановление и возобновление в районах, пострадавших от немецкой оккупации, производственно-хозяйственной деятельности совхозов» [15, с. 29].

Первоначальное юридическое, организационное восстановление колхозов и совхозов проходило довольно быстро. Но для фактического организационно-хозяйственного возрождения сельскохозяйственных предприятий требовалось время, огромные усилия тружеников деревни, значительные капиталовложения со стороны государства. На Кубани в течение одного месяца после освобождения было возрождено 2 124 колхоза, 164 машинно-тракторных станции, 69 машинно-тракторных мастерских, 108 совхозов. С первых дней после освобождения жители Кубани занялись ремонтом техники, поврежденной в годы Великой Отечественной войны. Было собрано и восстановлено более 7 000 тракторов, 3 600 комбайнов, 137 автомашин, 158 нефте-двигателей, 69 токарных и сверлильных станков, 84 электро- и автогенно-сварочных агрегатов [17, с. 169–170]. За успешное выполнение плана по ремонту тракторов Краснодарскому краю было присуждено переходящее Красное знамя Государственного Комитета обороны [17, с. 169–170].

Значительная работа в первые послевоенные годы была проведена тружениками Ставрополья. Так СНК СССР отмечал, что во исполнение Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г. № 901 в Ставропольском крае проведена большая работа по восстановлению хозяйства, разрушенного в период немецко-фашистской оккупации. За истекшие 16 месяцев после освобождения края, восстановлены все 1383 колхоза, 65 совхозов из 66, имевшихся до оккупации, и 138 МТС. В колхозах создано 1350 ферм крупного рогатого скота, 1284 овцеводческие товарные фермы, 983 свиноводческие фермы, 515 конезаводов и 756 птицеводческих

ферм. За период с 1 марта по 1 декабря 1943 г. количество скота в колхозах и совхозах края увеличилось на 154,3 тыс. голов, в том числе крупного рогатого скота – на 43,7 тыс. голов, овец и коз – на 100,7 тыс. голов и свиней – на 9,9 тыс. голов. За 1943 г. восстановлено 59 МТМ по капитальному и текущему ремонту [16].

В первые месяцы после освобождения не было возможности восстановить в колхозах объем производства, существовавший до войны. Население многих станиц было истреблено, угнано в фашистскую Германию или расселилось в ближайших населенных пунктах, уцелевших от разорения. Но в целом к концу 1945 г. организационное восстановление колхозов в освобожденных районах было завершено.

Вместе с организационным восстановлением колхозов и совхозов сразу же после изгнания оккупантов начиналось и их постепенное хозяйственное возрождение. Ликвидировалось «земельное законодательство» оккупационного режима, восстанавливалась система землепользования, закрепленная Конституцией СССР и Уставом сельскохозяйственной артели, собиралось общественное имущество, спрятанное колхозниками или розданное после прихода оккупантов. Сохранившийся общественный скот, отданный колхозникам, возвращался на колхозные фермы [15, с. 30]. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» определило численность скота и сроки его возвращения колхозам, меры по восстановлению и строительству животноводческих помещений. Этим же постановлением предусматривалось увеличение плана контрактации и покупки молодняка у колхозников для пополнения колхозного стада. Однако выполнить это постановление в годы войны оказалось очень трудно, т.к. не хватало транспорта, строительного материала и людских ресурсов.

Наркомат совхозов СССР 24 июля 1943 г. издал приказ «О возвращении скота, имущества и отзыве специалистов совхозов Ростовского совхозтреста, находившихся в совхозах Западно-Казахстан-

ского мясосовхозтреста». Этому тресту было дано указание направить в Ростовскую область 8 000 голов крупного скота, 15 000 тонкорунных овец, 300 голов рабочего скота молодняком, а так же сохранившееся после эвакуации имущество ростовских совхозов. Для работы в совхозах Ростовского треста были отозваны 6 300 техников и 7 ветеринаров [13, с. 131]. Эвакуированные хозяйства не понесли такого разорения как хозяйства, находившиеся на оккупированной территории. Выполнение данного приказа способствовало возрождению животноводства этого региона и скорейшему восстановлению народного хозяйства.

Существенную помощь восстанавливающимся колхозам и совхозам оказали труженики тыловых областей. Почти каждая республика, область, край имели свои подшефные районы на освобожденной территории. Жителям Кубани оказывали помощь трудящиеся Закавказья и Урала, которые продолжали сбор оборудования и материала для восстановления предприятий Краснодарского края. Краснодарская газета «Большевик» от 14 марта 1944 г. сообщала следующее: «В ближайшие дни из Свердловска выходит в Краснодар второй эшелон с оборудованием, собранным трудящимися Свердловска особенно успешно развёртывается сбор подарков подшефному краю в районах Свердловской области, где уже собрано 120 вагонов различных материалов и оборудования, необходимых Кубани для усиления восстановительных работ» [1]. «Ставропольская правда» писала: «Вчера на ст. Ставрополь из Баку прибыл первый эшелон, состоящий из 17 вагонов. Трудящиеся Азербайджана прислали в подарок рабочим и колхозникам нашего края 2 вагона цемента, 6 вагонов ваты, 1 вагон мануфактуры, 8 вагонов с предметами домашнего обихода, специальными принадлежностями, школьными пособиями. Матрацы, одеяла, подушки, посуда, мебель, учебники, наглядные пособия – таков дар шефов. На днях из Баку прибывает ещё несколько вагонов вещей, собранных шефами» [16].

Партийное и советское руководство в послевоенные годы приняли ряд неотложных мер по восстановлению и дальнейшему развитию сельского хозяйства, по организационно-хозяйственному укреп-

лению колхозов, совхозов и МТС. Среди этих мер особое место занимает постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В этом документе отмечались негативные процессы, получившие широкое распространение в послевоенный период. Указывалось на факты незаконного использования общественных земель колхозов и колхозной собственности, неправильного расходования трудодней, злоупотребления со стороны районных и других партийно-советских работников, нарушение демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели. Особенное внимание обращалось на нарушения выборности председателей и правлений колхозов и их подотчетности собраниям колхозников. В связи с выявленными недостатками постановление обязывало руководителей всех уровней «положить конец этим противоколхозным и противозаконным извращениям и нарушениям, ликвидировать нарушение устава сельскохозяйственной артели, покончить с практикой расхищения в колхозах трудодней и неправильного распределения колхозных доходов, восстановить в полной мере действие постановления Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) от 07.05.1939 г. «О мерах охраны колхозных земель от разбазаривания», а виновных привлекать к судебной ответственности как уголовных преступников» [10, с. 253]. Колхозам возвращались незаконно отобранные у них организациями и учреждениями земли, жилые постройки, скот, снимались с оплаты трудоднями лица, не имеющие прямого отношения к сельскохозяйственным артелям. В результате проведенной работы в Краснодарском крае был уменьшен расход почти на 600 трудодней в месяц. Колхозам возвращено было 114 779 га, земли и 31 070 руб. дебиторской задолженности [11, с. 397].

Для контроля за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели, предотвращения его нарушений, ограждения колхозов от разбазаривания общественной собственности был создан «Совет по делам колхозов» во главе с членом Политбюро ЦК ВКП (б) А. Андреевым. В республиках, краях и областях совет имел своих

представителей в качестве контролеров от центра, независимых от местных властей. Его деятельность способствовала организации и совершенствованию оплаты труда, разработки перспективных планов, подготовки руководящих кадров, конкретизации Устава сельхозартелей. Одной из важнейших задач Совета по делам колхозов было определение реальных возможностей получения урожая колхозными хозяйствами. В 1949 г. председатель Совета отмечал несовершенство действующего порядка: определение урожайности, которое на практике приводило к серьёзным расхождениям между данными государственной инспекции о планируемой урожайности и фактически оприходованным колхозным урожаем. Происходило это из-за того, что государство, заинтересованное в максимальных поставках, мало сообразовывало свои планы с экономическими возможностями колхозов и всячески завышало планируемую урожайность. Такая политика, в первую очередь, ложилась тяжёлым бременем на зерновые районы страны и крепкие хозяйства, а экономически слабым колхозам грозило разорение. План сдачи хлеба по стране выполнялся за счёт навязываемого государством перевыполнения первоначальных планов передовыми колхозами. На практике это привело к тому, что в стране за 1945–1948 гг. число хозяйств, выполнивших план сдачи зерна государству, снизилось с 50% до 44%. [14, с. 554]. Ужесточение налогового гнета не способствовало росту колхозной экономики. Поэтому Совет предлагал кроме уже существующих планов определять урожайность по каждому колхозу, а также вести строгий контроль за её выполнением.

Следующей мерой, игравшей важную роль в стабилизации послевоенной финансовой системы страны имело Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1947 г. «О проведение денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». В соответствии с постановлением вводились новые денежные знаки, открытая торговля продовольственными и промышленными товарами, единые государственные розничные цены (взамен существовавших коммерческих и пайковых). Реформа была вызвана необходимостью ликвидации последст-

вий войны в области денежного обращения. Огромные военные расходы, кредитование восстановительных работ привели к переполнению каналов денежного обращения, резкому снижению покупательной способности рубля. Излишек денежной массы создавал повышенный спрос на, и без того дефицитные, предметы потребления. Без укрепления рубля нельзя было ликвидировать карточную систему. Также в обращение находилось много фальшивых денег, оставленных оккупантами с целью подорвать денежную систему СССР.

В ходе реформы обмен старых денег, находящихся на руках у населения, на новые проводился в пропорции 10:1 (разменная монета обмену не подлежала). Хранившиеся в сберегательных кассах вклады населения размером до 3 000 руб. обменивались в соотношении 1:1, от 3 000 до 10 000 – 3:2, свыше 10 000 – 2:1. Денежные средства на расчётных и текущих счетах кооперативных организаций и колхозов переоценивались из расчёта: за 5 старых руб. – 4 новых [6, с. 158, 161].

Облигации всех ранее выпушенных займов обменивались на 2% заём 1948 г. из расчёта 3:1. Примечательно, что к моменту проведения денежной реформы 1947 г., по данным Госбанка СССР, на руках у населения находилась 85% денежных средств, на вкладах в сберегательных кассах – 15% [6, с. 161]. Обмен денег на всей территории СССР должен был быть произведен в течение недели, то есть, начиная с 16 декабря по 22 декабря включительно [4, с. 160]. В связи с этим среди граждан, обменивающих старые деньги на новые, возникло беспокойство: «Успеем ли обменять?» [4, с. 160]. Поэтому в выплатных пунктах Краснодарского края очереди стали собираться с 23 часов 15 декабря и к моменту выплат некоторые из них включали от 200 до 500 человек [23, л. 56].

Выплатные пункты располагались на крупных предприятиях, в учреждениях и организациях (на Центральном телеграфе, заводе измерительных приборов имени Седина, в помещениях медицинского и педагогического вуза и др.) Всего по Краснодарскому краю их насчитывалось 56. Выплатные пункты начинали, работу, как правило,

в 9 часов утра и продолжали в течение всего рабочего дня, но в некоторых пунктах (на производствах) к 12 часам дня запас денег был исчерпан, т. к. банк не учел объема денежных средств. Выплаты зарплаты 16 декабря в Краснодаре, Новороссийске, Армавире, Майкопе, Сочи и др. проводились по установленному госбанком плану. В Краснодаре городское отделение госбанка должно было выплатить за первую половину декабря 15 млн руб., но выплатило 10,5 млн руб. ввиду задержки доставок денег [24, л. 61]. В сельской местности процесс реализации денежной реформы был затруднен нехваткой сберегательных касс, наличием новых денежных знаков, и поэтому темпы реализации реформы на селе были значительно ниже, чем в городе.

Менее подготовленными оказались отмена карточной системы и переход от двойной системы цен (коммерческих и пайковых) к новым единым ценам. Стоит отметить, что единые цены на хлеб и крупу устанавливались на более низком уровне, чем пайковые, причем пайковые цены на хлеб снижались в среднем на 12%, а на крупу – на 10% по сравнению с коммерческими ценами. На другие продукты цены остались на уровне пайковых, промышленные товары продавались по ценам выше пайковых, но бывших в три с лишним раза ниже существовавших прежде коммерческих цен [26, л. 66–67].

Торговая сеть Краснодара приступила к открытой продаже по единым государственным ценам 16 декабря. В 189 магазинах города (из них 112 хлебных и продовольственных) был создан двадцатидневный запас товаров с учётом повышенного спроса населения в первые дни без карточной торговли. Возникли очереди за хлебом, крупами, сахаром, кондитерскими изделиями, из промтоваров – наибольшим спросом пользовались хлопчатка, галоши, обувь. Несмотря на запасы продовольствия, в некоторых городах края, например, в Майкопе, отсутствовали хлебобулочные изделия, масло животное; в Кропоткине – сахар [26, л. 66–67]. Сложное продовольственное положение было не только в городах Кубани. Так, до 16 декабря 1947 г. в сельской местности хлебом снабжался ограниченный контингент. С отменой карточек уже всё население сельской местности: рабочие

предприятия, интеллигенция, служащие учреждений, инвалиды Отечественной войны, вольнонаёмный состав воинских частей, семьи военнослужащих, – могло рассчитывать на удовлетворение своего спроса. Однако ввиду того, что фонды не позволяли этого, районные организации в целях преимущественной продажи хлеба учителям, врачам, специалистам сельского хозяйства и другим группам населения, находившимся на снабжении до 16 декабря, вынуждены были вместо прежних закрытых магазинов организовывать буфеты, через которые и обеспечивали хлебом эту часть населения, далеко не удовлетворяя ее спрос в новых условиях. В районах ничего не оставалось для свободной продажи в магазинах, и та часть рабочих, которая не состояла на снабжении при карточной системе, оставалась неудовлетворенной [26, л. 66–67].

После отмены карточек в 14 районах края дополнительный фонд муки на вторую половину декабря составлял от 0,5 до 2-х т. В 43 районах – по 2 т, а в 19 районах – от 2,5 до 5 т, и в трёх районах – свыше 5 т. В среднем, исходя из общего для сельской местности дополнительного фонда в размере 199 т, приходится 2,5 т, на район [25, л. 64].

Усть-Лабинский район вместе с дополнительным фондом муки имел на день 3 000 кг хлеба. Работающих в этом районе было около 7 000 человек [25, л. 64].

О напряженном положении с хлебом сообщали также Варениковский, Лиманский, Ярославский, Туапсинский, Приморско-Атарский, Гражданский, Кущевский, Павловский, Гулькевичский, Верхне-Баканский, Темрюкский, Усть-Лабинский и другие районы.

В сельской местности в четырех районах отсутствовали в продаже сахар, в двух – жиры, в одном – крупа, в двух районах – рыба, в трех – кондитерские изделия, в двух – папиросы и спички, в трёх районах – хлопчатобумажные ткани [25, л. 65]. В большинстве районов края дневной завоз хлеба был недостаточен в сравнении со спросом. Такая же ситуация наблюдалась в Ростовской области и Ставропольском крае.

Начинали поступать жалобы от хозяйственных руководителей. В частности, директор баканского известкового завода треста «Союзсовхозстройматириалов» Министерства совхозов Союза Н. Птушко жаловался на то, что на 120 человек рабочих выделяли 11 кг, хлеба в день, что составляло примерно 100 граммов на человека. Районы Северной, Центральной и Азово-Черноморской зон особо ощущали недостаток в хлебе ввиду низкого урожая в 1947 г.

Тяжелое положение с продовольственными и промышленными товарами продолжалось наблюдаться и в 1948 г. Так, в редакцию «Советской Кубани» поступали многочисленные письма о том, что в сельских населенных пунктах, а также в ряде городов края, вопреки постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары», продолжали иметь место ограничения в торговле хлебом и другими продуктами, а также промышленными товарами. В письмах подчеркивалось, что трудящиеся Кубани с величайшим удовлетворением встретили мудрое решение партии и правительства об отмене карточной системы, о переходе к открытой и развёрнутой торговле. Авторы писем – рабочие и служащие учреждений районных центров, МТС, совхозов, сельская интеллигенция (агрономы, врачи, учителя), расценивали продолжающуюся в сельских населенных пунктах края практику нормированной (по спискам, пропускам и т. д.) продажи продовольственных и промышленных товаров как грубейшее нарушение закона о свободной бескарточной торговле в результате отсутствия должного контроля со стороны местных партийных и советских организаций за работой государственных и кооперативных предприятий торговли. Авторы писем требовали разъяснить: «Почему в Краснодарском крае историческое решение партии и правительства от 14 декабря 1947 г. проводится в жизнь не так, как в других областях и республиках, судя по сообщениям печати, почему по сути дела, в сельских населенных пунктах края торговля по-новому далеко ещё не развёрнута» [25, л. 65].

Жители Тихорецка обратились в органы краевой власти: «Мне кажется, – пишет А.В. Желтова, – что если везде и повсюду бескар-

точная система целиком и полностью прочно вошла в жизнь и быт трудящихся, то так должно быть и у нас в Тихорецке. В действительности же картина совершенно иная. Хлеб в наших магазинах продают по строгим нормам. Очень мало таких продовольственных товаров, как макароны, мыло, сахар. Что же касается промышленных товаров, то после отмены карточной системы мы в магазинах Тихорецка их вообще не видели. Народ недоволен. И никто не может объяснить, почему же и по сей день творится такое безобразие» [18, л. 6]. В Ейске люди категорично заявляли: «Лучше бы опять карточки, чем такая «свободная торговля» [19, л. 7].

О жалобах рабочих на то, что часами приходится стоять в очередях за хлебом, сообщают из Геленджика. «Здесь, – пишет работник дома отдыха завода «Россельмаш» имени Сталина, – до сих пор почему-то в силе система закрытых распределителей: в магазин военторга вход по специальным пропускам, в ларьке хлебозавода в первую очередь продают только «своим» рабочим» [20, л. 8].

«Крупа и сахар в анапских магазинах появляются редко, а когда появляются, то купить невозможно тому, кто не имеет родственников и знакомых среди работников прилавка», – пишут из Анапы. Работник совхоза «Джемете» Анапского района высказывает недоумение по поводу того, что в совхозе по-прежнему распределяют хлеб строго по норме: по 500 граммов на рабочего и по 200 граммов на иждивенца. «Нам приходится ездить в Новороссийск за хлебом, так как в совхозе Абрау-Дюрсо можно купить только 600 граммов хлеба с пометкой в пропуске, многосемейность при этом не учитывается», – пишет рабочий СМУ–27» [21, л. 9].

Особенно много жалоб, в которых выражалось недовольство ограничениями в продаже хлеба по нормам, поступало из сельских населенных пунктов Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области.

Так в письме из станицы Привольной Каневского района указывается: «На наше заявление крайторготделу обо всех вопиющих безобразиях в торговле, о нарушении постановления партии и пра-

вительства мы уже много дней ждём ответа, но пока безрезультатно. Просим редакцию «Советской Кубани» помочь нам заставить тех, кого следует, прислушаться к голосу трудящихся и навести большевистский порядок в советской торговле в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1947 г.». [22, л. 10–11]. Аналогичные требования к местным партийным и советским организациям, в том числе и краевым, высказывались и во многих других письмах, поступивших в редакции газет, партийные комитеты после отмены карточек на продовольственные и промышленные товары.

Только в редакцию «Советской Кубани» поступило более 500 писем, в них жители Кубани жаловались на трудности в торговле [22].

Другим нормативно-правовым актом послевоенной пятилетки, укрепляющим основы колхозного строя, должен был стать Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдельные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Данный Указ продолжал серию законодательных актов, направленных на ужесточение дисциплины труда, принятие которых началось ещё в предвоенные годы законами об установлении обязательного для колхозника минимума трудодней, о запрещении самовольных уходов с работы и т. д.

В информации оргинструкторского отдела крайкома ВКП (б) «О проведенной работе по реализации Указа президиума Верховного совета СССР от 2 июня 1948 г.» говорилось: «По данным на 10 августа 1948 г. в 24 районах края состоялось 13 колхозных собраний и 18 сельских сходов. На указанных сходах и собраниях присутствовало 15 585 человек. Желающих выступить в прениях записалось 305 человек, выступило – 246.

По приговору общественности колхозников и трудящихся районов высланы как тунеядцы и спекулянты за пределы края 80 человек. Предупреждены – 74 человека» [8, с. 91].

После проведённых мероприятий значительно увеличился выход на работу, укрепилась трудовая дисциплина, стали поступать заявления о приёме в колхозы. В Крымском районе (в ст. Крымской) после схода заметно увеличился приток рабочей силы в колхозы и на предприятия. В колхоз «Маяк социализма» за 20 дней вступило 12 человек, ранее нигде не работавших. На консервный комбинат имени Микояна за июль месяц принято на работу 50 человек [8, с. 91].

Парторганизации колхозов проводили организационные меры по привлечению к работе неработающих жён коммунистов. Однако стоит отметить, что не все они изъявили желание устраиваться на работу [8, с. 91].

Однако реализация Указа «О выселении в отдельные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» столкнулась с определенными трудностями, так как не во всех колхозах, совхозах за данный указ голосовали сельские жители. Так сход жителей станицы Бесстрашной Отрадненского района был подготовлен плохо. Первоначально намеченные кандидатуры к выселению накануне схода (2 июля) были отклонены, ввиду отсутствия компрометирующего материала. Сход был перенесен на 5 июля. На колхозном собрании сельхозартели «Заря Революции» Новолеужковского района колхозники отклонили предложение о выселении колхозницы и ограничились её предупреждением [8, с. 91].

В станице Бесстрашной Спокойненского района намеченная к выселению колхозница, осужденная в 1946 г. за невыработку минимума трудодней и продолжающая не выходить на работу, убежала из станицы еще до открытия схода, сразу после партийно-комсомольского собрания, на котором обсуждалась её кандидатура [8, с. 91].

Данный нормативно-правовой акт отражал административно-командный подход к восстановлению народного хозяйства. Однако существует и другая точка зрения, что это было вызвано суровой не-

обходимость времени, когда крестьянство своим трудом обеспечивало выживание всей страны.

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием прочности колхозного строя. Крестьянская деревня показала величайшую жизненную силу, громадные мобилизационные возможности. При сократившихся трудовых ресурсах, недостатке техники колхозы обеспечивали основные потребности страны в продовольствии и сырье. «Если в тяжелые годы войны наша армия не испытывала недостатка в продовольствии, если население снабжалось продовольствием, а промышленность сырьем, – подчеркивалось в решении февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП (б), – то в этом сказалась сила и жизненность колхозного строя, патриотизм колхозного крестьянства» [6, с. 12].

Трудности восстановления сельскохозяйственного производства, масштабы этих работ в освобожденных районах были огромны. В обращении ЦК ВКП (б) ко всем избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР от 2 февраля 1946 г. подчеркивалось: «Колхозная деревня во время войны испытывала значительные трудности. Наша промышленность, работавшая на нужды фронта, не имела возможности удовлетворять запросы сельского хозяйства. В деревне стало меньше тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Немецкие захватчики разорили сельское хозяйство в районах, подвергшихся оккупации» [5, с. 37].

В речи И. В. Сталина перед избирателями 9 февраля 1946 г. основные задачи послевоенного пятилетия формулировались следующим образом: «Восстановить пострадавшие районы станы, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах» [5, с. 37].

Главные задачи развития народного хозяйства были сформулированы в пятилетнем плане. Анализ данного документа позволяет

определить целый ряд нереалистичных предложений. Так, например, в «Тезисах к пятилетнему плану по сельскому хозяйству», подготовленных работниками Народного комиссариата земледелия, планировалось обеспечить выдачу хлеба на каждый выработанный трудодень в среднем по 5 кг, и выше [5, с. 38]. Если учесть, что в 1945 г. средняя выдача зерновых на трудодень составляла 600 г (без трактористов) [5, с. 51], а в лучшие довоенные годы она редко превышала 2 кг, [6, с. 98–145], то нереалистичность поставленной задачи вполне очевидна.

Пути и темпы восстановления и развития сельского хозяйства, колхозов страны, намеченные пятилетним планом, получили дальнейшую конкретизацию в решениях февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП (б) «О мерах подъёма сельского хозяйства в послевоенный период» [5, с. 121].

К Пленуму была проведена большая подготовительная работа. В республики, края, области выезжали группы работников ЦК ВКП (б), Министерства сельского хозяйства. Они изучали положение в колхозах, МТС, совхозах, готовили предложения о путях скорейшего подъема сельского хозяйства. С мест от обкомов, крайкомов и райкомов партии, от сельскохозяйственных органов, учёных, руководителей колхозов, совхозов и МТС – был получен обширный материал о состоянии сельского хозяйства и мерах по преодолению его отставания. Много предложений поступало от колхозов и отдельных колхозников [6, с. 103–106].

Одной из основных задач февральского Пленума было выполнение плана технического вооружения колхозов и совхозов. С этой целью правительство в первый же послевоенный год осуществило ряд важнейших мер. В январе 1946 г. был создан Общесоюзный наркомат сельскохозяйственного машиностроения [5, с. 38]. Производство техники для сельского хозяйства было сосредоточено в руках одного наркомата, что обеспечивало более квалифицированное,

оперативное руководство этой важной отраслью промышленности [13, с. 224–229].

Развернувшаяся в первые послевоенные годы борьба за электрификацию деревни стала основой восстановления и развития материально-технической базы сельского хозяйства. Еще в конце войны, в феврале 1945 г., Советское правительство приняло постановление «О развитии сельской электрификации» [5, с. 57]. В постановлении одобрялась инициатива колхозов ряда областей по строительству электростанций, намечалась широкая программа электрификации села. В мае 1948 г. Совет Министров СССР, учитывая опыт первых послевоенных лет, принял план развития сельской электрификации на 1948–1950 гг. План предусматривал электрифицировать до конца пятилетки 38 500 колхозов, 4 300 МТС, и 3 210 совхозов [5]. В соответствии с этим постановлением в сельских районах Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области приступили к строительству гидроэлектростанций. Так в сельских районах Ставропольского края были построены гидроэлектростанции мощностью 6057 кВт, которые позволили электрифицировать большую часть МТС, совхозов и 107 колхозов [7, с. 365].

За годы войны произошло значительное ослабление всех категорий кадров колхозного производства – руководителей колхозов, бригад, ферм, механизаторов и других работников, требующих определенной подготовки и опыта работы.

Подготовка специалистов для сельского хозяйства становилась одной из важнейших проблем, которую следовало решать в годы четвертой пятилетки. Программа подготовки кадров для колхозного сектора, повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства была определена в пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР.

В послевоенный период к руководству колхозами приступило много молодых, инициативных, знающих дело людей, главным об-

разом из числа специалистов сельского хозяйства. Однако в исследуемых регионах положение с руководящими колхозными кадрами оставалось неблагополучным. Большинство председателей колхозов не имели необходимого образования. В связи с этим руководство краев и области придавало особое значение подготовке руководящих колхозных кадров. Так, в городе Краснодаре была создана двухгодичная школа председателей колхозов с контингентом 200 слушателей и при ней 6 – месячные курсы по переподготовке председателей колхозов также на 200 человек [11, с. 399]. Школа была укомплектована квалифицированными преподавателями, имела учебно-опытное хозяйство. Серьезная работа развернулась по подготовке колхозных кадров без отрыва от производства. Инициативу в этом проявил Северский райком ВКП (б). Он добивался, чтобы в течение двух лет повысить агротехнические знания председателей колхозов до уровня специалистов сельского хозяйства со средним образованием. С этой целью в августе 1946 г. в районе стала действовать школа председателей колхозов, к чтению лекций привлекались ученые институтов и научно-исследовательских учреждений, специалисты сельского хозяйства [11, с. 400].

Краснодарский крайком партии своим постановлением «Об организации в районах края двухгодичных школ председателей колхозов без отрыва от производства» обобщил опыт передовых районов и предложил райкомам партии широко использовать его. Такие школы были созданы во всех сельских районах. Руководство ими возлагалось на одного из членов бюро райкома ВКП (б), а заведующими учебной частью назначались лучшие специалисты сельского хозяйства [11, с. 400].

Повысив уровень руководства сельским хозяйством, партийные советские и сельскохозяйственные организации добились в 1948 г. сбора озимой пшеницы в среднем по 100 пудов зерна с каждого гектара, а с площади 870 тысяч га – по 120 и более пудов, в то время,

как в сороковом году колхозы и совхозы края получили лишь по 90 пудов [11, с. 401].

Важное значение для дальнейшего подъема колхозного и совхозного производства имело постановление совета Министров СССР от 12 декабря 1951 г. «О комплексной механизации сельскохозяйственного производства, повышении урожайности и продуктивности животноводства в колхозах и совхозах Краснодарского края». В соответствии с этим постановлением были намечены мероприятия по внедрению комплексной механизации в сельское хозяйство.

ЦК ВКП (б) 4 января 1952 г. принял постановление «О социалистическом соревновании в промышленности и сельском хозяйстве», в котором акцентировалось внимание партийных организаций и трудовых коллективов на устранение формализма в социалистическом соревновании, на достижении высоких качественных показателей как в промышленности, так и в сельском хозяйстве [7, с. 363–364]. Обращаясь к развитию социалистического соревнования, партийно-советское руководство при помощи дешевой рабочей силы и массового включения тружеников села пыталось повысить производительность в общественном производстве.

24 октября 1952 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О дополнительных мерах помощи колхозам Краснодарского края в проведении механизации трудоемких работ на животноводческих фермах и заготовке кормов». В этом постановлении намечались конкретные мероприятия по обеспечению механизации трудоемких работ на животноводческих фермах, прежде всего, по производству кормов.

Сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС обсудил положение в сельском хозяйстве страны, вскрыл объективные и субъективные причины его длительного отставания и наметил меры по дальнейшему развитию. Пленум признал необходимым обеспечить общий подъем сельского хозяйства, при этом в первую очередь сосредоточить внимание на зерновом хозяйстве, от состояния которого зави-

село развитие животноводства и других сельскохозяйственных отраслей.

Из перечисленных документов видно, что проблемы сельского хозяйства в послевоенный период были приоритетными в партийном и государственном руководстве.

В годы первой послевоенной пятилетки партийно-государственное руководство, используя идеологические и организационные формы мобилизации масс, сумело обеспечить быстрые темпы восстановления и развития сельского хозяйства. Однако полностью четвертый пятилетний план в области сельского хозяйства не был выполнен. Многие колхозы Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области так и не достигли плановых показателей по урожайности зерновых культур, поголовью продуктивности скота и производству животноводческой продукции. Посевная площадь всех культур в Ставропольском крае составляла в 1950 г., 96% от довоенного уровня. Значительно отставало животноводство: поголовье крупного рогатого скота в 1950 г. составляло лишь 87%, коров – 75%, а свиней – всего 63% к 1940 г. Низкими были урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота. Товарность колхозно-совхозного производства росла медленно: государственные заготовки и закупка зерна в 1951 г. составили 94% к уровню 1940 г., не приблизилась к довоенному уровню и заготовка продуктов животноводства. Главными причинами тому стали тяжелые последствия войны, к которым добавились удары стихии в 1946 г. и недостатки в руководстве сельским хозяйством. Местные партийные и советские органы стремились перекрыть издержки, которые в силу названных причин несло сельскохозяйственное производство, мерами организационного характера, чисто административными решениями. Но их усилия, направленные на улучшение методов руководства не могли кардинально изменить, в условиях господствовавшей в стране командно-административной системы, обстановку в аграрном секторе.

Тем не менее, несмотря на природно-климатические и организационные трудности, наблюдались некоторые успехи. В 1950 г. общая посевная площадь в Краснодарском крае превысила довоенный уровень, посевы озимой пшеницы увеличились со 1 130 тыс, до 1 275 тыс га. Повысилось плодородие кубанских полей, укрепилась материально-техническая база колхозов и совхозов [11, с. 403]. В Ставропольском крае на 40% увеличилось количество тракторов, возрос парк комбайнов, сельхозмашин, почти полностью были механизированы основные работы в полеводстве – пахота, сев, уборка зерновых и подсолнечника. На 501 тыс га, возросли посевные площади различных, в том числе зерновых культур повысились урожаи. На полях колхозов и совхозов строились оросительные системы, велись работы по созданию полезащитных лесополос [7, с. 363].

Делая вывод, следует отметить.

1. В послевоенные годы государство и народ ценой колоссальных усилий добились некоторых успехов. За короткий период был достигнут, а затем превзойден довоенный уровень сельскохозяйственного производства, освоены большие площади новых земель. Довоенный уровень промышленного производства был достигнут уже в 1950 г., в машиностроительной, металлообрабатывающей, топливной отраслях и промышленности строительных материалов, в то же время легкая и пищевая индустрия были восстановлены на 70–80%. Ниже довоенного уровня оставалось производства сахара, мяса, растительного масла, муки, маргарина, кондитерских изделий, а также обуви и одежды.

2. Восстановление сельского хозяйства было одним из приоритетных направлений в деятельности как центральных, так и местных органов партийно-государственной власти.

3. Стремление осуществить восстановление сельскохозяйственного производства на основе электрификации, технического перевооружения полеводческих и животноводческих работ свидетельствует о том, что модернизационные процессы оказывали влияние на советское руководство. Однако выделить в достаточном количестве

средства на достижение поставленной цели государство не могло. Восстановительный процесс шел за счет внутренних ресурсов регионов, трудового энтузиазма сельских жителей Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области.

Примечания 1.1

1. Большевик. – 1944. – 14 марта.

2. ГАКК. Ф. Р–1378. Оп. 1. Д. 23. Л. 91.

3. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 5. Д. 74. Л. 9.

4. Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях: материалы к Летописи / И.Ю. Бондарь. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 800 с.

5. История советского крестьянства: в 5-ти томах. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов / отв. ред. И. М. Волков: АН СССР. Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1988. – 395 с., [8] л. фот. портр. – (История крестьянства СССР).

6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 8. 1946–1955 гг. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / Под общ. ред. А.Г. Егоров, К.М. Боголюбов. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1985. – 542 с.

7. Край наш Ставрополье: очерки истории / науч. ред.: Д.В. Кочура, В.П. Невская. – Ставрополь: Штат-гора, 1999. – 525 с.

8. Краснодарскому краю 65 лет: страницы истории в документах архивного фонда Кубани: историко-документальный альбом / Упр. по делам архивов Краснодарского края. – Краснодар: Кн. изд-во, 2002. – 379 с.

9. Наш край: документы, материалы (1917–1977 гг.) / Парт. ар-

хив Ставропольского обкома КПСС; Гос. архив Ставропольского края. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. – 406 с.

10. Новейшая история отечества. XX век: учебник для вузов: в 2 т. Т. 1 / Под ред. А.Ф. Киселев, Э.М. Щагин. – М.: Владос, 1998. – 496 с.

11. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. – Краснодар: Кн. изд-во, 1976. – 671 с.

12. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашисткой Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – 383 с.

13. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. за 50 лет: в 5-ти томах. Т. 3. 1941–1952 гг. / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1968. – 751 с.

14. Россия в XX веке. Историки мира спорят / Под ред. Л.М. Кузнецова. – М.: Наука, 1994. – 752 с.

15. Советская деревня в первые послевоенные годы: 1946–1950 гг. / Б.И. Ноткин [и др.] ; отв. ред. И.М. Волков [и др.]. – М.: Наука, 1978. – 511 с.

16. Ставропольская правда. – 1944. – 12 февр.

17. Хрестоматия по истории Кубани (1917–1967 гг.). Ч. 2. Документы и материалы. – Краснодар: Кн. изд-во, 1982. – 262 с.

18. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 3. Д. 1331. Л. 6.

19. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 3. Д. 1331. Л. 7.

20. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 3. Д. 1331. Л. 8.

21. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 3. Д. 1331. Л. 9.

22. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 3. Д. 1331. Л. 10–11.

23. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 3. Д. 640. Л. 56.

24. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 3. Д. 640. Л. 61.

25. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 3. Д. 640. Л. 64–65.
26. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 3. Д. 640. Л. 66–67.

1.2. Восстановление социальной сферы в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области

Победа в Великой Отечественной войне досталась Советскому Союзу ценой огромных людских потерь, о количестве которых до сих пор ведутся дискуссии. Итог войны может быть определён только приблизительно, путём сопоставления различных статистических данных. Последние исследования, основанные на методе демографического баланса, который оценивает людские потери в результате военных и иных действий противника, повышения уровня смертности в тылу, прифронтовой полосе и на оккупированной территории, дают цифру 26,6 миллионов человек [27, с. 469–470].

Однако, кроме погибших и умерших, война оставила значительное количество инвалидов, численность которых в 1946 г. составила 2 575 694 человек [32, с. 234].

Почти полмиллиона жизней отдали жители Кубани [26, с. 162], среди погибших в основном молодые, работоспособные люди. Подсчет поименных людских потерь, нашедших отражение в краевой «Книге Памяти», показывает, что только в ходе военных действий край потерял 469 255 человек [26, с. 162]. За годы войны в города, села и аулы Ставропольского края не вернулись с фронта более 180 тыс воинов [29, с. 358].

Образованная в марте 1943 г. краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на Кубани действовала 6 лет. По данным комиссии, в Краснодарском крае было убито, замучено оккупантами и их пособниками 61 540 человек, из которых более 58 тысяч жертв опознать не удалось – погибшие были обезображены до неузнаваемости. Некоторая

часть сельских жителей была вывезена на казнь в другие населённые пункты и похоронена в братских могилах [25, с. 315].

Учётом угнанного населения занимался переселенческий отдел Краснодарского крайисполкома. По состоянию на 15 августа 1947 г. в его распоряжении были следующие цифры: за период оккупации с территории Краснодарского края насильственно угнано 130 521 человек, в том числе 81 089 женщин и 38 022 ребенка в возрасте до 16 лет. Наибольшее количество угнанных относится к районам Таманского полуострова и Голубой линии – Крымскому (38 тысяч), Темрюкскому (свыше 30 тысяч), Варениковскому (свыше 8 тысяч), Верхнебаканскому (около 4 тысяч), Анапскому (1,5 тысячи) и г. Новороссийску (45 тысяч) [30, с. 38]. По данным Краснодарского крайисполкома к августу 1947 г. из более чем 130 тысяч угнанных жителей края возвратилось 87 тысяч человек, среди них 25 тысяч детей в возрасте до 16 лет. Из числа возвратившихся свыше 21 тысячи человек работало в промышленности и 20,5 тысяч – в сельском хозяйстве на территории Германии [30, с. 76], поэтому проблемы, связанные с разрухой, усугублялись малочисленностью трудовых резервов.

Изучаемый регион, как и вся освобожденная от немецких захватчиков территория, лежал в руинах. Ущерб, причиненный оккупантами народному хозяйству Краснодарского края, составил более 15 млрд руб. (в довоенных ценах) [30, с. 121].

Ставропольскому краю ущерб был нанесен в размере 14 638 840 654 руб. [28]. Ростовской области – 13 435 287,7 руб. [31].

Постановления, принятые СНК СССР от 7 мая и СНК РСФСР от 17 мая 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства края, разрушенного немецко-фашистскими оккупантами», а также от 27 января 1944 г. «О дальнейших мероприятиях по восстановлению хозяйства в Ставропольском крае» определили основные задачи по нормализации экономической и социальной жизни региона.

В этих условиях важное место в экономической политике советской власти занимал вопрос о соотношениях группы «А» (производство средств производства) и группы «Б» (производство средств потребления). От формирования этих пропорций напрямую зависело экономическое состояние общества, его хозяйственные характеристики. В довоенный период группа «А» составляла основу советской экономики [33, с. 33]. Это связано с тем, что в 20–30 годы молодое Советское государство должно было непросто завершить индустриализацию, но сделать это в максимально быстрые сроки, чтобы остаться субъектом мировой политики [27, с. 304].

Возвращение к мирной жизни после Великой Отечественной войны предполагало необходимость не только восстановления экономики, но и выбора путей этого процесса: поддержать ли и взаимоувязать наметившиеся во время войны направления эволюции или же отвергнуть их и вернуться к модели 30-х годов. Эти важные вопросы стали предметом напряженной дискуссии при рассмотрении в 1945–1946 гг. проекта четвертого пятилетнего плана. Дискуссия завершилась победой сторонников возврата к довоенной модели экономического развития [27, с. 480]. Этому факту способствовали изменения, произошедшие на международной арене, послевоенное охлаждение отношений между союзниками по антигитлеровской коалиции, стремление США занять роль мирового гегемона. Монопольное владение атомным оружием и возможность его применения не отвергались в будущей войне с СССР. В этих условиях приоритет производства средств производства был очевиден.

Государству предстояло найти материальные ресурсы, которые обеспечивали бы значительное повышение жизненного уровня населения, компенсировать социальный долг, накопленный за годы довоенных пятилеток и годы войны. Руководство партии декларировало ряд мер по изменению принципов хозяйствования. Так, 9 февраля 1946 г. в выступлении И.В. Сталина было признано очень важным повышение материального уровня жизни народа и указан путь к дос-

тижению этой цели. Основной государственной задачей было широкое развертывание производства товаров народного потребления, развитие отраслей легкой и перерабатывающей промышленности, кооперации и торговли. Данная установка оформлялась несколькими постановлениями Правительства СССР за 1946–1948 гг.: «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» (9 ноября 1946 г.), «О мероприятиях по ускорению подъема государственной легкой промышленности, производящей предметы широкого потребления» (23 декабря 1946 г.), «О мероприятиях по расширению торговли потребительской кооперации в городах и рабочих поселках» (21 июля 1948 г.), «О мероприятиях по улучшению торговли» (20 ноября 1948 г.) [34, с. 350–362, 362–368, 505–511, 549–560]. Смысл этих документов сводился к следующим положениям: правительство требовало значительно увеличить товарооборот, расширить объем торговли между городом и деревней, пересмотреть роль потребительской кооперации (которая не располагала тогда устойчивыми связями с потребителем, ограничивала свои функции распределением товаров, получаемых от государства), разрешалась торговля в городах и рабочих поселках продовольствием и товарами широкого потребления, ставилась задача повсеместного расширения сети магазинов и лавок [33, с. 34], осуществлялась систематическая материальная помощь всем нуждающимся категориям граждан.

В реализации поставленных правительством задач, наряду с различными организациями и учреждениями, особая роль отводилась органам социального обеспечения, которые начали свою работу сразу после освобождения региона. Так, например, отдел Гособеспечения семей военнослужащих Суворовского района Ставропольского края был организован 8 марта 1943 г., а полностью укомплектован 5 апреля 1943 г. со штатом 9 человек. О работе отдела за 1944 г.

свидетельствуют отчеты и сведения по району. Собесом в ходе проверки было учтено 363 семьи военнослужащих, из них остронуждающихся 80 семей. За период с 8 марта 1943 г. отделом принято 37 дел, 58 пособий и 40 пенсий, открыто лицевых счетов 727. Через отдел по заявлениям трудоустроено 3 члена семей военнослужащих. 1 человек повышен в квалификации, 2 подростка устроено учениками на разную работу, 32 человека обучалось в ФЗО, 1 226 детей военнослужащих обучалось в школах, 50 детей нигде не училось. 1 750 детей устроено в детсады и ясли. Всего же по району было 35 детских садов, из них один в райцентре. На патронировании находилось 276 детей.

Собесом было выявлено 29 детей, не имеющих родителей, производился учет остальных. Также было обследовано 330 семей военнослужащих. Выдано 25 единовременных пособий на сумму 5 470 руб., розданы правительственные пайки на 215 человек из эвакуированных семей военнослужащих, в них 400 гр. мыла и по 2 кг муки на человека.

Предоставлено 30 квартир, в которых отремонтировано 5 печей. 262 семьям выделены огороды общей площадью 868 га, полностью обеспеченные вспашкой и семенами. 175 семьям выдано 200 талонов на трикотаж. 112 семьям произведены выплаты пенсий на сумму 46 313,43 руб., и 90 семьям – пособий на сумму 45 143,90 руб. Задержек по этим расчетам не было [24, л. 2]. Освобождено от государственных поставок 1 165 семей, от уплаты военного налога – 1 751 семьи и сельскохозяйственного налога – 3 500 семей.

Всего для оказания помощи семьям за 1944 г. в Суворовском районе было собрано следующее количество продуктов и сырья: картофеля – 540 кг, масла растительного – 26 кг, мяса – 95 кг, фасоли – 25 кг, мёда – 140 кг, муки – 269 кг, молока – 1 560 л, яиц – 575 штук и шерсти – 60 кг.

В фонд помощи семьям военнослужащих засеяно 26 га. Остро нуждающимся семьям выдано во временное пользование 25 коров. 1754 семьям силами колхозов заготовлено сено для скота. Подвезено топливо 974 семьям военнослужащих. 787 семьям оказана помощь в уборке и переработке урожая. Выдано мануфактуры по 2–3 м сорока четырем семьям на сумму 1 700 руб., 437 семьям отремонтирована обувь. Трудоустроено на предприятия и учреждения 176 человек, в колхозы – 1611 человек [23, л. 40].

Всего в 1944 г. по Суворовскому району от месячников, декадников и воскресников поступило 30 568 руб. в фонд внебюджетных средств на оказание помощи семьям военнослужащих [24, л. 2]. В последние годы войны и после ее окончания работа по оказанию социальной помощи семьям погибших воинов и членам семей военнослужащих продолжалась. В отчете о работе областного отдела по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при Ростовском облисполкоме за 1945 г., сообщалось: Руководствуясь постановлением Совнаркома РСФСР № 254 от 16 апреля 1945 г. «О мерах по дальнейшему улучшению организационной помощи семьям военнослужащих», районные и городские отделы социального обеспечения перестроили свою работу в полном соответствии с указанным решением. В районах были разработаны мероприятия, направленные на улучшение оказания помощи нуждающимся семьям военнослужащих. В результате их проведения отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству имели возможность оказать семьям военнослужащим некоторую помощь. На 1 января 1945 г. на учете отделов Ростовской области состояло 17 848 остро нуждающихся семей. За 1945 г. было выдано денежных средств 4 822 тыс руб., продовольствия – 173 673 пуда. Разных вещей – 54 080 предметов, валенок – 661 пара, шерсти – 69 пудов, овчин – 11 шт. обуви – 32 702 пары, мануфактуры – 112 120 м, разных промтоваров на сумму 573 622 руб. и т. д. Вся эта помощь была ока-

зана помимо специального выделения промтоваров постановлением СНК [6, л. 106].

В 1945 г. отделы социального обеспечения стремились, главным образом, к созданию фондов на производстве, учреждениях, колхозах и совхозах. С этой целью в ряде городов и районов Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области денежные средства и продукты, собранные в период месячника и сверхпланового посева, частично оставались на предприятиях, учреждениях, совхозах и колхозах.

Большую работу, в создании фондов, изыскании средств местных бюджетов для оказания помощи семьям военнослужащих, провел Сальский отдел Ростовской области по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. В 1945 г. отдел оказал помощь более чем 4 000 семей. За 1945 г. семьи военнослужащих Сальского района Ростовской области получили бесплатно 688 пудов муки (остаток сверхпланового посева 1944 г.), 237,5 пудов муки, полученной от сверхпланового припека Сальского хлебозавода, плюс 83 144 руб. По решению обкома ВКП (б) от 3 октября с 15 октября 1945 г. по 15 ноября 1945 г. в Ростовской области проводился месячник по оказанию помощи семьям военнослужащих в осенне-зимний период. По заготовке топлива, кормов для скота, ремонту жилищ и надворных построек, обеспечению овощами на зиму, сбору средств. Проведя хорошую подготовительную работу, агитацию, органы социального обеспечения в ряде районов создали солидные денежные и продовольственные фонды. Например, предприятиями и организациями Ростовской области за год была оказана помощь в размере 1 299 330 руб., 96 740 пудов продовольствия, 40 609 вещей и т. д., в том числе предприятия г. Новочеркасска выдали семьям военнослужащих 166 597 руб. [7, л. 107], свыше 1 550 пудов продуктов питания, мануфактуры около 3 тыс метров, угля – 2045 т., поросят – 110 шт. телок – 2 головы. Предприятия г. Таганрога оказали денежную помощь 1 336 семьям в сумме

359 358 руб.. Только завод им. Андреева, на учете которого состояло 900 семей военнослужащих, выдал 5807 м мануфактуры, 825 пар обуви, 5 437 талонов на одежду, 5 437 пудов овощей и средств – 57 710 руб., а также много строительных материалов – только кровельного железа – 31 тыс. шт. С января 1944 г. отдел социального обеспечения стал готовиться к огородной компании. Для семей военнослужащих была выдана земля, заготовлены семена. Многие города и районы позаботились о вспашке. В городах, где не хватало семян, организовали их привоз. Весной 1945 г. 325 семей военнослужащих получили огороды, была оказана помощь и в приобретении скота. В 1945 г. выдано 22800 голов, в том числе рогатого 6 444 головы, мелкого – 2 635 и прочего – 13 421 голова. Такая помощь была больше в два раза, чем в 1944 г. по мелкому в 4 раза и в 10 раз по поросятам. На приобретение скота была выдана ссуда – 1 870 тыс руб., однако 15 786 семей еще не имели крупного рогатого скота, их обеспечивание планировалось в 1946 г. Всего было собрано – 3 887 972 рубля денежных средств и 28 973 пуда продуктов питания. В том числе зерновых – 9 709 пудов, картофеля – 1 096 пуда, жиров – 305 пудов и т.д. Одежды – 7 988 предметов, обуви – 2 664 пары, валенок – 65 пар, шерсти 87,5 пудов, было отремонтировано 1 127 квартир, предоставлено 39 квартир, привезено – 63 т угля, 2 829 т местного топлива. Подвезен корм для скота 1 584 семьям, выдано крупного рогатого скота 54 головы, мелкого – 83 и прочего – 214. Только в одном Неклиновском районе собрано зерна более 46 875 пудов, картофеля – более 70 пудов, жиров 36 пудов, денег – свыше 100 тыс руб. В Мечетенском районе собрано 101 735 руб., 4 475 пудов зерна, 78 пудов картофеля. В Целинском районе собрано 79 133 рубля, 824 пуда зерна, 233 пуда картофеля и т.д. В г. Таганроге в период месячника собрано 978 264 рубля. Кроме фондов, собранных во время месячников, имелись еще фонды сверхпланового посева. Весной 1945 г. колхозники 51-го района засеяли в фонд помощи семьям военнослужащих 2285 га, Вследствие засухи в 28 рай-

онах области урожай собран только в 23 районах в количестве 199 375 пудов. Колхозники отчислили в фонд помощи семьям военнослужащих 493 819 трудодней. А колхозники Сальского района отчислили 30 тыс трудодней. Дело в том, что фонды, созданные в результате проведения месячника и полученные со сверхпланового посева имелись преимущественно в тех районах, где был получен хороший урожай, и как следствие, в этих районах наименьшее количество семей военнослужащих нуждалось в продуктах питания. Организовать переброску продуктов из одного района в другой вследствие транспортных затруднений внутри области не представлялось возможным, несмотря на то, что помощь семьям военнослужащих, живущим в восточных районах Ростовской области, была крайне необходима.

Отсутствие денежных средств было не единственной проблемой в оказании послевоенной социальной помощи нуждающимся слоям населения. Так, легкая промышленность Краснодарского края продолжала вести работы по наращиванию выпуска продукции. В истекшем 1946 г. было выпущено продукции в неизменных ценах 1926–1927 гг. на сумму 19 318,2 тыс руб., с выполнением плана на 106% и увеличением против 1945 г. на 41,6%. Из одиннадцати предприятий производственную программу не выполнили два предприятия: Краснодарская обувная фабрика (94,5%) и хлопчатопрядильная фабрика (63,6%).

Невыполнение плана обувной фабрикой объяснялось слабой механизацией производства из-за неполучения выделенного ей в 1946 г. оборудования.

Причиной невыполнения производственной программы хлопкопрядильной фабрикой являлся неудовлетворительный ход монтажа прядильного оборудования. Вместо 7500 выделенных и намеченных к вводу в эксплуатацию станков к концу года введено было только 3 750, что составило 50% от водимого оборудования.

По швейным фабрикам из 28 видов изделий план был реализован только по восьми, что являлось следствием неудовлетворительного снабжения тканями, фонды которых реализовывались следующим образом: а) по шерстяным тканям – на 83,5%; б) по шелковым – на 87,8%; в) по хлопчатобумажным – на 81,4%; г) по верхним тканям госзаказа – на 62,3%. Отгрузка тканей производилась с задержкой [5, л. 63].

Изученные документы показывают, что для проведения намеченных руководством страны социальных мероприятий катастрофически не хватало не только денежных средств, оборудования, но и кадров. Поэтому быстрая ликвидация последствий войны и скорейшее удовлетворение потребностей всех нуждающихся в социальной помощи в послевоенный период было практически не возможно.

Одновременно с наращиванием выпуска продукции легкой, пищевой промышленности решался вопрос о размещении и обустройстве быта демобилизованных с фронта. С июля 1945 по 1948 годы численность Советской армии сократилась с 11,4 до 2,9 млн человек [32, с. 278]. Военным по возможности предоставлялась жилая площадь, выделялись средства на обзаведение хозяйством в сельской местности и восстановление жилых домов. В районах Юга России были организованы продовольственные пункты, которые снабжали демобилизованных продуктами питания до места следования.

По неполным данным Краснодарского краевого военкомата, во второй половине 1945 г. в край прибыло 132 тыс демобилизованных [39, л. 8]. По распоряжению руководства края в городах и районах были созданы денежные и продовольственные фонды помощи демобилизованным. Из этих фондов в городах выделялось свыше 25 тыс руб., а в 18 сельских районах 57 тыс 800 руб.. В 21 районе 1 156 демобилизованным было выдано до 30 т муки, значительное количество масла, меда и других продуктов из районных фондов. Помощь продовольствием оказывали колхозы. В 10 районах колхо-

зами, выполнившими план развития животноводства, выдано демобилизованным для хозяйственного устройства 220 голов крупного рогатого скота (22 на район), 107 поросят, 5 ульев с пчелами и т. д.

Наибольшее затруднение города и районы испытывали в удовлетворении нужд демобилизованных военнослужащих в обуви и одежде [40, с. 85, 88, 89]. Так, в Ростовской области промтоваров было выдано на 3 697 человек, обуви 5 015 пар, мануфактуры 12 559 м, разной одежды 6 399 предметов [16, л. 127]. 19 октября 1945 г. Председатель Исполнительного краевого Совета депутатов трудящихся Ставропольского края А. Баранов сообщал в Совнарком А.Н. Косыгину об устройстве демобилизованных воинов по состоянию на 1 октября 1945 г. следующее: «В Ставропольский край прибыло 20228 демобилизованных, в том числе в города – 5 312 , в сельскую местность – 14 916, определено на работу всего 13 027, в том числе на предприятия – 2 030, учреждения – 2 331, колхозы – 7978, совхозы – 688 поступили в учебные заведения 248, остальные 6953, прибывшие в последнее время, были ещё не трудоустроены». В целях скорейшего трудоустройства демобилизованных в городах и районах были проведены совещания руководителей партии, учреждений, колхозов, совхозов и машинотракторных станций, организован учет вакантных должностей и профессий.

В 1945 г. в Ростовской области подлежало трудоустройству 201 975 человек. Фактически было трудоустроено 200 000 человек. Однако это количество предоставленных рабочих мест не смогло обеспечить всех нуждающихся в трудоустройстве. Свыше 17 000 трудоспособных членов семей военнослужащих области не имели постоянной работы [11, л. 113]. Но были и такие, кто не хотел трудоустраиваться. Так, например, большое количество трудоспособных членов семей военнослужащих не работало в гг. Азове, Батайске и поселке Чертково. Эти люди, занимались торговлей на железнодорожных станциях и их было трудно вовлечь в производство [12, л. 113].

Значительное большинство демобилизованных возвращалось в свои дома и квартиры. В Ростовской области 585 человек получили жилые помещения, было учтено 110 человек, не обеспеченных жилплощадью. В целях своевременного обеспечения жильём в городах и сельской местности освобождались, и ремонтировались бесхозные здания, восстановленные дома и квартиры в первую очередь предоставлялись демобилизованным. В Ростовской области на ремонт и строительство жилья демобилизованным были выданы долгосрочные ссуды на сумму 17 559 708 руб., отремонтировано 5 236 квартир, из них в городах – 1 624 и в сельской местности – 3 612. Выдана единовременная денежная помощь на сумму 5 611 331 руб [16, л. 127]. Существенный вклад внесли собесы. Так, в области собесами было намечено отремонтировать 13300 городских квартир, построить и восстановить 265 домов, в сельской местности эта цифра составляла 500 домов. План ремонта квартир и строительства новых домов в сельской местности был значительно перевыполнен. Отремонтировано было 26 854 квартиры, в том числе в городе – 11 970, а в сельской местности – 14884.

1 110 семей военнослужащих получили ссуды на ремонт и строительство домов на сумму 7 199 150 руб. В Мечетенском районе Ростовской области по плану должны было быть отремонтировано 139 квартир, фактически отремонтировали 408. В Песчанокопском районе при плане 255 квартир отремонтировали 998. Из членов семей военнослужащих, строящих себе дома, были созданы строительные бригады и звенья по производству кирпича, по подвозу его к месту строительства, коллективно производилась помазка домов, заготовка камыша для покрытия и т. д. В Песчанокопском районе, в колхозе им. Бондаренко было выстроено 27 домов [8, л. 109].

Демобилизованным также оказывалась помощь стройматериалами, денежными ссудами, на проведение ремонта, восстановление домов и квартир, новое строительство домов своими силами. Большинство демобилизованных в сельской местности возвращались в

свои хозяйства. На обзаведение хозяйством была предоставлена 921 голова крупного и мелкого рогатого скота и 110 голов птицы; выдана ссуда в размере 14 тыс руб. на приобретение скота. Шло обеспечение топливом: выделено и подвезено 850 т соломы, 664 т угля, 4 318 куб дров, 4 047 складометров хвороста. Переданы 50 жилых и 81 подворная постройка, в порядке помощи выдано 39 410 руб., 2 625 центнеров хлебопродуктов, значительное количество одежды, белья, тканей. Нуждающимся демобилизованным построено 32 дома, отремонтировано 577 домов и квартир. Заготовлено 2017 куб м строительного леса, 1 100 складометров хвороста, 17 600 снопов камыша. Выдан кредит на строительство и восстановление жилых домов в размере 4 879 тыс руб. [11, л. 112]. Отсутствие в Ставропольском крае лесов приводило к дефициту строительного леса. Поэтому поступавшие от демобилизованных заявки на этот материал, а также гвозди, оконное стекло, олифу, краску. Крайисполком удовлетворить не мог, в связи с чем руководство края просило выделить и отгрузить леса строительного – 33 700 куб, гвоздей – 30 т, оконного стекла – 500 ящиков, олифы – 10 т [12, л. 113].

В строительстве принимали активное участие предприятия и организации региона. Начатое в марте 1945 г. движение рабочих завода «Красный Аксай» в г. Ростове-на-Дону, которые взяли шефство над остро нуждающимися семьями военнослужащих, было подхвачено общественностью области. Из месяца в месяц это движение росло и ширилось. Если на 1 июля шефство было организовано в основном в г. Ростове-на-Дону, то на 1 января 1946 г. имелось уже 2 478 семей, над которыми было взято шефство 620 организациями области. За это время выше упомянутым семьям были выделены следующие средства: деньги – 73 176 руб., продукты питания – 6 256 пудов, одежда – 1 732 предмета, обувь – 916 пар, мануфактура – 3 677 м, валенки – 35 пар, выдана 31 голова крупного рогатого скота, 57 голов мелкого, подвезено 212 т топлива, предоставлено 30 квартир, отремонтировано – 157, выстроено 8 домов новых [13, л. 114].

Предприятия г. Шахты отпустили 664 куб м строительного леса, отремонтировали 572 квартиры, израсходовав на это 714957 руб., выстроили 22 новых дома [9, л. 110].

Несмотря на то, что строительство новых домов и ремонт квартир проходил более быстрыми темпами, чем в 1944 г., положение оставалось крайне напряженным. Основной причиной являлось то, что Ростовская область, как и вся территория, подвергшаяся оккупации, нуждалась в дополнительном выделении строительных материалов.

Отделы социального обеспечения занимались также вопросами заготовки топлива для семей военнослужащих. Работа началась еще в июне 1945 г. Были учтены все семьи военнослужащих, не имеющие возможности заготовить топливо своими силами. С августа топливо начали подвозить, и семьи военнослужащих сельской местности были полностью обеспечены. Иная ситуация сложилась в городах Ростовской области, где фонды на уголь были крайне ограничены, кроме того, была затруднена переброска угля. Частично этот вопрос удалось разрешить в связи с получением 21 т бензина, который целиком использовался на переброску угля от шахт к стенке и подвоз топлива на дом семьям военнослужащих [10, л. 111]. Всего же было выдано 13 755 т топлива, различного местного топлива (соломы, дров, хвороста) – 35 846 т.

Работа по размещению и устройству демобилизованных велась и на местах. Так, председатель Дмитриевского районного совета Ставропольского края М. Войков в информации на имя председателя крайисполкома Баранова А.А. сообщал о выполнении закона «О демобилизованных воинах Красной Армии и их трудоустройстве» в Дмитриевском районе. Он писал: «по состоянию на 1 октября 1945 г. Дмитриевским райвоенкоматом принято на учет демобилизованных воинов старших возрастов (первой демобилизации) из Красной Армии 170 человек, из которых трудоустроено 153 человека. Выдвину-

то на партийную руководящую работу 38 человек. Демобилизованным была оказана следующая помощь: муки выдано – 3 815 кг, крупы – 89 кг, мяса – 77 кг 400 граммов, жиров – 66 кг 500 граммов, хлеба – 125 кг овощей 1600 кг, мёда – 12 кг, сахара – 18 кг 400 граммов, карамели – 10 кг 500 граммов, табака – 23 кг 700 граммов.

Отремонтировано квартир – 35, помещений для скота – 14, отпущено лесоматериалов – 6 куб метров. Выдано ссуды 12 тыс руб. для постройки зданий и покупки коров, выдано 11 голов поросят. Для обеспечения скота кормами, находящимися в личном пользовании, выделено правлением колхозов тягло и при личном участии демобилизованных заготовленных кормов 100 возов. Также были проведены кустовые совещания с демобилизованными, на которых ознакомились с их материально-бытовым положением, и были поставлены первоочередные задачи в вопросах восстановления сельского хозяйства» [21, л. 2].

Прибывшие в 1946 г. 2 866 демобилизованных Ставропольского края получили кредиты на сумму 17 млн руб. [28, с. 10]. Но, к сожалению, удовлетворить все потребности демобилизованных, а также членов семей военнослужащих было практически невозможно в силу отсутствия финансовых возможностей. Так, в докладной записке председателю исполкома Ставропольского краевого Совета депутатов трудящихся А.А. Баранову председателем исполкома районного Совета депутатов трудящихся т. Вытяжковым сообщалось следующее: «Довожу до Вашего сведения, что со стороны Краевой конторы Сельскохозяйственного банка до сего дня недостаточно уделено внимания об отпуске лимитов на кредитование жилищного строительства для демобилизованных воинов Красной Армии согласно указу Президиума Верховного Совета СССР. За прошедший период времени лимита на кредитование не спущено, а потребность большая. Исполком райсовета просит Вас дать указание Краевой конторе Сельхозбанка спустить лимит для нашего отделения Госбанка на кредитование жилищного строительства – 100 тыс руб.» [18, л. 1].

Конечно, это не могло удовлетворить всех потребностей демобилизованных. Но среди вернувшихся с фронта находились и такие, чьи подсобные хозяйства были полностью разорены войной. Поэтому мероприятия, проводимые государственными и партийными органами, могли частично помочь фронтовикам в решении их социальных проблем.

Жители Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области ощущали также недостаток промышленных товаров. Так, в Краснодарском крае в IV квартале 1945 г. было недополучено основных потребительских промышленных товаров на 7 894 тыс руб., в том числе хлопчатобумажных тканей на 6 424 тыс руб.

В I квартале 1946 г. по выделенным фондам должно было быть завезено основных товаров на сумму 19 228 тыс руб. Но фактически на 1 марта 1946 г. край получил товаров на 3 420 тыс руб. Таким образом, было недополучено товаров на сумму 13 664 тыс руб.

Из суммы 2 782 тыс руб. фабрики краевой легкой промышленности должны были дать продукции на сумму 1 652 тыс руб. План не был выполнен из-за отсутствия сырья.

В связи с общим состоянием завоза товаров в регион Краевой потребительский союз недополучил для села основных товаров на сумму 10 472 тыс руб. (таблица 1).

Таблица 1. *Поставки товаров широкого потребления для сёл Краснодарского края в 1946 г. [41, л. 18]*

№ п/п	**Наименование товаров**	**План**	**Фактически**	**% выполнения**
1	2	3	4	5
1.	Хлопчатобумажные ткани	6250,0	985,0	15,7
2.	Шерстяные ткани	300,0	–	–
3.	Платки	850,0	–	–

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5
4.	Нитки	860,0	300,0	34,9
5.	Швейные изделия	1400,0	–	–
6.	Обувь кожаная	1050,0	320,0	30,5

Из таблицы видно, что план поставки по хлопчатобумажным тканям был выполнен только на 15%. По шерстяным тканям, платкам, швейным изделиям задание вообще не было выполнено. По ниткам, обуви план был выполнен только на 30%. Все это свидетельствует о том, что государство не могло полностью удовлетворить спрос населения в товарах народного потребления.

Отдельную категорию демобилизованных составляли инвалиды Отечественной войны. За истекший 1945 г. их численность возросла на 15 073 человека и к 1 января 1946 г. их количество выросло почти в 3 раза, достигнув 41 754 человека. Таким образом, за год количество инвалидов войны увеличилось только в Краснодарском крае на 36,1% за счет прибывших на Кубань из других регионов страны. Абсолютное большинство прибывших имели заключения медицинских учреждений. Однако, несмотря на большой рост количества инвалидов, в основном с тяжелыми формами заболевания шел процесс уменьшение удельного веса инвалидов Отечественной войны II группы и увеличение III группы (таблица 2).

Таблица 2. *Количество инвалидов Великой Отечественной войны в Краснодарском крае в 1945–1946 гг., %*

Удельный вес инвалидов по группам	**По данным на 1.01.1945**	**По данным на 01.01.1946**
I группа	1,3%	1,4%
II группа	36,5%	27,4%
III группа	64,2%	71,2%

Из таблицы видно, что происходит рост количества инвалидов третьей группы на 7%, инвалидов первой группы – на 0,1% и уменьшается количество инвалидов второй группы – на 9,1%. Это свидетельствовало о том, что рост количества инвалидов третьей трудоспособной группы происходил за счет улучшения медицинского обслуживания.

По данным учета занятости, в сельском хозяйстве значительная часть инвалидов Отечественной войны была занята на руководящих должностях. Так, из 22 822 инвалидов, работающих в колхозах, председателями колхозов было назначено – 998 чел., бухгалтерами и счетоводами – 1 998 чел., бригадирами – 2 470 чел.

Несмотря на существенную работу проделанную органами социального обеспечения по обучению и переводу на квалифицированную работу инвалидов Отечественной войны, в 1945 г., значительная часть по-прежнему использовалась на отдельных предприятиях для неквалифицированной работы в должности вахтеров, сторожей и др.

Постановление Совнаркома РСФСР от 10 июля 1945 г. за № 406 и Решение крайисполкома от 9 августа 1945 г. «О мерах по дальнейшему улучшения обслуживания инвалидов Отечественной войны» явились программой действий районных и городских собесов во втором полугодии 1945 г. Руководствуюсь этим решением, отделы социального обеспечения добились перевода с низко оплачиваемых на квалифицированные работы 3 572 инвалидов. В результате проведения в жизнь указанного постановления совнаркома в 1945 г. значительно улучшилось положение с обучением и переквалификацией инвалидов Отечественной войны. Так, если до 1944 г. разным профессиям было обучено немногим более 1000 инвалидов, то за 1945 г. – 3 776 человек [30, с. 38].

Материально-бытовое обеспечение инвалидов Отечественной войны заметно улучшилось, хотя в вопросах снабжения необходи-

мыми вещами, в частности верхней одеждой и обувью, все еще продолжало быть напряженным, в особенности в сельских районах. Всего по спискам, утвержденным городскими и районными исполкомами, инвалидам Великой Отечественной войны и их детям было выдано 9 329 продовольственных пайков. Промтовары получили 16 329 инвалидов в следующем ассортименте: мануфактуры – 37 791 м, готовых изделий – 21 248 шт. обуви для взрослых – 7 982 пары, обуви детской – 3 639 пар [30, с. 38].

Также городские и районные исполкомы снабжали топливом нуждающихся инвалидов Отечественной войны. На 1 января 1946 г. было завезено: дров – 18 789 куб м, угля – 813 т, местного топлива (солома, будылка, сорняки) – 13 889 возов. Однако в ряде безлесных районов, в которых значительное количество инвалидов не получило дров, положение с топливом продолжало оставаться напряженным и трудно решаемым [30, с. 38].

В оказании социальной помощи ветеранам войны принимало участие не только государство, но и общественность. Так, силами колхозов Краснодарского края инвалидам Великой Отечественной войны в 1945 г. были проведены следующие мероприятия.

1. Построено домов – 431.

2. Отремонтировано домов, квартир – 1 759.

3. Выдано крупного рогатого скота – 1 694, мелкого скота – 3 666, пчелосемей – 753, продуктов питания – 7584 ц.

4. Выдано единовременной денежной помощи – 1 694 990 руб.

Из сумм, выданных на единовременную помощь, 825 235 руб., было собрано путем проведения воскресников в ряде районов края. Кроме перечисленных, весной 1945 г. из числа заграничных подарков инвалидам войны было выдано 40 258 вещей [30, с. 48].

Инвалиды Великой Отечественной войны I группы были взяты на персональный учет, и в отношении их проявлялась особая забота.

Снабжение их продовольствием и промтоварами производилось в первую очередь. Над 183 инвалидами I группы было взято шефство различными общественными организациями. О размерах оказанной помощи можно судить по следующим фактам: Лабинский район – инвалиду Отечественной войны I группы Н. Островскому с помощью шефов был построен дом и приобретена корова, инвалиду I группы А. Тамбовскому из станицы Некрасовской был построен дом, выданы поросенок и телка, отпущено 35 м мануфактуры [30, с. 38].

О некоторых итогах работы отделов социального обеспечения Ростовской области за 1945 г. и первое полугодие 1948 г. сообщает справка «О трудовом, материально бытовом устройстве инвалидов Отечественной войны и труда, семей погибших воинов, семей военнослужащих».

За время 1945–1948 гг. городские и районные отделы социального обеспечения и Областной отдел социального обеспечения за счет средств местного и республиканского бюджетов выдали единовременных денежных пособий на сумму 13 121 900 руб. Кроме денежных пособий приобретено и продано разных продуктов питания 173 673 пуда. Промтоваров на сумму 573 622 руб. и обуви – 2 333 пары, мануфактуры – 112120 м, готовых швейных изделий – 540 880 шт. и заграничных вещей – 9 вагонов [17, л. 4].

Однако охватить вниманием и заботой каждого инвалида ни общественность, ни государство не могли, так как не было средств на решение социальных проблем, поэтому, несмотря на предпринятые руководством страны и регионов меры по социальной защите демобилизованных и инвалидов Отечественной войны, по-прежнему существовал острый дефицит продуктов питания и товаров народного потребления.

Так, за 1946 г. в районные и городские отделы социального обеспечения Краснодарского края поступило 10 133 жалоб и заявлений, которые по характеру затронутых вопросов распределялись:

1) об оказании материальной помощи (одеждой и обувью) – 8 772;

2) о назначении и увеличении размеров пенсии – 738;

3) о несогласии с заключением ВТЭК – 503;

4) об устройстве на работу – 120;

В краевой отдел социального обеспечения поступило 2 971 жалоба и заявление, из них:

1) по вопросам назначения пенсии – 1 421;

2) об оказании материальной помощи – 507;

3) о пересмотре группы инвалидности – 485;

4) о направлении в дома инвалидов – 221;

5) об изготовлении протезов – 209;

6) О предоставлении работы и повышении квалификации – 128 [38, л. 37–55].

Жалобы, направленные в органы власти, свидетельствуют о многогранности социальных проблем в послевоенный период.

Параллельно с оказанием социальной помощи инвалидам Отечественной войны решался вопрос по борьбе с детской беспризорностью – этим горьким последствиям войны. Система детских домов функционировала в регионе ещё до войны, в Краснодарском крае их насчитывалось 106, с количеством 15 736 детей, [43, л. 1–4], в Ставропольском крае – 40 с 7000 воспитанников [28, с. 9]. Война увеличила число бездомных детей. Ещё в годы войны СНК СССР принимает постановление «Об организации для детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, суворовских военных училищ, специальных детских домов и детских приемников-распределителей». На 1 декабря 1943 г. в Ставропольском крае были открыты 10 специальных детских домов на 1 300 мест, 5 специаль-

ных детских приемников и специальный дом ребенка на 50 мест в с. Николаевка Минераловодского района. Было также подобрано здание для Суворовского училища [28, с. 9]. Краснодарский крайисполком своим решением от 6 февраля 1943 г. решил организовать в 25 районах края 28 детдомов, с общим охватом детей в количестве 3 000 человек. Кроме того, благодаря инициативе районных и городских исполкомов, советов, по мере необходимости организовывались детские дома. Всего на 1 марта 1943 г. было организовано 16 детдомов, из них в 11 детдомах было охвачено 1070 человек [42, л. 1–2]. Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР с последующим утверждением сессией Верховного Совета РСФСР установлен контингент воспитанников для детских домов Краснодарского края в количестве 9000 человек. В 1944 г. по краю уже имелось 69 детских домов с наличием в них 6906 воспитанников. А на 1 июля 1945 г. насчитывалось уже 78 детских домов с контингентом – 8 375 человек, в том числе 15 специальных детских домов, организованных по решению правительства для 1 500 человек детей-сирот фронтовиков Отечественной войны. Детских домов обычного типа – 57 с контингентом детей 6137 человек. Две специальные школы для глухонемых с контингентом – 262 человека; один дом для детей польских граждан на 176 человек и три межколхозных детских дома на 300 человек. Сеть детских домов в 1945 году увеличилась на 9 учреждений с охватом в них 1154 воспитанников [44, л. 3–4].

В 1945 г. во всех районах Ростовской области был проведен переучет сирот. Так, например, по данным областного собеса было учтено детей, оставшихся без родителей, 12401 человек. Из них находилось на патронате 2 206 детей, под опекой 2695, усыновлено 698 человек, в детских учреждениях 6 674 ребенка, остальные дети находятся на воспитании у ближайших родственников [28, с. 10]. В области имелось 5 инициативных детских домов, в которых находилось 108 детей. Детские дома имели прочную экономическую базу: все дети получали хорошее питание, одежду и обувь, а также тре-

буемое воспитание. Воспитательный персонал в этих учреждениях был укомплектован людьми, имеющими специальную подготовку. В 1945 г. через оздоровительные мероприятия прошли 18917 детей военнослужащих [14, л. 120].

В 1946 г. в Ставропольском крае насчитывалось 4 900 беспризорников, которые размещались в 10 специальных детских домах обычного типа и спецшколах. В том же 1946 г. в Ставропольском крае открыли еще 5 новых детских домов: Александрийско-Обиленский, Аполлонский, Суворовский, Кумышский и Рождественский. На патронирование детей было выдано 882 тыс руб.

Материальная база детских домов была очень слабой, отсутствовали строительные материалы, оборудование, одежда, более половины детских домов размещалось в обычных жилых домах, не соответствующих санитарным нормам. Нередко детям приходилось спать по двое на одной кровати.

Несколько лучше было положение тех детдомов, которое имели подсобные хозяйства, в частности Ипатовский детдом, что позволяло заготавливать овощи, картофель, сухофрукты. Правда, в них практически отсутствовали сельскохозяйственные машины, тягловая сила. Так, из всех детских домов только 7 имели трактора, 31 – автомашину, на все детдома приходилось 117 лошадей и 115 волов. Поэтому так непросто решались проблемы с продовольствием, особенно в Машукском, Пятигорском и других детских домах, не имевших земельных участков [28, с. 10]. Также плохо с питанием обстояло дело в детдомах г. Краснодара, Майкопа и в Ладожском районе.

Детские дома имели тесную связь с частями Красной Армии, которые оказывали им значительную материальную помощь. Так, Ладожский детский дом получил от воинской части № 11048 в виде подарков 22 посылки (50 отрезов на детские пальто, скатерти, гардины, блузы, платья и др.) и 4 400 руб. Попутненский детский дом Отрадненского района Краснодарского края получил 5 000 руб. от

шефствующей воинской части Военно-Морского Флота. Кроме воинских частей, над детдомами шефствовали районные организации, районные общества Красного Креста и Полумесяца [37, л. 201].

Через базу крайроно за июль 1944 г. – июнь 1945 г. было выдано патронированным детям 10 967 вещей из американских подарков и 200 пар обуви. На местах большую помощь оказывали также отдел Гособеспечения и колхозы, но помощь эта оказывалась не систематически [37, л. 201].

Особое место занимала медицинская помощь населению. Так, за годы послевоенной пятилетки сеть больничных коек в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области увеличилась. Например, в Краснодарском крае отмечено увеличение с 8 999 до 10 523 коек, т. е. на 1 624 койки больше, врачебные кадры увеличились на 653 человека. В 1951 г. количество больничных коек увеличивается по городам на 315 по селам на 210, а врачебных должностей – на 310 [1, л. 2]. В 1954 году обеспеченность населения края врачебными кадрами стала самой высокой в РСФСР: на 10 000 человек – 30 врачей в городах и 5,2 – в селах (в РСФСР соответственно: 22 и 2,9) [2, л. 2].

Одновременно с этим идет развитие инфраструктуры курортов. Так, восстановление Сочи-Мацестинского курорта началось в 1944 г., широким фронтом развернулось в 1945 г. СНК СССР принял специальное постановление от 25 февраля 1945 г. № 366 «О неотложных мерах по восстановлению Сочи-Мацестинского курорта», в котором определялась программа противооползневых и берегоукрепительных работ по сохранению территории курорта, а также мероприятий по усилению мощности водопровода и электростанций и благоустройству города-курорта. К началу пятилетки 1946 г. уже возобновили свою деятельность 23 санатория с 3000 койко-мест, а к концу 1947 г. санаторное хозяйство достигло довоенного уровня мощности. В остальные годы пятилетки емкость курорта продолжала воз-

Особое внимание уделяется оздоровлению детей. Так, в докладе «О количестве детей, посетивших оздоровительные учреждения» говорилось: «Летней оздоровительной кампанией 1946 г. в Краснодарском крае будет охвачено 52 858 человек детей против 47 285 человек в 1945 г., т. е. больше на 5 573 человек» [3, л. 55-56] (таблица 3).

Таблица 3. *Количество детей, посетивших оздоровительные учреждения в 1945–1946 гг.*

Виды оздоровительных мероприятий	**1945 г.**	**1946 г.**
1. Пионерские лагеря – всего	21 420	23 461
в т.ч. общего типа	19 495	19 416
санаторного	1 925	4 045
2. Детские площадки	9 450	5 100
3. Детские сады и ясли	4 225	8 090
4. Детдома и дома ребенка	2 750	3 562
5. Школьные лагеря	3 800	4 900
6. Отряды по сбору лек. сырья	5 640	4 395
7. Экскурсии, туристические мероприятия	–	1 550

Так, из таблицы видно, что количество пионерских лагерей санаторного типа увеличилось за год на 2 120, детских площадок – на 4 350, детских садов и яслей – на 3 865, детдомов – на 812, школьных лагерей на 1 100 учреждений, дополнительно были организованы экскурсии и туристические мероприятия. На этом фоне мало заметно уменьшение числа отрядов по сбору лекарственного сырья на 1245.

Открытие расширенной сети курортно-лечебных учреждений пришлось на безурожайный 1946 г., что повлекло за собой дефицит продуктов питания. Так, главврач госпиталя № 5438 для инвалидов Великой Отечественной войны сообщал, что Краснодарский Пищеторг с 15.12.46 г. не отпускал госпиталю молочные продукты, све-

растать, число лечащихся увеличилось [4, л. 1]. Краснодарский край по числу и разнообразию курортных лечебных факторов являлся крупнейшим курортным краем в Советском Союзе.

Не считая Сочи-Мацесты, в крае функционировало 40 санаториев разнообразного профиля на 6170 коек и две крупные курортные поликлиники для курсового лечения на 1000 человек единовременно [3, л. 55–56]. Кроме того, в крае функционировал 41 Дом отдыха на 7140 коек [3, л. 55–56]. Всего в санаториях и Домах отдыха края (без Сочи-Мацесты) в 1953 г. побывало свыше 160 000 человек. Кроме того, неорганизованно краевые курорты посетило до 200 000 человек, из коих Анапу – до 75 000 человек, Геленджик – до 30 000 человек, Адлер – до 25 000 человек, Лазаревскую – до 30 000 человек и т.д. Свыше 96% всех курортников прибывало из-за пределов края. Из общего числа санаториев системы крайздравотдела имелось:

- детских костнотуберкулезных – 4 на 530 коек;
- детских бальнеологических – 2 на 125 коек;
- кожно-туберкулезных детских-взрослых – 1 на 200 коек;
- для закрытых форм легочного туберкулеза – 1 на 200 коек;
- бальнеологических, серно-грязевых – 2 на 425 коек.

Итого: 10 на 1530 коек [3, л. 55-56].

В Ставропольском крае за первое послевоенные пять лет было построено и восстановлено 15 санаториев на 2 000 коек. В 1950 г. в крае имелось 92 санатория на 15 650 коек (против 69 санаториев на 10 937 коек в 1946 г.). Число лечившихся в течение года на курортах достигло 207 тыс чел. Сравнительно быстрое возрождение курортов стало возможным благодаря помощи правительства, которое в апреле 1949 г. приняло эффективные меры по восстановлению курортов Кавминводской группы. Только за два последующих года на развитие курортов было израсходовано более 224 млн руб. [3, л. 55-56].

жую капусту, картофель [3, л. 55-56]. Кроме санаторных здравниц, дефицит продуктов ощутили и другие медицинские учреждения, детские дома и др.

В соответствии с постановлением Союзсовнаркома от 27.10.1945 г. и приказом Союзнаркомторга от 12 ноября 1945 г. за № 415 «Об улучшении снабжения детских и родовспомогательных учреждений» продовольственные фонды для детских учреждений должны были выделяться специальным назначением, исходя из наличия контингента, норм снабжения и потребности в продовольственных товарах в ассортименте. Однако же, для снабжения детей Краснодарского края на 1 квартал 1946 г. фонды были выделены не полностью, что, несомненно, отразилось на снабжении указанных контингентов [35, л. 50] (таблица 4).

Таблица 4. *Фонды основных продуктов*

Продукты	**Потребность на 1 квартал**	**Выделено**	**Недодано**	**Излишек**
Мясопродукты	73,361 т.	67,9	5,461	–
Рыбопродукты	16,528	12,8	3,728	–
Масло животное	29,774	23,6	6,174	–
Масло растительное	4,934	9,1	–	4,166
Сахар	55,386	45,1	10,286	–
Кондитерские изделия	9,411	8,0	1,411	–
Молокопродукты	1141,524	800	341,524	–
Яиц	769 яиц	515	254	–
Кофе	5,185	–	5,185	–
Мука картофельная, пшеничная	30,864	Карт. – нет	–	–
Какао	5,185	Не выдано	–	–

Анализируя данные таблицы, можно отметить следующее: на 1 квартал 1946 г. ощущался острый дефицит мяса и рыбопродуктов, животного масла, сахара, кондитерских изделий, молокопродуктов,

яиц, кофе, картофельной и пшеничной муки. Только растительного масла наблюдался излишек (почти в два раза).

Положение усугублялось спекуляцией хлебом, имеющей место на рынках населенных пунктов края. Положение в Краснодаре характеризовалось следующими фактами. На каждом из 6 рынков одновременно торговало с рук хлебом 30–50, а иногда и более человек. Цены на хлеб колебались в следующих пределах: белый хлеб (целый в 2,5 кг) – 50–55 руб., что составляло стоимость одного килограмма 20–22 рубля; темный (весом в 3 кг) – 30–40 руб. или 10–13 руб. за кг. Цены изменялись в зависимости от спроса и предложений. Хлеб продавали и пайковый, и коммерческий. Коммерческий, главным образом в булочных изделиях, как правило по завышенным ценам.

Продажей хлеба обычно занимались рабочие и служащие, продававшие полностью или частично свой паек, работники хлебных магазинов – за счет возможности экономии норм естественной убыли создававшей остаток от реализации хлеба, который шел потом на рынок; жулики, пробравшиеся в хлебную промышленность и ведающие отпуском хлеба из пекарен, а также связанные с транспортировкой хлеба в магазины (экспедиторы, возчики) – воровали и продавали и перекупщики, специально занимавшиеся спекуляцией.

Проведя некоторые расчеты, можно утверждать следующее. Если магазин продавал в день 4 т, хлеба, то продавцу положена норма естественной убыли 0,4% или 12 кг. Ежедневно в городе расходовалось для снабжения населения 95 т хлеба. Если взять норму убыли 0,3% (для смешанных магазинов), то с 95 т она составит 285 кг, а в месяц 8 550 кг. Если продавцы сэкономят 25% от естественной убыли, то остается от реализации за месяц 2137 кг. Из документа видно, что в первые послевоенные годы советское правительство занималось социальной политикой выделяя средства на оказание помощи инвалидам, сиротам, а так же на восстановление санаторно-медицинских учреждений, как в Кавказских Минеральных Водах,

так и Черноморском побережье. В тоже время анализ архивов показывает, что руководством страны и местными органами власти допускались серьезные ошибки и просчеты которые вызывали социальную напряженность, как в городе так и на селе.

Делая вывод, необходимо констатировать следующее.

1. Особенностью социальной политики Советского государства в годы восстановления народного хозяйства в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области является то, что эти регионы стали местом массового пребывания инвалидов Великой Отечественной войны. Органы власти на местах стремились переквалифицировать, обучить и обустроить участников войны, вовлечь их в активную трудовую деятельность. Значительная часть инвалидов были направлена на подъем сельского хозяйства. Однако намеченная программа социальной реабилитации полностью не была реализована в силу скудности как федерального, так и местных бюджетов.

2. Краснодарский край и Кавказские минеральные воды Ставрополья стали Всесоюзными здравницами для инвалидов и участников Великой Отечественной войны. Разрушенные в период оккупации, Кавказские минеральные воды требовали значительных капиталовложений на восстановление. Принятие Советским правительством решений по развитию Мацесты и Кавказских минеральных вод способствовало тому, что эти курорты были не только восстановлены, но и технически перевооружены.

3. Влияние модернизационных процессов на развитие сельскохозяйственного производства и социальной жизни на селе в послевоенный период проявилось в стремлении центральных и местных органов власти восстановить сельскохозяйственное производство на основе развития электрификации, технического оснащения работников в полеводстве и животноводстве, а также была предпринята попытка осуществить разделение функциональных ролей в общественном производстве.

4. В послевоенный период на Кубани, Ставрополье и Ростовской области местные органы власти вели большую работу по социализации беспризорных детей и подростков. С этой целью открывались новые детские дома, школьные площадки. Испытывая значительные материальные трудности, нехватку продовольствия, детские дома появлялись в сельской

5. В партийно-государственных документах послевоенных лет нами не обнаружена целостная постановка социальной политики. Вопросы улучшения жизни, быта сельских тружеников ставились центральными и местными органами власти, но решались они медленно и противоречиво. В этот период у Советского государства не было средств на реализацию поставленных задач, т.к. огромные средства расходовались на развитие военно-промышленного комплекса страны.

Примечания 1.2

1. ГАКК. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.

2. ГАКК. Ф. 1393. Оп. 3. Д. 27. Л. 2.

3. ГАКК. Ф. 1394. Оп. 1. Д. 152а. Л. 55–56.

4. ГАКК. Ф. 148. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

5. ГАКК. Ф. Р–1378. Оп. 2. Д. 20. Л. 63.

6. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 21. Л. 106.

7. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 21. Л. 107.

8. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 21. Л. 109.

9. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 21. Л. 110.

10. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 21. Л. 111.

11. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 21. Л. 112.

12. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 21. Л. 13.

13. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 21. Л. 114.

14. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 21. Л. 120.

15. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 21. Л. 121.

16. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 21. Л. 127.

17. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 48. Л. 4.

18. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 9. Д. 134. Л. 1.

19. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 9. Д. 134. Л. 112.

20. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 9. Д. 134. Л. 113.

21. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 9. Д. 134. Л. 2.

22. ГАСК. Ф. Р–3183. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

23. ГАСК. Ф. Р–3183. Оп. 1. Д. 14. Л. 40.

24. ГАСК. Ф. Р–3183. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

25. Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях: материалы к Летописи / И.Ю. Бондарь. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 800 с.: 102 ил.

26. Жинкин, А. Кубань: история, экономика, культура / А. Жинкин, О. Паламарчук. – Краснодар: Периодика Кубани, 2001. – 463 с.

27. История России. XX век: учеб. пособие для вузов. Т. 3 / А.Н. Боханов, М.М. Горинов, В.П. Дмитренко – М.: Аст, 1996. – 608 с.

28. Калинина, Е.В. Возрождение экономического потенциала Ставрополья (1945–1950 гг.) / Е.В. Калинина // Из истории земли Ставропольской: сб. ст. Вып. 2. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1996. – С. 8–14.

29. Край наш Ставрополье: очерки истории / науч. ред. Д.В. Кочура, В.П. Невская. – Ставрополь: Штат-гора, 1999. – 525 с.

30. Краснодарскому краю 65 лет: страницы истории в документах архивного фонда Кубани: историко-документальный альбом /

Управление по делам архивов Краснодарского края. – Краснодар: Кн. изд-во, 2002. – 379 с.

31. Наш край. Из истории советского Дона. Документы октябрь 1917–1965 / ред. кол. А.Г. Беспалова др. – Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1968. – 622 с.: ил. – (Гос. архив Ростовской области).

32. Новейшая история отечества. XX век. Т. 2 / Под ред. А.Ф. Киселёва, Э.М. Щагина. – М.: Владос, 1998. – 448 с.

33. Пыжиков, А.В. Советское и послевоенное общество и предпосылки хрущёвских реформ / А.В. Пыжиков // Вопросы истории. – 2002. – № 2. – С. 33–34.

34. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. за 50 лет: в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1968. – 751 с.

35. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 363. Л. 50.

36. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 3. Д. 363. Л. 59–62.

37. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 2. Д.1840. Л. 201, 210, 212 об.

38. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 2. Д. 1948. Л. 37–55.

39. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 2. Д. 1948. Л. 84.

40. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 2. Д. 1948. Л. 85, 88, 89.

41. ЦДНИКК. Ф. 1774–А. Оп. 3. Д. 364. Л. 18.

42. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–2.

43. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–4.

44. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 2. Д. 11. Л. 3–4.

45. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 53. Д. 7. Л. 1–2.

46. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 53. Д. 7. Л. 16.

47. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 53. Д. 7. Л. 18.

Глава 2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В РАЗВИТИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКИХ ТРУЖЕНИКОВ 1955–1965 гг.

2.1. Влияние организационных изменений в сельскохозяйственном производстве на социальную жизнь крестьянства

Вместе с восстановлением материально-производственной базы колхозов и совхозов, обеспечением их рабочими кадрами в послевоенные годы решались большие и сложные задачи организационного плана, в числе которых укрепление колхозного строя.

Важнейшей задачей была модернизация сельскохозяйственного производства, всей его жизни в соответствии с задачами мирного времени. Модернизация охватывала широкий комплекс вопросов, важнейшими из которых были изменение форм и методов руководства колхозами, а также повышение уровня благосостояния тружеников деревни. В условиях мирного развития страны отпала необходимость в тех чрезвычайных мерах, которые были введены в сфере труда в военные годы. Полное и наиболее эффективное использование рабочей силы все больше связывалось с дальнейшим совершенствованием организации и оплаты труда колхозников, повышением их материальной заинтересованности. Перед советским руководством стояла задача добиться такой организации колхозного производства, которая создавала бы условия для развертывания творческой активности крестьянства, обеспечивала максимальную эффективность его труда. В первую очередь, это было продиктовано тяжелейшими последствиями войны и поиском быстрого обеспечения сырьем перерабатывающей промышленности и продовольствием – жителей сел и городов.

В конце 40-х годов можно проследить возникшую еще в довоенный период борьбу двух линий развития хозяйственного механиз-

ма: линию на жесткую централизацию, всеобъемлющий контроль и приказные методы и линию на определенное расширение хозяйственной самостоятельности низовых звеньев производства и хозрасчета [4, с. 174]. Возрождались идеи совершенствования хозяйственного механизма, высказанные перед самой войной и нашедшие отражение в решениях XVIII партийной конференции. По-прежнему главными проблемами улучшения хозяйственного руководства являлись проблемы сочетания централизма и демократизма в управлении, приоритетов экономических и административных рычагов. «Послевоенная перестройка народного хозяйства, – говорил Н.А. Вознесенский,– требует укрепления роли экономических рычагов в организации производства и распределения, какими являются цена, деньги, кредит, прибыль, премия» [1, с. 465]. Предполагалось постепенно расширять сферу действия хозрасчетных отношений, усиливать хозяйственную самостоятельность предприятий.

Система управления сельским хозяйством в послевоенные годы, так же как и до войны, была многоступенчатой и строилась по территориально-производственному принципу. Предприятие (колхоз, совхоз), районный отдел сельского хозяйства, областное управление сельского хозяйства, Министерство сельского хозяйства республики, общесоюзное Министерство сельского хозяйства. Основой сельскохозяйственного производства продолжали быть колхозы и совхозы.

Наиболее важные вопросы развития колхозного строительства по предложениям Министерства сельского хозяйства, республиканских и областных партийных и советских организаций в первые послевоенные годы обсуждались в Сельскохозяйственном отделе ЦК ВКП (б), в бюро Совета Министров СССР по сельскому хозяйству.

Характеристика основных форм организации труда, существовавших в колхозах в 50-е гг., была бы неполной без анализа трансформации звеньевой системы. Уже в начале пятой пятилетки звенья

заняли подчиненное от бригады положение. Они существовали лишь внутри бригад в период полевых работ и не всегда сохранялись до конца уборки. При этом на звенья делились далеко не все бригады, а лишь наиболее многочисленные, главным образом, в районах Краснодарского, Ставропольского краев, а также в Ростовской области. Это было вызвано тем, что в звеньевой системе труда преобладал ручной труд, необходимый при возделывании трудоёмких пропашных и технических культур, с высоким удельным весом ручного труда (хлопок, виноград, чай и т.д.). Закрепление отдельных участков за небольшими звеньями обеспечивало более качественное выполнение работ в установленные сроки. Так, в 1956 г. средний состав полеводческой бригады на Северном Кавказе составлял 20 человек.

Если промышленность не только восстановила довоенный потенциал, но и увеличила его, то сельское хозяйство к началу 50-х годов только вышло на показатели 1940 года. С каждым годом все более ощутимым становился разрыв в уровне развития этих двух основополагающих отраслей экономики, как для народного хозяйства, так и для населения страны. По объективным причинам труднее было восстановить сельское хозяйство, чем промышленность. Возместить урон, нанесенный материально-технической базе отрасли, а главное, восстановить трудовой потенциал села было делом не одного года [4, с. 184]. Поскольку же аналогичные проблемы стояли и перед промышленностью, приходилось выбирать очередность решения поставленных задач. Геополитическая ситуация в мире сложилась таким образом, что руководством страны приоритет был отдан промышленности, развитие которой обеспечивало ее безопасность. Но абсолютный характер этого приоритета приводил к тому, что восстановление и развитие промышленности в первые послевоенные годы во многом шло «за счет» сельского хозяйства: «за счет» перераспределения капитальных вложений в пользу промышленности, «за счет» привлечения трудовых ресурсов села на работу в город, «за счет» более жесткой регламентации порядка заготовок и закупок

сельхозпродукции, «за счет» известного ущемления материального интереса колхозника [4, с. 184].

Многие из этих мер были чрезвычайными, продиктованными объективными трудностями, а, следовательно, до определенного времени оправданными. Но не все причины отставания сельского хозяйства были действительно объективными. «Трудности в сельском хозяйстве,– считал, например А. Г. Зверев, – в значительной степени объяснялись серьезными упущениями в руководстве им, нарушением материальной заинтересованности колхозов и колхозников в результатах своего труда» [5, с. 243]. В сельском хозяйстве гораздо дольше, чем в промышленности, действовали чрезвычайные меры военных лет по укреплению трудовой дисциплины, в том числе и меры, ограничивающие свободу передвижения колхозника. Эти меры репрессивного характера заставляли колхозников больше работать в общественном хозяйстве.

«Атака» на устаревшие методы управления в сельском хозяйстве была предпринята на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС. В соответствии с решениями Пленума были предусмотрены меры по увеличению доходности хозяйств и укреплению материальной заинтересованности колхозников. Был введен погектарный принцип обязательных поставок сельхозпродукции, исключающий установление повышенных заданий хорошо работающим хозяйствам. Повысились заготовительные и закупочные цены на продукцию, сдаваемую государству. В целях укрепления квалифицированными кадрами колхозного руководства было принято решение о сокращении управленческого аппарата сельскохозяйственных органов и направлении высвобождающегося персонала для работы непосредственно в хозяйства [6, с. 345].

В комплексе мер по организационно-хозяйственному укреплению колхозов было их массовое укрупнение (слияние), начатое еще в 1950 г., а со второй половины 50-х годов начался новый этап ук-

рупнения колхозов. Ежегодно ликвидировалось примерно 10 тысяч уже укрупненных ранее колхозов. В 1963 г. их оставалось 39 тысяч против 91 тысяч в 1953 г. [11, с. 479].

Объединение мелких сельскохозяйственных артелей с более крупными было процессом сложным и неоднозначным в истории советского крестьянства. Положительными моментами данного слияния были концентрация производства, сокращение руководящего аппарата, увеличение посевов и более эффективное использование сельскохозяйственной техники. К негативным явлениям следует отнести тот факт, что после объединения остро встал вопрос о строительстве крупных центральных усадеб, а подавляющее количество сел и деревень оказались «неперспективными». Их жители лишались всякой возможности стать полноправными коллективами, а рабочие места большинства из них теперь оказывались разбросанными, как правило, по всему массиву укрупненного колхоза или совхоза, концентрируясь, естественно, на центральных усадьбах. Проблемы дорог и транспорта также обострились до предела. При этом укрупнялись колхозы, не нуждавшиеся в укрупнении, нарушалось требование постановления ЦК ВКП (б) о том, что необходимо укрупнять хозяйства, которые по размерам закреплённых за ними земель не могут успешно развивать общественное хозяйство, допускалось администрирование. Нередко экономически сильные колхозы неохотно объединялись со слабыми хозяйствами. Трудности также были вызваны и тем, что объединение большинства хозяйств проходило до конца хозяйственного года, в связи с чем нелегко было решить вопрос с распределением доходов, иногда довольно разных по своей экономической силе колхозов.

Однако это был объективный модернизационный процесс. Нехватка средств не позволила реализовать хорошую идею должным образом. В целом за послевоенный период была проведена значительная работа по совершенствованию организации труда в колхозах. В сложных условиях 50-х гг. при ограниченных возможностях

колхозов происходило совершенствование организационных форм управления в сельском хозяйстве.

Проведение в жизнь мероприятий по перестройке системы управления народным хозяйством, уяснению глубины и характера предстоящих преобразований требовали определенной подготовительной работы. В целом в этот период проблема наращивания экономического потенциала решалась экстенсивным путем – вовлечением в оборот новых резервов. Таким резервом для сельского хозяйства стала целина.

На февральском–мартовском (1954 г.) Пленуме ЦК КПСС ставилась, как известно, задача расширения посевов зерновых за счет освоения целинных и залежных земель на 13 млн га. Но уже в 1956 г. ЦК КПСС принял решение довести посевы зерновых на новых землях не менее чем до 28–30 млн га. Обосновывая это решение, Н. С. Хрущев подчеркивал, что освоение целинных и залежных земель является «наиболее доступным и быстрым источником увеличения производства зерна» [12, с. 431].

Политика укрепления сельскохозяйственных артелей привела к тому, что в сельской местности наблюдался убыток трудовых ресурсов, поэтому объявление об освоении целинных и залежных земель способствовало изъятию свободных рук. Молодые с энтузиазмом встретили новую кампанию советского правительства. Отправка трудовых резервов на освоение целинных и залежных земель Казахстана решила важную социальную проблему трудоустройства молодежи, а идеологизация этой акции вселяла в молодежь веру собственной причастности к важнейшему событию современности.

Первый поезд с кубанской молодежью, уезжавший на освоение целинных земель Алтайского края, отправился с Краснодарского вокзала 28 февраля 1954 г. Газеты запечатлели это событие так: «Перрон залит ярким светом прожекторов. Не умолкая, гремят оркестры. Несколько тысяч человек собралось на проводы молодежи. Звучат

веселые песни. У одного из вагонов Усть-Лабинцы организовали танцы. В 9 часов 45 минут поезд с первым отрядом комсомольцев и молодежи Кубани трогается в далекий путь» [7, с. 108].

Им предстояла долгая дорога в Барнаул, где кубанцев снабдили полушубками и валенками и отправили поездом дальше, в Рубцовск, откуда уже на тракторах доставили в «неприветливую алтайскую степь», к месту будущих целинных поселков. В это время в горкомах и райкомах комсомола края лежало уже свыше семи тысяч заявлений от добровольцев.

О вкладе молодежи Кубани в освоение целинных и залежных земель рассказывает протокол заседания бюро краснодарского крайкома ВЛКСМ. В документе говорится, что в 1954–1955 гг. по комсомольским путевкам направлено на целинные земли более 12 тыс юношей и девушек, в том числе 7 тыс механизаторов. За счет молодежи укомплектовано 8 новых совхозов. В 1955 г. на строительство железных дорог в районы освоения целинных земель направлен 1 521 человек. В 1956 г. комсомольские организации края послали в Алтайский край и Чкаловскую область 3 000 юношей и девушек для участия в уборке урожая [18, л. 21].

В 1954–1956 гг. на целинные земли по путевкам Ставропольского крайкома комсомола было направлено 8 тыс юношей и девушек, которые составили коллективы десяти новых совхозов Казахстана [10, с. 367].

Помимо активного участия в освоении новых земель Сибири и Казахстана, комсомольские организации края ввели на Кубани в сельхозоборот 51 105 га ранее не использованных земель [2, л. 93].

Не обеспеченный производственной, да и социальной, инфраструктурой марш-бросок на целинные земли отвлек в те годы значительные ресурсы от укрепления как зернового, так и сельского хозяйства в целом в других районах страны, в том числе и на Юге России. Это привело к росту общих потерь урожая зерновых до 30–40

млн в год. То есть в 1,5–2 раза больше того, что давали стране собственно целинные земли [3, с. 115].

Целина стала символом молодежи 1950-х гг., невзирая на все трудности и просчеты этой кампании. Она открыла эстафету комсомольских ударных строек. Только в 1956–1957 гг. по комсомольским путевкам (помимо целинников) на новостройки восточных районов страны из Краснодарского края было направлено 7 500 юношей и девушек.

Одним из моментов модернизации в сельскохозяйственном производстве в послевоенные годы стала реорганизация машинно-тракторных станций. Так, в отчете крайисполкома о ходе выполнения в Ставропольском крае постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинотракторных станций» от 18 апреля 1958 г. сообщалось: во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР решением бюро крайисполкома КПСС от 25 апреля 1958 г. в крае произведена реорганизация всех машинотракторных станций, 45 ремонтно-технических станций и 66 их отделений. При этом в каждом районе, за исключением г. Кисловодска, Каспийского района, г. Ставрополя, создано по 1 ремонтно-технической станции, а все остальные машинотракторные станции района превращены в их отделения.

В числе 66 отделений ремонтно-технических станций имелось по одному крупному колхозу, как, например, колхоз «Россия» и колхоз им. Карла Маркса Новоалександровского района, колхоз им. Ипатова и «2-я Пятилетка» Ипатовского района и др. Ставропольского края.

После реорганизации машинотракторных станций в Ставропольском крае были сохранены 8 МЖС, находящихся на отгонных пастбищах Черные земли и Манычское. МЖС также были значительно пополнены техникой и могли сами решить задачу заготовки

страхового запаса кормов для колхозов и совхозов на отгонных пастбищах.

Процесс реорганизации машинотракторных станций охватывал собою передачу и продажу их техники колхозам региона. Эта работа проводилась с марта 1958 г. и была закончена к 1 июня того же года. При этом до выхода в свет инструкции Министерства сельского хозяйства СССР и Министерства финансов СССР о порядке и условиях продажи техники из машинотракторных станций в колхозы прошла передача колхозам техники, которая до этого была закреплена за машинотракторными станциями на обслуживании того или иного колхоза.

В Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области колхозы приобретали тракторы, комбайны и сельскохозяйственные машины.

Так в Ставропольском крае по состоянию на 1 июня 1958 г. было продано техники на сумму 254487,3 тыс руб. При этом продавалась техника, как правило, бывшая в употреблении. Колхозы приобрели 6039 тракторов, 2799 комбайнов и свыше 80 тыс различных сельскохозяйственных машин [8, с. 292].

После реорганизации машинотракторных станций в некоторых колхозах Кубани и Ставрополья стали возникать принципиально новые формы организации труда и оплаты – коллективный бригадный подряд. Его появление было связано с поиском новых, более эффективных форм общественного труда. Однако, продавая технику машинотракторных станций колхозам, государство включало ее стоимость в состав капиталовложений в сельское хозяйство. В результате этих мероприятий многие колхозы превратились в должников. Еще до реорганизации было подсчитано, что даже при рассрочке платежей на 5–10 лет во многих хозяйствах оплата трудодней снизится на 7% [9, с. 311]. Постановление же от 18 апреля 1958 г. предусматривало получение денег в максимально сжатые сроки. В

итоге за 1958–1961 гг. задолженность колхозов государству выросла на 25%. Откачка средств из деревни усиливалась ростом цен на сельскохозяйственные машины, запчасти и ремонтные услуги в 2–2,5 раза. В 1965 г. село переплатило за промышленную продукцию 0,5 млрд руб.

Инерция командной системы отторгала все то, что было ей чуждо. Она не могла примириться с идеей самостоятельности колхозов и совхозов. Почти с самого начала стала тормозиться реализация принятого в 1955 г. постановления «Об изменении практики планирования сельского хозяйства». Лишь в 1962 г. Н.С. Хрущев снова осудил командование, шаблон в руководстве колхозами и совхозами. «Повторяю, – говорил он, – сельское хозяйство – сложная многогранная отрасль производства. Руководить ею без знания дела нельзя. Нужно дать решительный бой шаблону, оградить сельскохозяйственное производство от попыток навязывать единые рекомендации, без учета особенностей зоны, района и даже отдельного хозяйства» [12, с. 538, 539]. Реализация данной идеи была осуществлена не через предоставление хозяйственной самостоятельности колхозам и совхозам, а путем организации территориально-производственных управлений, отраслевых трестов, где бы был специальный штат инспекторов-организаторов по каждой отрасли производства, отвечающих за положение дел. Но и эта идея, как показала практика, была отторгнута. А отсутствие тесной связи центра с местами стало основанием для усиления взаимодействия органов управления непосредственно с производством [4, с. 200–201].

В связи с этим начинаются организационно-хозяйственные перестройки конца 50-х–начала 60-х гг., переход от отраслевой системы управления к территориальной (создание совнархозов), реорганизация органов управления сельским хозяйством, построение партийных и советских органов по производственному принципу. Н.С. Хрущев, выступая на ноябрьском Пленуме, говорил: «Мы достигнем этой цели, если еще более усовершенствуем формы и методы

партийного руководства народным хозяйством. Назрела необходимость организации и перестройки руководства партийного хозяйства со стороны партийной организации в центре и на местах».

На практике дело обстояло иначе. Зачастую партийные комитеты распыляли свои силы, брались то за одно, то за другое дело. Все это, по мнению Н.С. Хрущева, порождало «компанейский характер в партийном руководстве».

Предложенная ЦК новая организационная структура партийных органов, в основу которой положен производственный принцип, по мнению авторов, должна была дать возможность сосредоточить силы партийных организаций на решении главной задачи: более конкретно и планомерно, сознательно руководить всеми отраслями экономики [13, л. 17–18].

Применительно к сельской местности новое построение партийных органов означало, что комитеты, занятые в сельском производстве, в учреждениях и организациях, обслуживающих сельское хозяйство, а также на предприятиях, перерабатывающих сырье, будут объединены в одну партийную организацию. Осуществлять руководство этой партийной организацией должен был партийный комитет сельскохозяйственного производственного управления [14, л. 19–20].

Решение руководства страны было изучено и стало воплощаться партийными организациями на местах. Так, в протоколе первой конференции партийной организации Тимашевского производственного колхозно-совхозного управления говорилось: «В годы культа личности Сталина указания Ленина были забыты. На партийную, государственную, экономическую жизнь страны оказали вредное влияние субъективизм и произвол Сталина, сложившиеся при нем формально-бюрократические методы руководства» [15, л. 7]. Поэтому первая партийная конференция постановила следующее.

1. Единодушно одобрить и принять к неуклонному исполнению Постановления ноябрьского Пленума ЦК КПСС «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства в народном хозяйстве».

2. С целью подъема производительности труда в сельском хозяйстве шире применять ленинские принципы материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов, обязать производственные управления разработать рекомендации по дополнительной оплате труда на 1963 г. и добиться проведения в жизнь этих рекомендаций в каждом хозяйстве [16, л. 49–50].

В соответствии с решением ноябрьского пленума ЦК КПСС на территории Краснодарского края вместо 46 сельских районов было создано 22 производственных управления с центрами в одноименных городах и станицах [17, л. 21].

Это была очередная попытка усовершенствовать организационно-хозяйственный механизм без вкладывания значительных материальных средств.

Создание совнархозов имело как положительные, так и отрицательные стороны. Внутри экономических районов стали возможными кооперирование предприятий различных отраслей, координация развития отрасли, комплексное использование сырьевых ресурсов региона. Однако прошло 2–3 года, и постепенно становилось очевидным, что реорганизация системы управления народным хозяйством дала хотя и значительный, но кратковременный экономический эффект. Последнее объяснялось, главным образом, тем, что абсолютное господство совнархозов в управлении порождало местничество, затрудняло централизованное руководство хозяйством. Излишнее дробление системы управления нарушало экономические связи не только между регионами страны, но даже внутри крупных регионов. При этом «новая» система управления не была принципиально новой. Заменив отраслевой принцип управления территори-

альным, она ликвидировала недостатки, присущие преимущественно отраслевой системе управления, поставив на их место наряду с положительными сторонами, недостатки, характерные преимущественно для территориальной системы управления, в которой «терялась» отрасль [4, л. 201–202].

Делая выводы, необходимо отметить.

1. Анализ организационных изменений в аграрном секторе страны, проводимых государственными и партийными органами в конце 40-х–60-х гг. свидетельствует о том, что в стране сложилась командно-административная система управления экономикой, главной задачей которой стало изъятие всех средств и ресурсов страны и их централизованное перераспределение для достижения одной цели – выполнения плановых задач любой ценой.

2. Существующая система была адекватна «догоняющей модели» модернизации. Она обеспечила создание индустриальной и сельскохозяйственной базы, способствовавшей разгрому врага в годы Великой Отечественной войны, а в послевоенный период – восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства страны. Достигалось это за счет колоссальных жертв, резкого снижения жизненного уровня населения.

3. В послевоенный период перед партийным руководством страны и местными органами власти встали сложные организационные задачи сельскохозяйственного производства. Поиск новых форм был направлен на создание благоприятных условий для развертывания творческой активности крестьянства, способствовавшей максимальной эффективности его труда и, как следствие, дальнейшему повышению благосостояния. Советская власть стремилась проводить меры по увеличению доходности хозяйств, материальной заинтересованности колхозников, были повышены заготовительные и закупочные цены на сельскохозяйственные продукты, сдаваемые государству, сокращен управленческий аппарат и т.д.

4. Анализ документов показывает, что реализация мероприятий по укреплению колхозов, реорганизации машинотракторных станций, организационно-хозяйственные изменения, укрепление финансовой дисциплины и т.д. не позволили значительно повысить благосостояние колхозников. Более того, руководство страны, как и в довоенные годы, отдавало преимущество в развитии производству средств производства в ущерб продовольственной безопасности страны.

Примечание 2.1

1. Вознесенский, Н. Избранные произведения (1931–1947 гг.) / Н. Вознесенский. – М.: Политиздат, 1979. – 613 с.

2. ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 4. Д. 580. Л. 93.

3. XX съезд КПСС и его исторические реальности / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. В.В. Журавлева. – М.: Политиздат, 1991. – 416 с.

4. Исторический опыт и перестройка: человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; отв. ред. Ю.С. Борисов. – М.: Мысль, 1989. – 303 с.

5. Зверев, А.Г. Записки министра / А.Г. Зверев. – М.: Политиздат, 1973. – 270 с.: ил.

6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1946–1955 гг.). Т. 8 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; общ. ред. А.Г. Егоров, К.М. Боголюбов. – М.: Политиздат, 1985. – 542 с.

7. Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани: историко-документальный альбом / сост.: А.А. Алексеева, А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. – Краснодар, 2002. – 384 с.

8. Наш край : документы, материалы (1917–1977 гг.) / Парт. архив Ставропольского обкома КПСС; Гос. архив Ставропольского

края. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. – 406 с.: ил.

9. Новейшая история отечества. XX век: учебник для вузов: в 2 т. Т. 1 / ред.: Киселев А.Ф., Щагин Э.М. – М.: Владос, 1998. – 496 с.

10. Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. – Ставрополь: Владос, 1986. – 135 с.

11. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. / ЦСУ СССР. – М.: Госстатиздат, 1960. – 903 с.

12. Хрущев, Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 8: май 1963 года – март 1964 года / Н.С. Хрущев. – М.: Политиздат, 1964. – 560 с.

13. ЦДНИКК. Ф. 5523. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–18.

14. ЦДНИКК. Ф. 5523. Оп. 1. Д. 2. Л. 19–20.

15. ЦДНИКК. Ф. 5535. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

16. ЦДНИКК. Ф. 5535. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–50.

17. ЦДНИКК. Ф. 5523. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

18. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 3. Д. 399. Л. 21.

2.2. Реформирования оплаты труда и пенсионного обслуживания на селе

В первые послевоенные годы политика партии и правительства в области распределительных отношений в аграрной сфере имела большое социально-политическое и экономическое значение во всей жизнедеятельности сельских тружеников. При недостатке рабочей силы и ограниченных возможностях оплаты вопросы организации и стимулирования труда приобрели особую важность.

ЦК ВКП (б) и советское руководство ориентировали сельскохозяйственные органы, местные партийные и советские организации на применение более совершенных форм организации и оплаты труда, использование опыта передовых колхозов. В Государственном

пятилетнем плане на 1946–1950 гг. предусматривалось не только натуральная, но и денежная оплата трудодня колхозников [34, с. 285].

Однако тяжелое экономическое положение колхозов и совхозов во многих районах страны, последствия засухи 1946 г. не позволили обеспечить колхозников хлебом и другими продуктами в требуемом объеме. В целом по России колхозникам для распределения по трудодням в 1946 г. было выделено менее 20 млн т, зерна, в то время как в 1940 г. на эти цели было израсходовано 91,6 млн т. (таблица 5).

Приведенные данные показывают, что объемы картофеля, зерна и денег, выданные за трудодни в 1940 г. не были достигнуты даже в 1950 г. Это было вызвано тем, что даже после войны обязательные государственные поставки колхозов были непомерно высоки, что не могло не отражаться на доходах колхозников, их социально-экономическом положении.

Таблица 5. *Денежные доходы колхозов и размеры оплаты труда колхозников в 1940, 1946 – 1950 гг. (по РСФСР) [1, с. 42]*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Общая сумма денежных доходов колхозов, млн руб.	10333,3	9753,0	12116,3	10389,1	10765,0	10959,0
Определено к выдаче по трудодням колхозникам картофеля, тыс ц	58031,8	15517,3	22163,5	43964,9	24673,8	17296,2
Определено к выдаче по трудодням колхозникам зерна, тыс ц	91638,6	19781,9	44256,7	39120,8	43233,5	57233,5
Определено к выдаче по трудодням колхозникам денег, млн руб.	3647,1	2492,2	3119,1	2699,8	2491,4	2574,1

Одновременно с нововведениями в системе оплаты труда, его стимулирования происходили изменения в организации труда.

Уже в пятилетнем плане на 1946–1950 гг. была поставлена задача «укрепить в колхозах бригады и звенья, применяя индивидуальную и групповую сдельщину; широко проводить дополнительную оплату труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур, выращивание поголовья скота и поднятие его продуктивности» [34, с. 278].

Эта задача конкретизировалась в годовых народнохозяйственных планах. «Укрепить состав бригад и звеньев и обеспечить организацию всех полевых работ, как правило, на основе индивидуальной и мелкогрупповой сдельщины» подчеркивалось в государственном плане развития народного хозяйства на 1946 г. [34, с. 278].

Местные партийные и государственные организации, сельскохозяйственные органы вели работу по совершенствованию организации и оплаты труда, выявлению некоторые эффектных форм его стимулирования. Так в 1946 г. в колхозе «Красный Аксай» Курганинского района Краснодарского края оплата труда в полеводстве началась по конечным результатам, т.е. с центнера фактической урожайности. Этот пример был поддержан и некоторыми другими колхозами [18, с. 92]. Однако фонды оплаты в колхозах в первые послевоенные годы продолжали формироваться по остаточному принципу, т. е. их размер зависел от остатка продукции после расчетов колхоза с государством по всем видам обязательных поставок и за работы МТС. Поэтому уровень оплаты труда в разных колхозах не был одинаковым, т. к. в конечном итоге он зависел и от величины собранного урожая, и от обеспеченности каждого хозяйства средствами производства, трудовыми ресурсами, от себестоимости полученной продукции и т.п. В экономически слабых, отсталых колхозах крестьяне, хотя и вырабатывали больше трудодней, получали за них гораздо меньше продуктов и денег, чем в других, более богатых колхозах [1, с. 92].

Таким образом, несмотря на предпринятые меры, продолжала остро стоять проблема совершенствования стимулирования труда в сельском хозяйстве. Состоявшийся в феврале (1947 г.) Пленум ЦК ВКП (б) осудил факты уравнительного распределения трудодней в колхозах и другие нарушения принципа распределения по труду, наметил ряд организационных мер в области упорядочения оплаты труда занятых в сельскохозяйственном производстве, поставил распределение доходов в колхозах в зависимость от урожая, собранного бригадой, звеньями. В целях создания заинтересованности у специалистов и привлечения их в колхозно-совхозное производство было принято решение, согласно которому специалисты, занятые непосредственно в хозяйствах, должны были получать заработную плату на 25% выше, чем кадры аппарата управления [22, с. 98–145]. Возникла необходимость и в дифференциации трудодня, что было сделано в 1948 г. специальным постановлением Совета Министров СССР. Если раньше (по постановлению Наркомзема 1933 г.) нормирование труда колхозников проводилось по 7 группам работ, то теперь их количество увеличилось до 9. Соотношение между крайними (высшими и низшими) группами работ определялось в 1948 г. как 5:1 вместо 4:1, как это зафиксировала система 1933 г. [24, с. 37–38]. Одновременно более широко стал применяться принцип дополнительной оплаты труда колхозников в зависимости от перевыполнения планов увеличения урожайности в растениеводстве и продуктивности – в животноводстве. В 1945 г. дополнительную оплату применяли 44% колхозов, в 1947 г. – 49,1% [37, с. 165].

Вместе с тем система нормирования труда в сельском хозяйстве, так же как и в промышленности, еще не соответствовала научным принципам её организации, а создавалась, в основном, опытным путем. Её слабым местом была недостаточно четкая связь между затратами труда и его результатами, между результатами труда и его оплатой [21, с. 180].

В соответствии с решениями Пленума ЦК ВКП (б) Министерство сельского хозяйства СССР, Совет по делам колхозов, местные партийные и советские организации в 1947–1948 гг. провели работу по обобщению и распространению опыта организации и оплаты труда в передовых хозяйствах страны. Так, например, в Краснодарском крае по поручению Совета по делам колхозов, в восьми свекловодческих колхозах Гулькевического района в 1947 г. ввели следующую оплату труда: натуральная оплата трудодня, денежные премии и другие виды материального поощрения колхозников выдавались в зависимости от количества выращенной и сданной государству свеклы [18, с. 92].

Для подготовки предложений по организации и оплате труда в колхозах Совет по делам колхозов создал специальную комиссию во главе с министром сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктовым. Результатом её деятельности стало Постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» [34, с. 469]. В постановлении подтверждались, развивались, конкретизировались основные принципы организации и оплаты труда, записанные в Уставе сельскохозяйственной артели. Центральной идеей постановления была материальная заинтересованность каждого колхозника и руководителя колхозного производства в повышении продуктивности сельского хозяйства. С этой целью колхозам рекомендовалось распределять доходы по бригадам и звеньям с учетом собранного урожая, при перевыполнении установленного плана – начислять дополнительно за каждый процент перевыполнения 1% трудодней от их общего количества, затраченного на эту культуру. При невыполнении плана сбора урожая с бригады или звена списывался 1% трудодней за каждый процент недовыполнения плана, но не более 25% трудодней, затраченных на эту культуру. Оплату колхозников, занятых в животноводстве, также рекомендовалось проводить в зависимости от продуктивно-

сти скота. Например, доярке-скотнице за каждые 100 л., молока, надоенного от закрепленной за ней группы коров в пастбищный период, начислять 1,2–1,8 трудодней, в столовый период – 2,2–3,2 трудодня. Начисление трудодней работникам свиноферм ставилось в зависимость от сохранения молодняка, прироста живого веса откормочных свиней и т.д. Труд колхозников, занятых выращиванием овощных и пропашных культур, планировалось оплачивать за каждый центнер собранного урожая по расценкам в трудоднях.

Начисление трудодней председателям колхозов, бригадирам, заведующим фермами и другим руководителям колхозного производства, рекомендовалось производить в зависимости от размеров посевных площадей, поголовья скота в колхозе, бригаде и на ферме с учетом стажа работы. За перевыполнение колхозом плана сбора урожая сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства начислялись дополнительные трудодни, при невыполнении плана сбора урожая – соответственно списывались трудодни, но не более 25%, начисленных им за год к основной оплате. Бригадиры, заведующие фермами и все другие лица административного и обслуживающего персонала колхоза, кроме председателя, счетовода и специалистов сельского хозяйства, обязывались принимать непосредственное участие в колхозных работах (на полях, фермах) и вырабатывать не менее 25% минимума трудодней, установленного для колхозников [34, с. 482–488].

Этим же постановлением были утверждены примерные нормы выработки в колхозах, разработанные Советом по делам колхозов и Министерством сельского хозяйства СССР. В основу этих норм была положена выработка колхозниками по отдельным видам работ. С этой целью специалисты земельных органов выявили и проанализировали 50 тыс рабочих дней передовых колхозников на всех наиболее важных работах.

Постановлением были одобрены новые нормы выработки и расценки в трудоднях. На основных сельскохозяйственных работах предусматривалось повышение норм выработки, устанавливались более высокие расценки основных полевых работ и понижение расценок на второстепенных работах. Уже в 1948 г. в 8,9% колхозов были пересмотрены устаревшие нормы выработки и сдельные расценки работ [3, с. 86]. Все это способствовало повышению сельскохозяйственного производства.

Постановление Совета Министров «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» – важное событие в жизни послевоенной колхозной деревни. К сожалению, при осуществлении этого постановления был допущен целый ряд ошибок. Так, например местные сельскохозяйственный органы требовали производить дополнительное начисление и списание трудодней во всех колхозах без учета их особенностей и возможностей, хотя постановление СНК СССР от 19 апреля 1948 г. предусматривало дифференцированный подход. В экономически слабых, мелких колхозах перевыполнить план урожайности, продуктивности животноводства было очень трудно. Они чаще всего не выполнялись, а в связи с этим в соответствии с §19 постановления Совета Министров от 19 апреля 1948 г. необходимо было списывать трудодни. Также эффективность начисления или списания трудодней в экономически слабых колхозах была связана и с тем, что трудодни в таких хозяйствах мало оплачивались и некоторые увеличения или уменьшения их мало сказывались на доходах. Но, несмотря на некоторые недостатки, это был шаг вперед в организации и оплате труда, в повышении материальной заинтересованности колхозников [34, с. 474].

Особенно широкое распространение к концу четвертой пятилетки получила натуральная дополнительная оплата за перевыполнение плана урожайности и продуктивности животноводства, установленная в предвоенные годы. Такую форму стимулирования в

Краснодарском крае применяли 85% колхозов, в Ставропольском – 88%. Так как в этих краях колхозы были, как правило, экономически сильнее, чем в других регионах страны. Для сравнения в Псковской области такую дополнительную оплату использовали только 23,2% колхозов. Возможности экономически слабых колхозов тех лет для эффективного использования форм материального стимулирования были ограничены [23, с. 42].

В июне 1950 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) в постановлении «О проведении уборки урожая и заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1950 г.» рекомендовали за работу сверх нормы на уборке сена и силосовании производить начисление трудодней колхозникам в двойном размере. Дополнительное начисление или списание трудодней повышали материальную заинтересованность колхозников в развитии общественного хозяйства, увеличивали производительность труда.

Размер дополнительной оплаты в некоторых колхозах был довольно весомый [28, с. 119]. Эта форма стимулирования занимала довольно большой удельный вес в заработках колхозников. Так, например, в колхозе «Украина» Егорлыкского района Ростовской области в 1948 г. дополнительная оплата составила более 10% общего фонда распределения [25, с. 52].

В некоторых колхозах, кроме дополнительного начисления трудодней и натуральной оплаты, применялись и другие формы материального стимулирования в зависимости от характера работ, специализации хозяйства. Но в те годы они не могли создать во всех колхозах достаточной материальной заинтересованности трудящихся.

Для совершенствования системы оплаты труда имели значение меры по сокращению расходования трудодней на оплату лиц и работ, не связанных с колхозным производством и занятых в управленческом аппарате колхозов. В постановлении СНК СССР и ЦК

ВКП (б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» осуждались факты растраты трудодней, получившие широкое распространение в годы войны и в первые послевоенные годы. «Эти факты растраты трудодней приводят к их обесцениванию, к уменьшению доходов, подлежащих распределению на трудодень, а, следовательно, к уменьшению заинтересованности колхозников в колхозном труде», – указывалось в постановлении [34, с. 336]. СНК СССР предложил снять с оплаты лиц, не имеющих отношение к колхозному производству. Так уже к началу 1947 г. было выявлено и снято с оплаты более 182 тыс работников, не состоявших членами колхозов [34, с. 337]. В сентябре 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление «О сокращении штата административного и обслуживающего персонала в колхозах и об упорядочении расходования трудодней на их оплату», в котором рекомендовалось в месячный срок сократить излишние управленческие должности и установить их в зависимости от размера и сложности хозяйства. Колхозам, имеющим годовую выработку более 100 тыс трудодней, рекомендовалось в месячный срок сократить все излишние управленческие должности и установить их в зависимости от размера и сложности хозяйства. Колхозам, имеющим годовую выработку более 100 тыс трудодней, рекомендовалось расходовать на эти цели не более 3% трудодней, а от 75 до 100 тыс трудодней – 4% и т.д. [38, с. 337]. Предлагалось шире практиковать совмещение должностей административно - обслуживающего персонала, привлекать их к непосредственному участию в колхозном производстве. Административно-обслуживающий персонал был сокращен на 60 тыс, что дало экономии 34 млн трудодней. Кроме того, увеличилось непосредственное участие работников в производстве. К концу пятилетки удельный вес расходов на оплату административно-обслуживающих работников сократился более чем вдвое – с 13,7% всех начисленных трудодней в 1945 г. (максимальный расход за

всю историю колхозов) до 6% к 1950 г. [23, с. 51]. Не способствовало росту благосостояния колхозников и то, что значительная часть их трудодней оплачивалась за работы, не связанные с колхозным производством. Государственные и партийные органы при финансировании, восстановлении школ, больниц и других учреждений, необходимых для обслуживания сельского населения, стремились использовать для этих целей рабочую силу и средства колхозов.

Ограниченность сферы действия материальных стимулов в годы четвертой пятилетки была обусловлена рядом причин, главным образом недостатком материальных ресурсов, денежных накоплений, вследствие чего приходилось сознательно жестко фиксировать нормы их расходования путем установления различного рода «потолков», в том числе и по заработной плате. На протяжении длительного периода времени вклад каждого колхозника в общественный труд, его не только количественную, но и качественную сторону, отражал трудодень. Такая мера, как правило, позволяла учесть вклад отдельного работника в производство и, в соответствии с этим, его долю в производственном продукте, однако денежная оплата была для колхозников предпочтительней, т.к. давала возможность активно участвовать в товарно-денежных отношениях.

Кроме оплаты по трудодням, для поощрения колхозников с предвоенных лет существовала и дополнительная оплата, исчислявшаяся от процента перевыполненного плана. Но в первые годы после войны она редко применялась на практике, главным образом, только в тех регионах, где колхозная экономика восстанавливалась быстрее. К таким регионам можно отнести Краснодарский и Ставропольские края [1, с. 43].

В сельском хозяйстве сложившаяся система оплаты труда при недостаточной обеспеченности трудодня и переносе расчета с кол-

хозниками на конец года приводила к тому, что члены большинства артелей не имели точного представления о размере своего конечного заработка. Нередки были случаи перехода колхозников на работу в совхоз – за «живой копейкой» [2, с. 131].

Председатель колхоза «Новый путь хлебороба» Пластуновского района Краснодарского края просил председателя комиссии по делам колхозов при Совете министров СССР по Краснодарскому краю т. Захарова оказать колхозу помощь в решении следующего вопроса. «В 1949 г. колхозники Стригунова Раиса и Гордиенко Е.В. самовольно ушли из колхозов Пластуновского района, не получив даже никаких документов и поступили на работу в совхоз «Волна революции» этого же района. Их примеру последовали еще 6 колхозников. Уходы продолжаются. Прокуратура бездействует» [5, л. 19].

Аналогичные вопросы обсуждались на собрании правления колхоза «Труженик» Вознесенского сельского совета Лабинского района Краснодарского края, к примеру, о самовольном уходе членов колхоза. «Самовольно ушли члены колхоза на работы в совхозы Лабинского района, те кто не вырабатывает минимум трудодней при колхозе. Они были привлечены к уголовной ответственности: 6 месяцев принудительных работ при колхозе «Труженик». Эти колхозники считают себя выбывшими из колхоза и проходят работы на других предприятиях». При этом районный суд и прокуратура действия этих колхозников считали обоснованными [6, л. 73–74].

Неудовлетворенность людей принятым порядком оплаты труда была особенно заметно в отстающих хозяйствах. «Настроение колхозников в отстающих хозяйствах (таких ещё много) очень скверное, – заключал свои наблюдения за колхозной жизнью 50-х годов писатель В. Овечкин. – Даром уже не хотят работать. Терпение лопается» [30, с. 239].

Так, снова на первый план выходит проблема совершенствования стимулирования труда колхозников. Она широко обсуждалась в печати тех лет. Журнал «Октябрь» открыл в 1957 г. специальную рубрику «Трибуна жизни», предоставив её специалистам и практикам, ученым и хозяйственным руководителям. В центре обсуждения были поставлены проблемы развития сельского хозяйства в целом и колхозов в частности. Что касается проблем стимулирования труда в колхозах, то большинство выступавших с «трибуны жизни» высказывались против излишней «натурализации» трудодня. Были сторонники полной замены натуральной оплаты денежной. Руководители тех хозяйств, которые перешли частично или полностью на денежную форму расчетов с колхозниками и ежемесячное авансирование, утверждали: «Рубль двинул все вперед». Вместе с тем некоторые участники дискуссии справедливо видели в переходе от одной формы оплаты труда в колхозах к другой не только решение старых, но и рождение новых проблем [19, с. 20].

Поэтому, касаясь вопросов благосостояния советского народа, Н.С. Хрущев в Отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии подчеркивал, «что перед нами стоит важная политическая и хозяйственная задача, – навести надлежащий порядок в оплате труда. Необходимо настойчиво улучшать и совершенствовать формы заработной платы во всех отраслях хозяйства, поставить заработную плату в прямую зависимость от количества и качества труда каждого работника и полностью использовать мощный рычаг материальной заинтересованности для повышения производительности труда» [16, с. 75]. Однако XXII съезд КПСС в принятой третьей Программе партии дал более широкую формулу распределительной политики: «обеспечить в СССР самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма. Эта задача должна осуществляться путём повышения индивидуальной оплаты по количеству и качеству труда в сочетании со снижением розничных цен и отменой налогов с населения. А также путем расшире-

ния общественных фондов потребления»[17, с. 295–296]. И если первая установка в значительной мере получила свою реализацию, то вторая осталась лишь декларацией. В частности, такие её компоненты, как снижение розничных цен, отмена налогов так и не были задействованы, не говоря уже о достижении «самого высокого» жизненного уровня.

Сентябрьский Пленум ЦК (1953 г.) во многом переосмыслил пройденный колхозами и совхозами путь. На этом Пленуме впервые был поставлен вопрос о материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в развитии производства и увеличении его доходности как об одном из «коренных принципов социалистического хозяйствования». В период подготовки к Пленуму впервые в экономической политике партии было выдвинуто положение о возможности одновременного развития высокими темпами как тяжёлой индустрии, так и сельского хозяйства и легкой промышленности. Это стало основой значительного в последствии роста суммы и доли капиталовложений на нужды развития сельскохозяйственного производства и социальной инфраструктуры села. Эти увеличения способствовали выравниванию экономических условий развития разных отраслей сельскохозяйственного производства. Также государство перешло от обязательных поставок к закупкам продуктов, повысив заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты и снизив их на товары производственного назначения для деревни. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.) благодаря повышению цен на сельскохозяйственную продукцию, колхозы стали отчислять больше средств в неделимые фонды, на расширение производства и оплату труда, что создавало необходимые условия для роста заинтересованности в развитии сельского хозяйства, повышении трудовой активности крестьянства. Так, в 1964 г. почти в 40 раз по сравнению с 1952 г. были повышены цены на говядину, в 15 раз – на свинину, картофель, в 8–9 раз на пшеницу и подсолнечник, в 5 – на молоко, в 3,5 –

на яйцо и шерсть, на 1,2 – на хлопок-сырец, в 2,5 раза – на сахарную свеклу и табак [31, с. 467]. В 1953 г. хозяйства Ставропольского края получили более 96 млн руб. дополнительных доходов, а в 1955 г. их денежные доходы выросли по сравнению с 1953 г. на 22%. В конце пятилетки 128 колхозов имели доход от двух до пяти млн руб. и 84 колхоза – свыше 5 млн. (это 77% от общего числа колхозов) [15, с. 108]. На этой же основе стали активнее развиваться товарно-денежные отношения на селе. Все это привело к росту валовой и товарной продукции в земледелии и животноводстве, к росту доходов и повышению благосостояния колхозников. Средняя выработка трудодней в расчете на каждого трудоспособного работника колхоза стала стремительно расти и в 1959 г. уже более чем в 1,5 раза превосходила уровень 1946 г. Наряду с этим в 1962 г. были повышены розничные цены на сельскохозяйственные продукты (таблица 6).

Таблица 6. *Среднегодовая выработка трудодней одним трудоспособным работником колхоза в 1946–1959 гг.*

Регион	**Годы**								
	1946	**1949**	**1950**	**1952**	**1953**	**1954**	**1957**	**1958**	**1959**
Северный Кавказ	272	294	326	381	388	424	404	410	408

К середине 60-х гг. материальное стимулирование стало рассматриваться как один из важнейших факторов интенсификации сельскохозяйственного производства. С развитием техники и внедрением комплексной механизации в ряде видов работ все шире стали применяться коллективная аккордно-премиальная система оплаты труда. При коллективной системе оплаты труда заработок каждого работника ставился в непосредственную зависимость от ко-

личества и качества продукции, произведенной всем коллективом бригады или звена. Последнему устанавливался общий размер оплаты труда за продукцию. До окончательного расчета звено получало либо аванс в определенном размере, либо заработную плату за объём выполненных работ по сдельным расценкам [15, с. 108].

Совершенствование оплаты труда колхозников продолжалось и в дальнейшем. Так, например, в колхозе имени «Первого Мая» Целинского района, Ростовской области дополнительная оплата применялась до 1957 г. В последующие три года она перестала применяться. В 1961 г. правление колхоза совместно со специалистами, научными сотрудниками Северо-Кавказского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства (ВНИЭСХ) вновь разработало положение о дополнительной оплате труда колхозников, занятых в растениеводстве и животноводстве. При его составлении был учтен накопленный опыт, уровень, достигнутый в различных отраслях хозяйства, и другие условия сельскохозяйственного производства. Денежный доход колхоза – 635 тыс руб. в 1951 г. – поднялся в 1961 г. до 1025 тыс руб., то есть вырос в 1,6 раза [15, с. 192]. Положение о дополнительной оплате этого колхоза было рассмотрено, одобрено областными организациями и рекомендовано для других колхозов области. Реализация данных положений нашла отражение в таблице 7.

Как видно из таблицы, размер дополнительной оплаты установлен в процентах от полученной урожайности зерна и зелёной массы в центнерах с гектара. Чем выше бригада или звено получит урожайность кукурузы, тем больший процент от валового сбора будет выдан им в дополнительную оплату, а за урожайность зелёной массы кукурузы на силос – денег.

Таблица 7. *Условия дополнительной оплаты в колхозе имени «Первого Мая» за выращивание кукурузы на зерно и силос*

Производственные посевы на зерно		**Семеноводческие посевы**		**Посевы на зеленую массу**	
Урожайность, ц/га	**% начисления дополнительной оплаты**	**Урожайность, ц/га**	**% начисления дополнительной оплаты**	**Урожайность, ц/га**	**Начисляется дополнительной оплатой за 1 т собранной массы (руб.)**
26 – 30	5	15 – 20	5	190 – 250	0, 90
31 – 35	10	21 –25	10	251 – 300	1, 35
36 – 40	15	26 – 30	15	301 – 350	1, 80
41 – 45	20	31 – 35	20	351 – 400	2, 25
46 – 50	25	36 – 40	25	401 – 450	2, 70
51 – 55	30	свыше 40	30	450 – 500	3, 15
56 – 60	35			свыше 500	3, 50
61 – 65	40				
66 – 70	45				
71 – 75	50				
76 – 80	60				
свыше 80	75				

Такая же система материального поощрения была использована в колхозе «Россия» Тимашевского района Краснодарского края. Здесь за правильные квадраты механизаторам начисляли дополнительно 40% трудодней к прямой оплате, если же квадраты не получились, то с них списывали 40% трудодней, начисленных за посев этой культуры. За прямолинейный посев сахарной свеклы, проверенный после всходов, работникам посевного агрегата начислялось по 25% трудодней сверх прямой оплаты, если же прямолинейности нет, то основная оплата за эти работы снижалась на 25% [5, л. 19].

В решении мартовского Пленума ЦК КПСС вновь было подчеркнуто особое значение последовательного осуществления принципа материальной заинтересованности колхозников, рабочих совхозов, специалистов в увеличении производства продуктов сельского хозяйства. Примерно до 1956 г., как в теории, так и в практике хозяйствования считалось, что трудодень является экономической категорией, непосредственно порожденной самой природой колхозно-

кооперативной собственности. Более того, трудодень изображался единицей измерения и оплаты труда, органически присущей этой форме собственности [26, с. 31]. Во второй половине 50-х годов колхозы стали отказываться от использования трудодня и начали переходить на гарантированную оплату труда. Это было вызвано тем, что запрет оценки трудодня в денежной форме, существовавший ранее, нёс немалый вред колхозам, так как лишал их возможности исчислять издержки производства в стоимостном выражении, применять хозрасчетные отношения, проводить в жизнь принцип материальной заинтересованности колхозников в развитии коллективного хозяйства. Поэтому уже сразу после XX съезда КПСС трудодень подвергся критике, его предлагали «отбросить», «отменить» и т.д. Органически присущей колхозному строю стала считаться денежная форма оплаты труда по нормам выработки. К середине 60-х годов в научной литературе анализировались главным образом вопросы денежной оплаты и не затрагивались вопросы использования трудодня. Но трудодень продолжал существовать в колхозах как мера труда. Так, например, только около 9 тысяч хозяйств перешли на денежную оплату, а около 30 тысяч колхозов продолжали принимать трудодень как форму учета и оплаты. Это было вызвано объективными условиями, связанными с низким уровнем развития производительных сил [15, с. 195]. Оплата труда по прямым денежным расценкам являлась наиболее прогрессивной. Чем выше доходы колхозов, тем больше уровень оплаты труда, независимо от формы распределения.

На данном этапе развития колхозного строительства самым важным для большинства колхозов являлось строгое соблюдение ежемесячного авансирования колхозников и постепенный переход к гарантированной оплате труда, как по трудодням, так и прямым денежным расценкам. В постановлении Мартовского Пленума ЦК ВКП (б) говорилось о том, что надо добиться, чтобы по мере роста производства и повышения производительности труда постоянно увеличивалась оплата труда колхозников, рабочих совхозов и спе-

циалистов. Для этого нужно привести в действие все рычаги повышения материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в развитии производства.

На совещании работников сельского хозяйства в Минске (январь 1962 г.) Хрущёв Н.С. говорил, о том, что «принцип материальной заинтересованности – это не случайный фактор в нашей жизни. Это принцип строительства коммунизма» [15, с. 195]. Вот почему в III-ей Программе КПСС говорилось: «Партия исходит из ленинского положения о том, что строительство коммунизма должно опираться на принцип материальной заинтересованности. Оплата по труду в течение предстоящего двадцатилетия остается основным источником удовлетворения материальных и культурных потребностей трудящихся» [19, с. 19].

В 1962 г. в журнале «Экономика сельского хозяйства» была опубликована статья Н.С. Хрущева «За лучший труд более высокую зарплату», в которой автор уделил большое внимание развитию подрядных форм организации труда, его оплате по конечному результату. Постановка этой проблемы звучит по-современному. «Думаю, – говорил он тогда, – что если любым работникам звена или бригады сказать, что при достижении такой-то производительности труда вы получите настолько – то, или даже во столько – то раз большую оплату, то люди хорошо поработают и добьются поставленной цели» [19, с. 18].

Наряду с совершенствованием основной оплаты труда, в колхозах большое внимание уделялось широкому внедрению материального стимулирования за перевыполнение норм выработки. Эта система позволяла в простой и понятной для колхозников форме связать оплату труда с конечным его результатом. Колхозники тех бригад, ферм, звеньев, которые производили больше продуктов лучшего качества и с наименьшими затратами, получали более высокую оплату за свой труд. Дополнительная оплата труда развивала инициативу

колхозников, помогала вскрыть и использовать дополнительные ресурсы развития производства.

Таким образом, мероприятия, разработанные в первые послевоенные годы, не затрагивали существенных основ сложившегося механизма экономического развития колхозов. Они были направлены скорее на устранение негативных последствий этого механизма, нежели на ликвидацию причин, порождавших низкую эффективность колхозного производства. По мнению И.В. Русинова, с самого начала становления колхозного строя была своеобразная альтернатива его развитию. «Суть её заключалась в постепенном отказе от груза извращений в развитии кооперации, как бы возврате её в естественноисторическое русло, но уже на новом уровне хозяйствования, развития производственных отношений. Главным содержанием этой альтернативы являлся отказ от жесткой регламентации колхозной жизни, предоставление колхозам (а также совхозам) права самостоятельно решать свои хозяйственные, социальные нужды, сочетая, увязывая их с ориентирами централизованного планирования в условиях развития демократизма всей системы управления. Это предполагало отказ от «планов-разверсток» и развития товарно-денежных отношений на селе» [27, с. 2].

Недостаточность материальных стимулов во многом компенсировалось действием идеологических и социально-психологических факторов трудовой активности масс. Так, например, секретарь ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев разъяснял: «Раз и навсегда надо понять, что самый надежный путь к успешному выполнению любого плана – прекрасно поставленное в коллективе воспитание людей, живое общение с ними, душевная забота о них. Это путь к сердцу, к сознанию человека» [20, с. 33].

Выполняя решения партии, по инициативе партийно-комсомольских комитетов в стране развернулось движение за коммунистический труд. Сначала основной организационной единицей

была рабочая бригада. Позднее было признано возможным личное участие. В конце концов, в движение были включены коллективы предприятий, факультетов, совхозов и колхозов. На Юге России одним из первых таких коллективов стала тракторная бригада, руководимая И. Шацким [4, л. 230]. 11 апреля 1961 г. газета «Советская Россия» опубликовала письмо передовиков сельского хозяйства «Будет родная Кубань всероссийским маяком». Это письмо призывало всех хлеборобов развернуть социалистическое соревнование между звеньями, бригадами, колхозами, совхозами, районами за высокие урожаи зерновых культур, за успешное выполнение социалистических обязательств, принятых на третий год семилетки [41, л. 5]. Различных идей по совершенствованию организации производства и стимулированию трудовой активности в начале 50-х – начале 60-х гг. было высказано немало. Само время побуждало к поиску. Но этот поиск не был безболезненным. Развитие процесса демократизации общественной жизни не означало, что «новое» в ней уже одержало победу – «новое» вступило в открытую борьбу со «старым», борьбу по всем направлениям и на всех уровнях: от высшего уровня руководства до низового производственного звена. Эта борьба в значительной степени осложнялась тем, что в практических действиях партийного и государственного руководства по проведению в жизнь линии на расширение демократизации начали проявляться колебания. Учиться демократизму, не повторяя «ошибок прошлого», оказалось нелегко. В советском государстве, как отмечалось ранее, сложилась административно-командная модель, носившая мобилизационный характер и позволявшая в централизованном порядке обеспечивать изъятие и перераспределение всех ресурсов страны, мобилизацию их на решение ключевых задач экономического развития, концентрацию на решающих участках, которые определяли развитие страны. Такая экономика носила нерыночный, бестоварный характер, почти все её элементы были полностью подчинены государству,

находясь в государственной собственности, и управлялись с помощью командно-директивных методов.

Особую категорию в сельской местности составляли пенсионеры и престарелые колхозники. Органами социального обеспечения, предприятиями, организациями и колхозными кассами взаимопомощи оказывалась финансовая помощь этой категории населения. Так, в Ростовской области была оказана единовременная денежная помощь пенсионерам и престарелым колхозникам на сумму 3158,8 тыс руб. (таблица 8).

Таблица 8. *Материальная помощь пенсионерам Ростовской области*

За счет организаций и предприятий		**За счет колхозных касс взаимопомощи**		
		Денежная помощь	**Продукты питания**	
Денежная помощь	Количество семей	тыс руб.	тыс руб.	Количество семей
318,8	1327	1882,2	957,8	6887

Помимо этого, колхозными кассами взаимопомощи пенсионерам и престарелым колхозникам было выдано возвратных ссуд деньгами 2093,1 тыс руб. и продуктами питания на 11,8 тыс руб.

В результате руководства работой колхозных касс взаимопомощи, осуществляемого отделами социального обеспечения, проведена значительная работа по оказанию материальной помощи пенсионерам и престарелым колхозникам и их бытовому устройству во всех исследуемых регионах.

Например, в Сальском районе Ростовской области имелось 10 колхозных касс, на обеспечении которых состояло: инвалидов и престарелых колхозников 218 человек, детей – сирот 26 и получавших пенсию 16 человек.

В колхозе им. Сталина имелся дом для престарелых колхозников, в котором находилось семь человек обеспечиваемых. Общий доход касс взаимопомощи Сальского района в 1957 г. составил 4500 тыс руб., в том числе сумма вступительных членских взносов составила 1180 тыс руб. В течение года кассы, в порядке оказания материальной помощи, выдали инвалидам, членам семей погибших воинов и престарелым колхозникам 121,5 тыс руб., возвратных денежных ссуд было выдано колхозникам на сумму 159,0 тыс руб. Кассы опекали 26 детей, оставшихся без родителей. Все дети обеспечены одеждой и обувью. Им выданы продукты питания и оказана денежная помощь на сумму 10,1 тыс руб.. Благодаря оказанной помощи нет детей, прекративших учебу из-за материальной необеспеченности [11, л. 12].

Здесь за счет средств касс в 1957 г. вдовам погибших воинов и семьям военнослужащих было построено 20 новых домов, проведен ремонт жилищ 107 семьям, оказана помощь в приобретении топлива 164 семьям. На санаторное курортное лечение было направлено 38 человек из числа инвалидов и членов семей погибших воинов.

В Орловском районе Ростовской области имелось 12 колхозов, в каждом из которых были организованы кассы взаимопомощи, все трудоспособные колхозники (4432 чел.) были вовлечены в члены касс. Общий доход касс на 1 января 1958 г. составил 388,6 тыс руб. За 1957 г. было выдано возвратных ссуд на сумму 27,8 тыс руб. Оказана помощь инвалидам, семьям погибших воинов, престарелым колхозникам на сумму 111,1 тыс руб. В порядке выполнения планов практических мероприятий за счет средств касс, построено 35 новых домов, 130 отремонтировано, 170 семей обеспечено топливом, наделено телками 18 семей и выдано мелкого скота (овец и коз) 240 голов. Бесплатные путевки в санатории и дома отдыха получили 60 человек, и 80 детей пенсионеров были направлены на отдых в пионерские лагеря.

Кроме того, кассами взаимопомощи оказано содействие в устройстве на работу 4 инвалидов, направлено на учебу – 11 человек.

По состоянию на 1 января 1958 г. в Ростовской области имелось 9 домов для престарелых колхозников, которые обеспечивали 63 человека.

В Развиленском районе решением РК КПСС на 1958 г. было намечено строительство трех межколхозных домов для престарелых колхозников. В Ростовской области на 1 января 1958 г. имелось 334 колхозных кассы взаимопомощи, в которых состояло 130151 человека.

В соответствии с приказом Министра социального обеспечения РСФСР от 22 января 1958 г. № 9 проводились организационные мероприятия по укреплению работы существующих и по созданию новых колхозных касс где они отсутствовали.

В Ростовской области имелось шесть касс взаимопомощи пенсионеров при районных и городских отделах социального обеспечения. По состоянию на 1 января 1958 г. их членами являлось 2149 человек. Они имели собственные средства в сумме 321,2 тыс руб. С помощью касс за год была оказана следующая помощь: выдано возвратных ссуд на сумму 580,1 тыс руб., их получили 1737 человек, выданы денежные пособия в размере 8,7 тыс руб., которые получили 83 человека. Под индивидуальные огороды кассы получили 48,0 га которые распределили между 956 семьями. Помимо этого пенсионерам было выдано 15,0 га под коллективные огороды, в обработке которых участвовало 130 семей, и 15,3 га для насаждения фруктовых садов [12, л. 14].

За счет организаций, колхозных касс и профсоюзов в 1957 г. 2040 человек инвалидов Отечественной войны и труда, а также членов семей погибших воинов получили различные виды лечения. На санаторно-курортное лечение было направлено 1144 человека, в дома отдыха – 832 и на лечение в госпитали – 64 [13, л. 15].

По линии органов социального обеспечения в 1957 г. были приобретены санаторные путевки для инвалидов Отечественной войны на сумму 154,9 тыс руб., для инвалидов труда – на 89,2 тыс руб. Кроме того, персональные пенсионеры получили денежные пособия в размере 63,0 тыс руб. на проезд и денежную компенсацию взамен путевок [14, л. 16]. Таким образом, наряду с органами социального обеспечения, колхозные кассы взаимопомощи оказывали существенную материальную помощь нуждающимся категориям сельских жителей.

Материально бытовое обслуживание осуществлялось за счет средств выделяемых по республиканскому и местному бюджетам на оказание единовременной помощи остро нуждающимся семьям, а также за счет фондов выделяемых торгующими организациями в централизованном порядке до отмены карточной системы, за счет хозяйствующих и общественных организаций и общественности. Материально бытовое обеспечение пенсионеров в период с 1946 г. по 1948 г. осуществлялось в основном за счет планов практических мероприятий по оказании материальной помощи пенсионерам.

К середине 50-х гг. экономические возможности нашей страны позволили вплотную подойти к созданию системы, при которой содержание основной массы престарелых крестьян осуществлялись за счет общественных фондов потребления. Введенный в 1956 г. в действие Закон «О государственных пенсиях» явился крупным событием в социально-экономическом и политическом развитии страны. С его принятием были признаны полностью или частично утратившими силу около тысячи прежних нормативных актов СССР и союзных республик о пенсионном обеспечении населения. Пенсионная реформа открывала новый этап в обеспечении гарантированности и устойчивости материального положения значительных слоев населения. Этот процесс происходил и по линии расширения круга граждан, имеющих государственные пенсии.

Социально-политическое значение Закона усиливалось тем, что пенсионное законодательство стало более упрощенным и унифицированным, а, следовательно, и более доступным для широких масс трудящихся.

Заметим, что уже в самой постановке проблемы упорядочения вопросов пенсионного обеспечения содержалась опасность уравнительности. Выступая на XX съезде КПСС, Н.С. Хрущев следующим образом сформулировал основную идею предстоящего нового закона. Она состояла в том, «чтобы размеры низших разрядов пенсий значительно увеличить, а размеры неоправданно высоких пенсий несколько снизить» [14, л. 16].

Закон о государственных пенсиях 1956 г. лишь частично разрешал накопившиеся проблемы, так как в нем была заложена консервативная статичность, не учитывающая диалектику соотношения пенсии и заработной платы. Установленный «потолок» государственной пенсии в 120 руб. поначалу в 1,6 раза превышал уровень средней зарплаты, но на всем протяжении 60-х гг. оставался неизменным. В тоже время заработная плата в среднем увеличилась в 1956–1970 гг. в 1,7 раза, [29, с. 546] повысился минимальный размер пенсии. При этом сама шкала исчисления пенсии была построена по принципу: чем больше заработок, тем ниже процентная норма. И если первоначально она составляла 75–100% невысоких заработков, то с их ростом все большее количество работающих стало выходить на низший уровень пенсионного обеспечения – 50%.

В результате стали отчетливо формироваться уравнительные тенденции. Все чаще в одинаковом материальном положении оказывались высококвалифицированные и малоквалифицированные работники, люди, отдавшие свои силы и способности обществу, и те, кто лишь по форме числился в народном хозяйстве. Тем самым искажалась идея дифференцированного пенсионного обеспечения, то есть один из основных его принципов, имеющих важнейшее значе-

ние для активного влияния распределения на всю систему общественных отношений.

На XX съезде партии речь шла об общесоюзном Законе пенсионного обеспечения [16, с. 77]. Однако на самом деле такой тезис означал определенную фальсификацию действительности, так как Закон не учитывал основные интересы крестьянства, численность которого только в колхозном производстве составляла в 1956 г. 22,9 млн человек [36, с. 13]. Ориентация Закона о государственных пенсиях 1956 г. на все категории трудящихся, кроме колхозников, имела серьезные экономические, социально-политические последствия в развитии деревни, во взаимоотношениях города и села, рабочего класса и крестьянства. Такую «избирательную» политику нельзя оправдывать ни с позиции социальной справедливости, ни с точки зрения экономических возможностей общества того периода.

Только в 1964 г. был принят Закон о пенсиях, пособиях членам колхозов. До этого обеспечение престарелых и нетрудоспособных колхозников осуществлялось за счет средств самих колхозов. Сложившаяся в колхозах система пенсионного обеспечения отличалась крайней неустойчивостью и финансовой ограниченностью. Объем средств никем не устанавливался, они не регламентировались и могли свободно расходоваться на совершенно другие цели. С вступлением в силу Закона 1964 г. в целом в стране сформировалась система государственного пенсионного обеспечения тружеников села. На колхозников, как на рабочих и служащих, распространялись единые для всех условия и размеры пенсионного обеспечения. Тем самым под крестьянскую жизнедеятельность подводилась социальная гарантия.

При всем огромном значении единого государственного пенсионного обеспечения реальное положение пенсионеров было мало завидным. Оно скрывалось тем, что у нас официально не определялась «черта бедности», или минимальная граница уровня обеспеченности

крае было образовано 22 районных и 143 колхозных советов и 22 комиссии по назначению пенсий и пособий членам колхозов [8, л. 6].

Секретарь Кореновского парткома В. Разумовский в информации о ходе выполнения Постановления бюро Краснодарского крайкома КПСС от 20 ноября 1964 г. «О мерах по проведению в жизнь Закона о пенсиях и пособиях членам колхозов» сообщал, что с целью выполнения данного постановления в районе была проведена следующая работа: во всех колхозах района избраны советы социального обеспечения колхозников. Создан и работает районный совет социального обеспечения колхозников. Решением райисполкома утверждена комиссия по назначению пенсий и пособий колхозникам. Также проводились семинары с председателями колхозных советов социального обеспечения. В колхозы отделом социального обеспечения были командированы специалисты из бухгалтеров, экономистов, юристов для оказания практической помощи на местах в оформлении документов и правильном применении Положения о назначении и выплате пенсий и пособий членам колхозов. Для оказания постоянной и практической помощи Советам соцобеспечения колхозников при районном совете соцобеспечения в каждом колхозе организованы на общественных началах консультационные пункты. В целях своевременного и правильного проведения в жизнь закона «О пенсиях и пособиях членам колхозов» Кореновский райком КПСС ходатайствует перед краевым отделом соцобеспечения и краевым здравотделом решить вопрос о создании врачебно-трудовой экспертизной комиссии в Кореновском районе [40, л. 25].

В 1960 г. на выплату пенсий в Краснодарском крае было истрачено 120 млн руб., в 1965 г. – уже более 200 млн руб. [31, с. 487] (таблица 9).

Таблица 9. *Численность пенсионеров-членов колхозов и бывших членов колхозов и суммы назначенных им месячных пенсий на 1 января 1966 г. [9, л. 1]*

Назначение пенсий	**Численность пенсионеров**	**Общая сумма назначенных пенсий (тыс руб.)**	**Пенсионеры, пенсия которым назначена в отчетном периоде**	
			Численность пенсионеров	**Сумма назначенных пенсий (тыс руб.)**
По старости	84525	1117,9	76614	1028,41
По инвалидности от трудового увечья – всего	50	1,0	41	0,9
в том числе:				
1 гр.	9	0,2	8	0,2
2гр.	41	0,8	33	0,7
По инвалидности от общих заболеваний – всего	5476	82,5	4118	64,9
в том числе:				
1 гр.	685	11,6	634	11,9
2 гр.	4791	70,9	3484	53,0
Всего по инвалидности	5526	83,5	4159	65,8
По случаю потери кормильца – всего	1820	277	1640	23,3
в том числе:				
с 1 нетрудоспособным	1144	14,2	998	10,3
с 2 нетрудоспособными	424	7,7	390	7,2
с 3 и более нетрудоспособными	252	5,8	252	5,8
всего пенсионеров	91871	1229,1	82413	1117,5
кроме того, женщины члены колхоза, получающие пособия по беременности и родам	–	–	5250	890,9

Кроме того, из общего числа пенсионеров:

а) бывшие члены колхозов, земли которых переданы совхозам и другим предприятиям и организациям – 15531 человек; сумма назначенных им пенсий – 14,52 тыс руб;

б) члены рыболовецких колхозов – 1018 человек; сумма назначенных им пенсий – 14,52 тыс руб;

из общей численности пенсионеров по инвалидности 1 и 2 групп, мужчин в возрасте 60 – 64 лет – 642 человека; 65 лет и старше – 307 человек; женщин в возрасте 55 – 59 лет – 846 человек, 60 лет и старше 565 человек [10, л. 1].

Делая вывод, необходимо отметить следующее:

1. В послевоенные годы вопросы организации труда и его стимулирования приобрели особую важность. Центральные и местные партийно-государственные органы предпринимали неоднократные попытки использования более совершенных форм организации труда и обобщения передового опыта в сельскохозяйственном производстве. Руководством страны ставилась задача активно применять индивидуальную и групповую сдельщину, дополнительную оплату труда колхозников, повсеместно заменить натуральную оплату на денежную.

2. В силу того, что фонды оплаты в колхозах в первые послевоенные годы продолжали формироваться по остаточному принципу, крестьяне экономически слабых колхозов, выполняя тот же объем работ, получали меньше, чем в более богатых колхозах.

3. Недостаточность материальных стимулов во многом компенсировалась идеологической организационной работой, которая способствовала повышению трудовой активности тружеников села. Нормированная система труда в сельском хозяйстве не соответствовала научным принципам ее организации. Следствием этого явилась недостаточно четкая связь между затратами труда и его результатами.

4. С первых дней создания сельскохозяйственных артелей колхозники были лишены социальных гарантий, что негативно отражалось на их благосостоянии. Некоторые изменения в этом направлении были сделаны в конце 50-х – начале 60-х годов, важнейшим из которых было введение паспортов в сельской местности и назначение труженикам села пенсий, что в некоторой степени выравнивало их в правах с остальными гражданами советского государства.

Примечания 2.2

1. Вербицкая, О.М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву, середина 40-х–начало 60-х гг. / О.М. Вербицкая; Рос. акад. наук, Ин-т истории России. – М.: Наука, 1992. – 222 с.

2. Винниченко, И. На взлете: заметки журналиста / И. Винниченко // Октябрь. –1958. – № 1. – С. 131–140.

3. Волков, И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. / И.М. Волков. – М.: Политиздат, 1972. – 327 с.

4. ГАКК. Ф. 687. Оп. 3. Д. 460. Л. 230.

5. ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 3. Д. 431. Л. 19.

6. ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 3. Д. 431. Л. 73–74.

7. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 200. Л. 5–8.

8. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 23. Д. 61. Л. 6.

9. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 320. Л. 1.

10. ГАРО. Ф. Р–4219. Оп. 1. Д. 320. Л. 1 об.

11. ГАРО. Ф. Р–3737. Оп. 1. Д. 460. Л. 12.

12. ГАРО. Ф. Р–3737. Оп. 1. Д. 460. Л. 14.

13. ГАРО. Ф. Р–3737. Оп. 1. Д. 460. Л. 15.

14. ГАРО. Ф. Р–3737. Оп. 1. Д. 460. Л. 16.

15. XX съезд КПСС и его исторические реальности / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. В.В. Журавлева. – М.: Политиздат, 1991. – 416 с.

16. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14–15 февраля 1956 г.: ст. отчет. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1956. – 640 с.

17. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 11–17 октября 1961 г.: ст. отчёт. Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1962. – 608 с.

18. Дубоносов, Д.И. Деятельность Коммунистической партии по восстановлению и развитию сельского хозяйства (1945–1950 гг.) / Д.И. Дубоносов. – Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1970. – 115 с.

19. За лучший труд более высокую зарплату // Экономика сельского хозяйства. – 1962. – № 7. – С. 18–22.

20. Ильичев, Л.Ф. Очередные задачи идеологической работы партии: доклад 18 июня 1963 года на Пленуме ЦК КПСС / Л.Ф. Ильичев. – М.: Госполитиздат, 1963. – 78 с.

21. Исторический опыт и перестройка: человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; отв. ред. Ю.С. Борисов. – М.: Мысль, 1989. – 303 с.

22. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1946–1955). Т. 8 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; общ. ред. А.Г. Егоров, К.М. Боголюбов. – М.: Политиздат, 1985. – 542 с.

23. Котов, С.А. Вопросы организации и оплаты труда в колхозах и совхозах / С.А. Котов. – М.: Госполитиздат, 1962. – 263 с.

24. Краев, М.О колхозном трудодне / М. Краев // Вопросы экономики. – 1949. – № 3. – С. 37–38.

26. Мамаев, П.В. Оплата труда в колхозах с учетом урожая / П.В. Мамаев // Вопросы организации и оплаты труда в колхозах. – М.: Госполитиздат, 1951. – С. 52–54.

27. Мангазеев, А. Опыт дополнительной оплаты труда в колхозах РСФСР / А. Мангизеев. – М.: Госполитиздат, 1952. – 513 с.

28. Молот. – 1961. – 30 июня.

29. Назарцев, Н.Г. За дальнейшие улучшение организации и оплаты труда в колхозах / Н.Г. Назарцев, П.И. Морозов. – Барнаул: Алт. краев. Изд-во, 1949. – 165 с.

30. Народное хозяйство СССР в 1975 году: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1976. – 846 с.

31. Овечкин, В.В. Статьи, дневники, письма / В.В. Овечкин. – М.: Советский писатель, 1972. – 384 с.

32. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. – Краснодар: Кн. изд-во, 1976. – 671 с.

33. Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. – Ставрополь: Владос, 1986. – 135 с.

34. Правда. – 1946. – 9 марта.

35. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. – М.: Политиздат, 1968. – 751 с.

36. Румянцев, Т. Эффективность применения дополнительной оплаты труда / Т. Румянцев, А. Храмов, Г. Дундина // Экономика сельского хозяйства. – 1962. – № 7. – С. – 42–44.

37. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. / ЦСУ СССР. – М.: Госстатиздат, 1960. – 903 с.

38. Советская деревня в первые послевоенные годы: 1946–1950 / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; ред. И.М. Волков. – М.: Наука, 1978. – 511 с.

39. Социалистическое земледелие. – 1948. – 14 сент.

40. Хрущев, Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 8: май 1963 года – март 1964 года / Н.С. Хру-щев. – М.: Политиздат, 1964. – 560 с.

41. ЦДНИКК. Ф. 6383. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.

42. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 9. Д. 42. Л. 5.

Глава 3. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ТРУЖЕНИКОВ СЕЛА

3.1. Развитие жилищного строительства в послевоенные годы на селе

Как известно из сообщений Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, за период войны в нашей стране было разрушено и сожжено 1710 городов, более 70 тыс сел и деревень, в результате чего около 25 млн советских людей остались без крова [2, с. 162]. Проблема жилья после войны стояла необыкновенно остро, особенно в районах оккупации. Так, в Ростовской области немецко-фашистскими захватчиками в сельской местности, по неполным данным, было разрушено более 20 тыс жилых домов колхозников, около 10 тыс различных хозяйственных построек и несколько сот культурно-бытовых, административных и других зданий, принадлежащих колхозам. Кроме того, десятки тысяч жилых домов и разных хозяйственных и общественных построек были в той или иной степени повреждены.

Наиболее разрушенными оказались жилые дома и хозяйственные постройки в Куйбышевском, Матвеево-Курганском, Больше-Крепинском и Родионо-Несветаевском районах, также сильно пострадали Багаевский, Цымлянский, Базковский и другие придонские районы Ростовской области, т. е. те районы, по которым проходил так называемый Миусский фронт.

В Краснодарском крае такими районами стали Темрюкский, Крымский, Варениковский и др., по которым проходила «Голубая линия» – укрепрайон, созданный фашистами за время оккупации Кубани. В этих районах большая часть населенных пунктов была полностью сметена с лица земли.

Полностью или частично в селах и станицах Ставропольского края было разрушено 3712 жилых домов колхозников, что составляло 1/3 жилого фонда местных советов. Кроме того, частично или полностью оккупанты разрушили 943 школы, 194 больницы и амбулатории. В Георгиевске захватчики полностью уничтожили 140 домов и частично 72. Восстановительная стоимость их превысила 20 млн руб.. Значительно пострадал жилой фонд в сельской местности. По далеко не полным данным только в районных центрах разрушению подверглись около 80 тыс кв. м жилой площади, тысячи советских людей остались без крова [3, с. 90].

Еще в ходе войны, 21 августа 1943 г., было принято решение СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В соответствии этим постановлением для руководства и координации масштабных работ по строительству жилья и культурно-бытовых учреждений в городах и сельской местности создавалась соответствующая иерархия учреждений: по РСФСР – республиканский Наркомат по жилищно-гражданскому строительству, при облисполкомах – специальные управления по делам сельского и колхозного строительства, при сельских Советах – строительные отделы [38, с. 473].

Однако все эти государственные учреждения занимались организацией строительства в городах и рабочих поселках, а на территории колхозов их деятельность (за небольшим исключением) не распространялась [2, с. 162]. Колхозам приходилось самостоятельно создавать свои строительные бригады. Ежегодно в республике формировалось до 20 тыс таких бригад численностью по 10–20 человек, состоявших из плотников, каменщиков, кровельщиков и т. п. Так, например, в Ростовской области в послевоенный период почти все хозяйственные и культурно-бытовые постройки колхозов и значительная часть жилых домов были восстановлены и построены строительными бригадами. В конце 1947 г. в области была 1631 колхозная строительная бригада, в которой состояло 15170 колхозников раз-

личных строительных профессий. В Ставропольском крае к этому же времени насчитывалось 940 бригад с охватом 74 28 колхозников-строителей [34, л. 1–2]. В первую очередь колхозные строительные бригады стремились обеспечить жильем сирот, семьи погибших воинов и многодетные семьи. В качестве шефской помощи восстанавливали и строили жилье на селе рабочие промышленных предприятий.

Строительство и восстановление жилья ставилось руководством страны в ранг первостепенных задач. В своем докладе, посвященном XXVIII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции В. М. Молотов остановился на неотложных задачах по скорейшему восстановлению хозяйственной и культурной жизни в районах, находившихся под оккупацией вражеской армии, указывал на необходимость восстановления жилищ, чтобы дать возможность каждому городскому и сельскому жителю снова иметь свой кров и устроить свою семью [32, л. 130]. Восстановительные работы в селах и станицах исследуемых регионов начались немедленно после изгнания немецких оккупантов. Так, например, о ходе восстановительных работ в Ставропольском крае сообщалось в докладной записке заместителю председателя Совнаркома Союза СССР А.И. Микояну и председателю Совнаркома РСФСР А.И. Косыгину. В документе указывалось, что по состоянию на 4 сентября 1943 г. указывалось, что колхозников, рабочих и служащих, проживающих в землянках и разрушенных домах, по данным городов и районов, числилось 1582 семьи (4823 человека), в том числе: в городах – 273 семьи (845 человек), в сельской местности – 1309 семей (3978 человек). В порядке уплотнения было расселено по городам 4182 семьи (13100 человек), в сельской местности – 4029 семей (11578 человек). Постановлением крайсовета, крайпарткома установлено задание по строительству 930 новых жилых домов колхозникам, рабочим, служащим, в том числе: городам – 300, сельской местности – 630. В сентябре

начато строительство 19 новых домов колхозникам, и 7 – рабочим, служащим [43, с. 240].

По состоянию на 5 сентября 1943 г. Ставропольским исполкомом крайсовета и крайкома ВКП (б) был утвержден план строительства 930 новых жилых домов, из которых начато строительство (по неполным данным) колхозниками 25 домов, рабочими и служащими – 10 домов. Было выдано кредитов на индивидуальное жилищное строительство на сумму 176 тыс руб. Восстановлено совхозами и сдано в эксплуатацию 194 дома. В стадии окончательного восстановления находилось 112 домов. Переселено из землянок и разрушенных домов по городам и селам 332 семьи [25, л. 3]. Необходимо констатировать, что строительство жилья проходило, когда еще шли ожесточенные бои с фашистскими войсками, и до завершения войны оставалось более 18 месяцев.

После окончания Великой Отечественной войны строительство жилых домов, хозяйственных и культурно-бытовых построек в колхозах приобретало особенно широкий размах, занимая важное место в общем плане восстановления и развития сельского хозяйства.

Так, например, четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. также предусматривал осуществление нового строительства и восстановления жилого фонда в селах, однако, в основном, на средства колхозов и отдельных членов артелей [44, с. 288]. Государство выдавало кредиты для постройки домов и помогало строительными материалами и инструментами. Через Ростовскую областную контору сельскохозяйственного банка на жилищное строительство колхозникам и, в первую очередь, инвалидам Отечественной войны, семьям погибших воинов, демобилизованным красноармейцам и нуждающимся семьям военнослужащих было выдано ссуды в размере более 45 млн руб. [45, с. 467].

В течение пяти лет, прошедших после освобождения Ростовской области от немецких оккупантов, было построено и восстановлено более 28 тыс жилых домов колхозников. Около пятнадцати ты-

сяч семей колхозников, в том числе более семи тысяч семей воинов Советской Армии, лишившихся крова и временно живших в землянках или в арендованных помещениях, переселились во вновь построенные дома. В стенографическом отчете XVII сессии Ставропольского краевого Совета депутатов трудящихся от 18–20 февраля 1946 г. сообщалось о ходе выполнения постановления СНК РСФСР от 8 июля 1945 г. «О строительстве домов колхозников, хозяйственных построек колхозов и культурно-бытовых зданий в районах РСФСР, подвергшихся немецкой оккупации». В документе говорилось: «За три года, прошедших после освобождения Ставропольского края от немецких оккупантов, восстановлено и вновь построено 2176 жилых домов колхозников, восстановлено и вновь построено 4259 животноводческих и хозяйственных построек колхозов» [26, л. 112].

За три года на проведение восстановительных работ и новое строительство колхозам Ставрополья был выдан кредит в размере 3300 тыс руб. Однако колхозы только за 1945 г. израсходовали из своих неделимых фондов 9688 тыс руб., что почти в 3 раза больше выделенных кредитов [27, л. 113].

Работа, проделанная в Краснодарском крае за 1945–1947 гг. в вопросах сельского и колхозного строительства отражена в таблице 10.

Как видно из таблицы, в 1945–1947 гг. план строительства и восстановления жилых домов колхозников и хозяйственных построек был перевыполнен. План, намеченный на 1948 г., в основном был выполнен, за исключением строительства кирпичных, черепичных, известковых заводов и животноводческих ферм. Невыполнение плана по сдаче в эксплуатацию промышленных и животноводческих объектов можно объяснить следующим: с одной стороны все силы были брошены на строительство жилья, которое возводилось за счет личных средств колхозников, а с другой – недостаточное финансирование промышленных объектов превращала их в долгострой.

Таблица 10. *Ход строительства жилых домов и культурно бытовых учреждений в колхозах Краснодарского края [7, л. 8–9]*

№ п/п	Наименование объектов	План 1945-47 гг.	Выполнено	%	План 1948 г.	Выполнено	%	Всего построено 1945–48 гг.
1.	Построено и восстановлено жилых домов колхозников кв. м	16240	40313	248,2	7000	10497	149,9	78810
2.	Построено и восстановлено хозяйственных построек колхозов, всего кв. м	4400	14255	324,0	3750	5234	139,5	19489
3.	В т.ч. животноводческих, кв. м	3370	6612	196,2	2600	2421	93,1	9033
4.	Зернохранилищ объектов	730	818	112	400	590	147,5	1408
5.	Кирпичных заводов	100	263	263,0	120	110	91,6	373
6.	Черепичных	60	323	53,3	80	9	11,2	41
7.	Известковых	60	65	108,0	50	23	46,0	88
8.	Построено и восстановлено культурно–бытовых зданий	–	1555	–	–	708	–	2263

Для восстановительных работ требовалось значительное количество кирпича, цемента, деловой древесины и др. Однако советская промышленность не могла быстро перейти на производство мирной продукции. В первые послевоенные годы ощущалась острая нехватка строительных материалов, поэтому в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области при строительстве часто использовались местные строительные материалы. Так, например, количество местных строительных материалов, произведенных за три послевоенных года в Краснодарском крае, отражено в таблице 11.

Таблица 11. *Производство и заготовка местных строительных материалов колхозами за 1945–1948 гг. [5, л. 9]*

№ п/п	Наименование объектов	Ед.	План 1945–47 гг.	Выполнено	%	План 1948 г.	Выполнено	%	Всего построено 1943–48 гг.
1.	Кирпич обожженный	тыс шт.	30,0	27,9	89,0	15,0	17,5	116,6	45,5
2.	Саман	тыс шт.	34,4	39,6	115,0	–	21,4	–	61,0
3.	Камень	тыс шт.	–	49,4	–	–	21,1	70,5	–
4.	Заготовлено леса	тыс $м^3$	231,3	321,2	138,8	120	147,5	122,8	468,7
5.	Завезено леса	тыс $м^3$	231,3	268,2	116,0	120	127,4	106,1	395,6
6.	Известь	т	5900	6426	109,0	3000	2253	275,2	8679,0
7.	Черепица обожженная	тыс. шт.	2,67	3,3	127,0	2	1,0–	50,0	4,3
8.	Кровельная щепа	тыс. шт.	10,0	11,5	115,0	–	9,7	–	21,2
9.	Камыш кулей	тыс шт.	6400	11585	181,0	–	3841	–	15426,0

Таким образом, за 1945–1947 гг. план по обжигу кирпича был выполнен только на 89% от запланированного. Это было связано с тем, что при изготовлении кирпича требовались специальные постройки и техническое оборудование, тогда как при производстве других строительных материалов техническая подготовка не требовалась. Поэтому производство самана, камня, кровельной щепы было перевыполнено. Добыча извести и заготовка леса также велись с перевыполнением намеченного плана.

Самоотверженный труд сельских жителей стал основой жилищного строительства в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области. При этом за 1948 г. было введено в эксплуатацию 328 тыс кв. м жилой площади. Средняя жилая площадь одного жилого дома равнялась 31,2 кв. м. Денежные затраты на строительство одного жилого дома в среднем по краю составили 9,5 тыс. руб. Выполнение строительства жилых домов по видам стеновых материалов было определено следующими показателями: деревянных – 1122, кирпично-каменных – 51, саманных – 5249, прочих – 4075 домов [6, л. 20].

Наряду с восстановлением и строительством новых жилых домов, хозяйственных построек, колхозниками Кубани была проведена большая работа по благоустройству колхозов, населенных пунктов и т.д. (таблица 12).

Таблица 12. *Благоустройство сельской местности в Краснодарском крае [8, л. 10–11]*

	Наименование	**Ед. изм.**	**1945-47 гг.**	**1948 г.**	**Всего**
1.	Оформление центральных площадей населенных пунктов	мест	564	78	642
2.	Оформление въездов в населенные пункты	арок	364	231	595
3.	Мощение улиц и тротуаров	кв. м	4855	3900	8755
4.	Устройство мостов и мостиков	шт.	2589	2446	5035
5.	Отремонтировано старых колодцев	шт.	1569	3253	4822
6.	Выкопано новых колодцев	шт.	116	405	521

Из таблицы видно, что наибольший подъем благоустройства сельской местности в Краснодарском крае пришелся на послевоенные годы. Оформление населенных пунктов продолжалось и в последующие годы, только уже не в таком объеме.

В сводном отчете Управления по строительству исполкома краевого Совета депутатов трудящихся о строительстве в колхозах Ставропольского края за 1945 г. сообщалось: жилых домов колхозников было построено 90 (деревянных, соломенных, кирпичных, глинобитных). С начала года 920 домов. Число строений, находящихся в строительстве, – 280, хозяйственных построек – всего 942, конюшен – 152, коровников – 275, свинарников – 68, овчарен – 199, птичников – 82, прочих животноводческих построек – 53, зернохранилищ – 58, овощехранилищ – 3, мельниц – 2, кузниц – 6, известковых заводов – 2, культурно-бытовых зданий – 14, административных зданий, клубов – 3, бань – 1, столовых – 2 [33, л. 1].

В Ростовской области также за 5 лет было построено и восстановлено 8400 различных хозяйственных построек, 1370 культурно-бытовых зданий, 90 кирпичных и черепичных заводов и много других подсобных колхозных предприятий – кузниц, мастерских и т.д. Наряду с различными мероприятиями по благоустройству сельских населенных пунктов, было сооружено и отремонтировано 2800 колодцев, 7000 мостов местного значения и посажено до 1,5 млн фруктовых и декоративных деревьев.

Из документов видно, что одновременно с восстановлением и строительством жилья колхозам приходилось вести также сооружение производственно-хозяйственных помещений и объектов культурно-бытового назначения. Сельским советам вменялось в обязанность при рассмотрении проектов застройки села требовать от застройщиков одновременного решения вопросов водоснабжения, озеленения, мощения дорог и строительства необходимых мостов.

В отчете о выполнении плана сельского и колхозного строительства по Ставропольскому краю за 1947 г. краевое управление сельским и колхозным строительством при выполнении плана на 1947 г. основывалось на постановление Совмина РСФСР от 28 января 1947 г. № 36 от 11 марта 1947 г. № 435, а также соответствующими приказами Главного Управления по делам Сельского и Колхозного строительства и решениями Ставропольского исполнительного комитета краевого Совета депутатов трудящихся. Оно характеризовало свою работу следующими показателями: за 1947 г. в колхозах Ставропольского края было построено и сдано в эксплуатацию 2639 колхозных построек. Также находились в стадии строительства 662 объекта. На все строительство было потрачено 550 тыс человеко-дней. За этот же год план строительства для колхозников жилых домов не был выполнен. Так, было запланировано строительство 3500 домов. Однако удалось построить только 1607, что составило 46% плана, и находилось в стадии строительства 297 домов. Это было вызвано тем, что Ставропольский край – безлесный, а кирпичных заводов в

крае было мало, основным стеновым материалом в строительстве домов являлся саман. В 1947 г. было построено жилых домов из самана 154, или 77% от построенных домов, из камня – 172 и прочих – 181 [34, л. 1–2].

Советское правительство оказало колхозам определенную материальную помощь в осуществлении планов восстановительных работ. В 1947–1948 гг. было завезено на село: около 15 тыс кв. м оконного стекла, более 160 т гвоздей, 300 т печного литья, а также 15 т красок, 10 т олифы, на 4 млн руб. скобяных изделий и на 200 тыс руб. плотничных инструментов [9, л. 25–26]. Средства, выделяемые правительством, были ограничены, что не могло в полном объеме удовлетворить потребности в строительстве. Поэтому сельские труженики за счет собственных средств возводили дома и социально-культурные учреждения.

Колхозы израсходовали на капитальное строительство из своих средств более 300 млн руб. и, кроме того, получили банковской ссуды в размере около 22 млн руб. [9, л. 25–26].

Необходимость скорейшего выполнения восстановительных работ способствовала трудовому подъему колхозников, их стремлению ускорить темпы послевоенных восстановительных работ, которое нашло свое выражение в широком развитии социалистического соревнования колхозных бригад, сел и районов за досрочное выполнение планов строительных работ, и выполнение послевоенной пятилетки в четыре года.

Придавая особое значение развитию творческой активности масс, краевое управление Краснодарского края в 1948 г. заключило договоры на социальное соревнование по выполнению плана сельского и колхозного строительства с Ставропольским краем и Ростовской областью. Соревнованиями были охвачены все районные отделы сельского и колхозного строительства, большинство строительных колхозных бригад. По этому договору участники должны были:

1) построить 7500 жилых домов колхозников;

2) построить животноводческие постройки колхозов общей вместимостью 248 тыс голов;

3) зернохранилищ и сушилок 500 объектов;

4) Построить и восстановить кирпичных заводов 120, черепичных – 40.

Обучить колхозников строительным профессиям – 1441 человек [10, л. 25–26]. Победителем в этом соревновании стали строительные бригады Краснодарского края. Ими были выполнены все условия договора.

Итоги соревнований показали, что в колхозах исследуемых регионов было мобилизовано значительное количество колхозников-строителей, которые успешно справлялись с выполнением плановых заданий. Так, в Тацинском районе Ростовской области в сельхозартели «Красное знамя» строительную бригаду успешно возглавлял с 1945 г. Исаев М.Т., инвалид Отечественной войны. Его бригада в Тацинском районе заняла первое место и получила денежную премию. Она досрочно и хорошо построила в 1947 г. 5 домов для колхозников, 5 общественных животноводческих построек, 1 зернохранилище, детские ясли и общежитие на полевом стане колхоза. В Целинском районе бригада колхоза им. 1 Мая, возглавляемая Н.И. Слободчиковым, в 1947 г. построила кирпичный завод, 31 дом для колхозников и 3 животноводческих постройки. За 1951–1957 гг. бригада строителей колхоза им. Сталина Сальского района Ростовской области, которую возглавлял В.П. Коптев, построила для колхозников свыше 200 домов, в основном, кирпичных [3, с. 91]. По всем жилым кварталам двух поселков этого крупного колхоза был проложен водопровод, а во дворах некоторых колхозников – индивидуальные водоразборные колонки [3, с. 91].

В Ставропольском крае строительные конторы были организованы в 24 районах. В 851 колхозе организованы строительные бри-

гады, которыми охвачено 8540 плотников, каменщиков, саманщиков, печников и кровельщиков [28, л. 114]. В колхозе «Молот» Воронцово – Александровского района образцы работы показал бригадир строительной бригады Скидан, который со своей бригадой за короткий срок капитально отремонтировал 5 жилых домов колхозников [28, л. 114].

В сельском строительстве использовались, главным образом, местные строительные материалы. Так, например, почти во всех районах региона имелась глина, пригодная для производства кирпича и черепицы. Были и такие районы, где имелся глиногипс и мел. Во многих районах добывались известняк и бутовый камень. В течение двух лет, по неполным данным, в Ростовской области было заготовлено и использовано для колхозного строительства: древесины – 81 тыс кубометров, кирпича – 8 млн шт., черепицы – 760 тыс шт., извести – 1800 т и самана – 35 млн шт. В некоторых районах в качестве стенного материала при строительстве жилых домов использовались местные меловые залежи. В южных районах Ростовской области колхозы для побелки применяли глиногипс. Изыскивались заменители остродефицитных строительных материалов. Широко применялись местные породы древесины. Рабочие изготавливали заменители цемента, из проволоки делали шурупы и гвозди [28, л. 114]. Но все эти рационализаторские мероприятия в колхозном строительстве не получали в регионе большого развития.

Однако местные строительные материалы были не во всех исследуемых регионах. Так, например, в Ставропольском крае и Ростовской области отсутствовал строительный лес. А небольшие лесные насаждения, которые имелись преимущественно в северной части Ростовской области, серьезной роли в строительстве не могли играть, особенно, если учесть, что и они во время оккупации сильно пострадали. Поэтому для строительства употреблялись в качестве стенного материала большей частью камень и саман. Кровля же в большинстве случаев делалась из камыша. Для строительства требо-

валось большое количество леса, который расходовался, главным образом, на устройство стропил и обрешетку животноводческих и хозяйственных построек. Поэтому весьма важное значение имела максимальная экономия леса при строительстве этих объектов. С этой целью Областное управление по делам сельского и колхозного строительства провело в 1946 г. в колхозе имени Жданова Степновского района Ростовской области опытное строительство коровника с камышово-арочным перекрытием без применения стропил и обрешетки. Пучки камыша, предварительно связанные проволокой по определенной дугообразной форме, были уложены на стены и прогоны внутри здания и скреплены между собой для прочности небольшими деревянными кольями. Практика показала, что при устройстве такого перекрытия можно сэкономить большое количество леса. Замена строительного леса новыми технологиями не могла полностью исключить этот материал из строительства, поэтому его нехватка тормозила восстановительные работы, в первую очередь, в Ростовской области и Ставропольском крае.

В тех случаях, когда замена строительного леса была невозможна, краевое руководство пыталось договориться с руководством соседнего региона. Так, председатель Ставропольского крайисполкома А.А. Баранов просил в своей докладной записке секретаря Краснодарского крайкома П.И. Селезнева рассмотреть вопрос о выделении лесосечного фонда в количестве 45 тыс пилокубометров и отводе Ставропольскому крайисполкому лесозаготовительных участков на 1945 г. из лесов местного значения Краснодарского края.

Несмотря на то, что за истекшие пять лет после освобождения в колхозах Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области было проведено строительство, все же предстояло еще много и упорно трудиться, чтобы полностью ликвидировать последствия немецкой оккупации. В оставшиеся годы послевоенной пятилетки планировалось перестроить не менее 14600 жилых домов. При этом предстояло строить дома колхозников по заранее подготовленным

архитектурным проектам. В статье «Большая общественная задача» М.И. Калинин ещё в 1943 г. указывал: «не мешало бы в отстраивающихся сёлах распространить типовые проекты сельских домов. Это значительно облегчило бы каждой колхозной семье постройку собственного дома» [29, л. 124].

В работе по сельскому и колхозному строительству партийные и советские органы столкнулись со многими серьезными трудностями, райисполкомы ряда районов не смогли принять мер к тому, чтобы ликвидировать землянки и переселить колхозников в благоустроенные дома. Так, по данным официальной отчетности уполномоченного Госплана СССР в колхозах Ставропольского края в 1943 г. проживало в землянках 336 семейств (Ипатовский, Шпаковский, Дмитриевский, Труновский и др.) [27, л. 111]. В ряде колхозов Аполлонского, Арзгирского, Будёновского, Левокумского, Невинномыского и др. (всего 10 районов) строительные бригады не были созданы. Одной из помех в строительстве было использование строительных бригад не по назначению (на ремонт колхозного инвентаря) и т.д. [30, л. 117–118].

Большим тормозом в развитии сельского и колхозного жилищного строительства являлась необеспеченность строек строительными материалами. Так, 9 марта 1949 г. на имя председателя крайисполкома Пантикоева пришла докладная записка от председателя колхоза «Путь к социализму» Серипнеченко А.И. Когоновеческого района с просьбой помочь в приобретении лесоматериалов в размере 40 куб. м и 10 ящиков стекла на восстановление жилищ колхозников и хозяйственных построек в колхозе [11, л. 28–29]. В соответствии с этим прошением 12 марта 1949 г. было выделено краевым управление по делам сельского и колхозного строительства при Краснодарском крайисполкоме 1100 куб. м деловой древесины и 50 куб. м готовой древесины. В отношении выделения оконного стекла колхозу было возбуждено ходатайство перед коопстройотделом [11, л. 29]. И таких примеров можно привести огромное количество, но, к сожале-

нию, не все запросы районного руководства могли быть удовлетворены.

Для колхозного строительства требовалось большое количество не только леса и стекла, но и кирпича, черепицы и других строительных материалов. Строительство заводов по производству этих стройматериалов в колхозах осуществлялось с большими трудностями и весьма медленно. В 1945–1946 гг. в Ставропольском крае планировалось построить не менее 130 кирпичных и 65 черепичных заводов с тем, чтобы для колхозного строительства в эти годы было выработано не менее 25 млн штук кирпича и до 5 млн штук черепицы.

Часто планы колхозного и сельского строительства были завышенными и нереалистичными. Так, например, руководящие органы Георгиевского района утвердили на 1946 г. план по жилищному строительству в 1,159 тыс руб. и на колхозное строительство – в 3,562 тыс руб. Для выполнения этого плана району потребовалось около 2 млн штук кирпича, 650 тыс штук черепицы и 350 т извести. Намеченный райисполкомом план восстановления и пуска в эксплуатацию трёх кирпичных заводов и двух известковых печей не смог покрыть потребности в строительных материалах [9, л. 12]. Такие факты были не единичны. Так, например, заведующий отделом сельского и колхозного строительства Штейнгардского района представил в Краснодарское краевое управление сведения о предполагаемом строительстве в колхозах на 1948 г. по доходам и хозяйственным постройкам коллективов. По рассмотрению этих данных они были включены в краевой план строительства и утверждены крайисполкомом. При проверке хода строительства было установлено, что район не выполнил план строительства, как по домам, так и по хозяйственным постройкам. Руководитель строительного отдела давал следующее объяснение: «Когда я составлял план колхозного строительства, не учли наличие капитальных вложений и доходов колхозов и утвердили решением райисполкома от 2.10.1947 г. план строительства домов колхозников и хозяйственных построек колхозов на сумму 2937 тыс руб., обосновываясь только расчетом необходимых средств». Составляя предварительные данные по строительству, ру-

ководство района не согласовало их с колхозами, и они не были отражены в приходно-расходных сметах колхозов. Планирование сверху без учета финансового положения колхозов привело к невыполнению плана жилищного и колхозного строительства. Поэтому рабочий план строительства жилых домов был выполнен на 77%, а хозяйственных построек – на 60% [41, с. 246].

В числе самых острых социальных проблем, с которыми страна продолжала сталкиваться в начале 50-х годов, был жилищный вопрос. В результате военных разрушений без крова осталось 25 млн человек. Нередко в одной комнате ютились две, а то и три семьи. Удобства – часто на дворе. Но и такие условия доставались далеко не всем.

Важное значение для развития колхозного и сельского строительства в регионе имело постановление СНК РСФСР от 8 июля 1954 г. Этим документом правительство Российской Федерации устанавливало определенный порядок восстановления и строительства домов для колхозников, планирования жилищного, хозяйственного и культурно-бытового строительства, а также планировки и застройки сельских населенных пунктов, руководства сельским и колхозным строительством, организации и снабжения его строительным материалами и т. д.

Чтобы снять остроту проблемы, по инициативе Н.С. Хрущева были приняты решительные меры по увеличению жилищного строительства. Ставилась задача строить больше, быстрее и дешевле. Указывались пути её решения: широкое применение типовых проектов, внедрение индустриальных поточных методов возведения жилых зданий, широкое применение железобетона и блочных конструкций. В крупных городах строили преимущественно четырех- и пятиэтажные здания. В таких домах можно было обойтись без лифта, упростить специальное инженерное оборудование. В небольших городах и рабочих поселках сооружались дома преимущественно в два-три этажа.

Динамичный рост жилищного строительства в пятидесятые и шестидесятые годы характеризует таблица 13.

Таблица 13. *Улучшение жилищных условий, населения в 50–60-х гг.*

Годы	Получило жилье	Годы	Получило жилье	Годы	Получило жилье
1950	5,3 млн чел.	1957	10,1 млн чел	1961	11,3 млн чел.
1952	5,4 млн чел.	1958	11,5 млн чел.	1962	11,2 млн чел.
1954	6,5 млн чел.	1959	12,6 млн чел.	1963	11,0 млн чел.
1956	7,8 млн чел.	1960	12,0 млн чел.	1964	10,3 млн чел.

Из таблицы видно, что развитие жилищного строительства в период поствоенной модернизации отличалось динамизмом, это обеспечивалось, в свою очередь, высокими темпами роста капитальных вложений и опережающим темпом ввода основных фондов.

Если за период 1951–1955 гг. по РСФСР было введено в действие 143,3 млн кв. м общей площади, то в 1956–1960 гг. – 280,8 млн кв. м, а в 1961–1965 гг. – 279,6 млн кв. м [39, с. 158]. За каждую пятилетку, начиная с 1956 г., строилось больше жилья, чем за весь период с 1917 по 1950 гг. Причем, в отличие от прошлых лет, строились благоустроенные квартиры с водопроводом, канализацией, ванной. В целом в 50–60-х годах была реализована крупномасштабная программа жилищного строительства. За 9 лет (с 1956 по 1965 гг.) было введено в действие 767,1 млн кв. м жилья [36, с. 133–135].

Быстрыми темпами велось жилищное строительство и в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области.

В исследуемых регионах в сельское строительство ежегодно вкладывались большие суммы государственных и колхозных средств. Так, финансовые вложения в капитальное строительство на Кубани в 40–60-х гг. показаны в таблице 14.

Таблица 14. *Капитальные вложения за счет всех источников финансирования (млн руб.)*

Годы	**Капитальные вложения**
1940	68
1950	365
1960	644

Если в 40-м году за счет источников финансирования в капитальное строительство было вложено 68 млн руб., то к концу выполнения четвертого пятилетнего плана капитальные вложения выросли в 5,4 раза и в абсолютных цифрах составили 365 млн руб. Темпы роста капитальных вложений не снижались и в последующее десятилетие и в 1960 г. выросли почти в 2 раза, составив 644 млн руб.

В отчете Управления по строительству колхозов исполкома Ставропольского краевого Совета депутатов трудящихся о законченном строительстве и вводе в действие производственных, хозяйственных, культурно-бытовых помещений и жилых домов колхозников за 1953 г. говорилось, что в Ставропольском крае жилых домов для колхозников было построено 2812. Их площадь – 83218 кв. м, из которых построено по типовым проектам – 1953. Из них кирпичных – 91 с общей площадью – 2844 кв. м, деревянных рубленных – 128 с общей площадью – 4783 кв. м, турлучных – 493 с общей площадью – 15647 кв. м, глинобитных и саманных – 2053 с общей площадью – 58347 кв. м и каркасных в забирку – 41 с общей площадью – 1378 кв. м. Всего построено колхозными строительными бригадами 109 домов. В аналогичном отчете по Ростовской области жилых домов для колхозников было построено 1506 с общей площадью 41042 кв. м [37, с. 76], что в среднем составляло 27,25 кв. м на один дом. Это было недостаточно для нормального проживания.

Но при всех достижениях строительства в сельской местности следует отметить существенные трудности. Так, в 1950 г. в плане работы краевого управления по делам сельского и колхозного строительства при Краснодарском крайисполкоме отмечалось наличие

районов, имеющих на своей территории землянки, в которых проживали колхозники. От руководства этих районов требовалось принять меры по строительству домов, переселению колхозников в свободные дома, имеющиеся на территории колхозов и совхозов, а также выполнению плана колхозного строительства по домам на 20% и по животноводческим постройкам не менее чем на 15% годового плана [37, с. 71].

Декабрьский (1956 г.) Пленум ЦК КПСС признал необходимым изыскать дополнительные средства на жилищное строительство и развитие материальной базы стройиндустрии. Стали возводиться блочные, а затем крупнопанельные дома, до предела была доведена стандартизация проектов. Это способствовало удешевлению строительства и сокращению его сроков. Подсчеты показывали, что при застройке населенного пункта жилыми домами по экономичным проектам и рациональном сооружении целых кварталов и улиц индустриальными методами, стоимость одного квадратного метра жилой площади снижалась на 10–15% [14, л. 5].

Таким образом, при тех же затратах ресурсов на каждые сто домов, можно было построить ещё десять. В результате такого сокращения затрат отдельная квартира могла постепенно превратиться для миллионов семей из редчайшего исключения в норму.

Использование индустриальных методов при строительстве жилых домов делало возможным увеличить количество нового жилья в исследуемых регионах в короткие сроки (таблица 15).

Таблица 15. *Жилищный фонд в городах и поселках городского типа (общая площадь, на конец года в тыс кв. м)*

Годы	**Весь жилищный фонд**	**В том числе в собственности граждан**	**В среднем на одного жителя**
1950	6131	3303	6,7
1960	12303	7488	8,5

Темпы строительства в Краснодарском крае за четыре послевоенных пятилетки показаны в таблице 16.

Таблица 16. *Жилищное строительство в Краснодарском крае в 40–60-х гг.*

Годы	**Ввод в действие жилых домов, тыс кв. м общей площади**		**Использовано капитальных вложений за счет всех источников финансирования (в фактических ценах, млн руб.)**
	Всего	**В том числе населением**	
1946–1950	3965	2045	306
1951–1955	4858	2695	335
1956–1960	9051	5718	788
1961–1965	8591	5460	739

Из таблицы видно, что, начиная с 1946 г. увеличивалось количество ввода в действие жилых домов, пик строительства которых пришелся на шестую пятилетку. Рост финансирования строительства также увеличивался до 1961 г. Затем, в седьмой пятилетке, использование капиталовложений сократилось на 49 млн руб. Но эта сумма все равно превысила финансирование пятой пятилетки на 404 млн руб. Это стало возможным благодаря тому, что, начиная со второй половины 50-х годов направление жилищного строительства стало рассматриваться правительством как приоритетное.

Однако, несмотря на расширение строительства нового жилья и увеличение на эту программу бюджетных средств, возникла острая необходимость в ускорении его темпов. С этой целью 24 сентября 1956 г. было принято постановление «О мероприятиях по ускорению темпов жилищного строительства в крае».

При этом ход соревнования отражался в средствах массовой информации. Газета «Ставропольская правда» систематически освещала ход социалистического соревнования по выполнению обязательств: по строительству жилых домов, культурно-бытовых, просветительских учреждений и благоустройству населенных пунктов [17, л. 12].

Вместе с тем бюро Краснодарского и Ставропольского крайкомов КПСС и Ростовского обкома КПСС отмечали, что темпы индустриализации жилищного строительства в регионах все еще очень низкие и не обеспечивают выполнение решений июньского 1959-го г. и июльского 1960-го г. пленумов ЦК КПСС по вопросам технического прогресса.

Это являлось одной из основных причин высокой стоимости жилья и его низкого качества. В 1959–1960 гг. средняя стоимость одного кв. м жилья в Ставропольском крае составляла около 1500 руб., в то время как на передовых стройках страны она не превышала 1100–1200 руб. [18, л. 19]. Поэтому на заседании Ставропольского бюро краевого комитета партии было принято решение «О мерах по индустриализации жилищного строительства в крае». В документе отмечалось: «несмотря на то, что в жилищном строительстве края за последние годы были проведены некоторые работы по внедрению индустриальных методов, «Краймежколхозстрою» рекомендовалось увеличить производство сборного железобетона для межколхозных организаций» [19, л. 12–16]. Поэтому уже в 1961 г. было увеличено производство сборного железобетона, изготовляемого в заводских условиях, все в больших размерах применялись крупные блоки при возведении стен и крупноразмерные железобетонные плиты для перекрытия зданий. Так, если в 1957 г. в Ставропольском крае было изготовлено 39,7 тыс куб. м сборного железобетона, то в 1960 г. его было изготовлено около 160 тыс куб. м. Расход сборного железобетона на 1 млн руб. при выполнении строительно-монтажных работ на жилье составил в 1960 г. около 200 куб. м.

Результатом этого во втором году семилетки в Ставропольском

Бюро Краснодарского и Ставропольского крайкомов КПСС, а также Ростовского обкома КПСС отмечали острый недостаток жилищного фонда в своих регионах, горкомы, райком КПСС, и руководители хозяйствующих учреждений и предприятий недостаточно, по их мнению, занимались жилищным строительством и не принимали необходимых мер к полному освоению выделяемых государственных средств на строительство [15, л. 5–10]. Поэтому бюро Ставропольского крайкома КПСС, руководствуясь решениями XX съезда о необходимости серьезного улучшения и значительного расширения жилищного строительства, постановило выполнить план жилищного строительства и ввести в эксплуатацию жилые площади как за счет централизованных государственных средств, так и за счет максимальной мобилизации внутренних ресурсов, а именно обязать крайисполком, краевой финансовый отдел, руководителей хозяйствующих организаций и предприятий направлять 5% отчислений от накоплений промысловых кооперативов, отчислений от накоплений местной промышленности, а также сверхплановых накоплений краевых управлений промышленно-продовольственными товарами и легкой промышленности. Поручить крайкому ВЛКСМ систематически проводить разъяснительную работу среди комсомольцев и молодежи по привлечению их на стройки края [16, л. 11].

В соответствии с данным документом требовалось увеличить жилую площадь вводимого фонда в 3 раза, а также колхозникам, осуществляющим строительство, рекомендовалось выдавать кредиты и технику.

7 января 1957 г. в строительстве развернулось коммунистическое движение между строительными бригадами. Так, например, колхозники, рабочие и служащие Невинномыского района обратились ко всем колхозникам, рабочим и служащим Ставропольского края с предложением о строительстве жилых домов, культурно-бытовых учреждений и благоустройстве населенных пунктов, с принятием конкретных обязательств по строительству [17, л. 12].

крае стало строительство пяти домов из крупных блоков общей площадью 5500 кв. м [20, л. 15]. Однако при всех положительных моментах на заседании бюро крайкома КПСС в докладе «О ходе выполнения плана жилищного строительства на 1 полугодие 1961 г.» отмечалось, что государственный план по вводу жилья в эксплуатацию за первое полугодие 1961 г. выполнен неудовлетворительно [21, л. 21]. При выполнении плана капвложений на 111% план ввода жилья выполнен был всего лишь на 63%, в том числе предприятиями и организациям совнархоза на 84%, предприятиями и организациями, подведомственными крайисполкому – на 94%.

Также крайне неудовлетворительно выполнялся план по вводу жилья в эксплуатацию Ставропольским краевым управлением совхозов – всего лишь на 41%, в результате было не додано 15,5 тыс кв. м жилой площади. Краевое управление заготовок ввело в эксплуатацию всего лишь 990 кв. м при плане 3000 кв. м, что составило 33% к полугодовому плану [22, л. 22].

Основная причина невыполнения плана в строительстве состояла в том, что допускалось рассредоточение денежных средств и материально-технических ресурсов по неоправданно большому количеству одновременно строящихся предприятий и объектов. Только строительные тресты совнархоза в Ставропольском крае в 1961 г. вели работы на более тысячи объектах. К тому же многие стройки не были обеспечены строительными материалами, изделиями, оборудованием, в результате сроки их строительства непомерно растягивались, а вложенные в них большие ресурсы долгое время не давали государству отдачи [23, л. 13–14]. Из-за простоев и прогулов было потеряно 30,4 тыс человеко-дней.

При этом строительство в регионах велось чаще всего комплексно, т.е. одновременно с жильем сооружались производственные объекты, учреждения социальной инфраструктуры, обращалось внимание на благоустройство сельской территории. Так, например, в Ставропольском крае только за 1959–1960 гг. в городах и районах было построено и введено в действие более 80 новых промышлен-

ных предприятий и цехов, 63 школы, больницы на 302 койкоместа, 580 тыс кв. м жилья [24, л. 12]. Плановая комиссия Краснодарского края на 1956-1960 гг. по коммунальному хозяйству привела данные о финансировании, которые, нашли отражение в таблице 17 [13, л. 2].

Таблица 17. *Капитальное строительство в коммунальном хозяйстве*

Показатели	**Ед. изм.**	**1955 г.**	**1956 г.**	**1957 г.**	**1958 г.**	**1959 г.**	**1960 г.**
Объем строительно-монтажных работ в сметных ценах с 01.07.1955 г.	млн руб.	10,96	11,6	25,6	30,5	32,8	33,1

Из приведенной таблицы видно, что за период с 1955 г. по 1960 г. происходит значительный рост капиталовложений в коммунальное хозяйство Краснодарского края, которое составило за пятилетку 22,14 млн руб.

Таким образом, общий объем финансирования с 1955 г. по 1960 г. увеличился на 87,1 млн руб. по жилищному хозяйству и на 74,4 млн руб. – по коммунальному.

Развернувшееся строительство буквально на глазах меняло облик Кубани, Ставрополья и Дона, в сельской местности появлялись новые жилые массивы и микрорайоны с широкими улицами, площадями и скверами.

Так, например, к 1964 г. в Краснодарском крае на базе комплекса передовых промышленных предприятий, размещенных в станицах, стали возникать новые города: Крымск, Кореновск, Тимашевск и др.

Ярким примером нового строительства на селе стал Славянский район Краснодарского края. С расширением посевных площадей риса на территории рисового совхоза «Красноармейский» стали появляться благоустроенные поселки Первомайский, Октябрьский, Мирный, Заря, Дружный и ряд других. Центром нового строительства стала центральная усадьба совхоза, которую можно было назвать

современным красивым городком. Вокруг центральной площади поселка Октябрьского в четком архитектурном ансамбле разместились Дворец культуры, гостиница, столовая, почта, мастерские бытового обслуживания, средняя школа, участковая больница. К услугам учащихся и молодежи были построены спортивный зал с плавательным бассейном, стадион. Открыт университет культуры, работали различные кружки художественной самодеятельности. При этом совхоз был полностью электрифицирован [1, с. 29–31].

Расширялись станицы и хутора, строились семь новых целинных, рисовых и зерновых совхозов. Для каждого из них планировалось построить агрогородки. В них, кроме комплексов культурно-бытовых и детских учреждений, предполагалось создание зоны отдыха для колхозников и рабочих совхозов.

При этом застраивались поселки только двух- и четырехэтажными зданиями с водопроводом, канализацией, газом и другими удобствами. На территории зерносовхозов «Сладковский», «Проточный» и «Чебургольский» Красноармейского района выросли целые комплексы новых зданий. В них вошли: школы, жилые дома, магазины, столовые, бытовые мастерские. Дома городского типа со всеми удобствами сооружались в колхозах и совхозах других районов.

За годы семилетки трудящиеся Кубани получили более 3 млн кв. м жилой площади. Кроме того, в городах, рабочих поселках и сельской местности построено свыше 150 тыс индивидуальных жилых домов. В широких масштабах проводилась газификация городов и станиц. Природный газ получили трудящиеся Майкопа, Тихорецка, Усть-Лабинска и других населенных пунктов края. В 1960 г. было газифицировано 68,8 тыс квартир и жилых домов, в 1965 г. – 207,4 тыс.

В отчете о выполнении плана ввода в действие мощностей, основных фондов и плана капитальных вложений за 1965 г. по Ставропольскому краю сообщалось, что его выполнение осуществлено в следующем объеме: квартир в жилых домах всего 136, в том числе однокомнатных – 36, двухкомнатных – 58, трёх и более – 42, из них

газифицированных – 112. Всего же в сельской местности было введено 6240 кв. м площади [35, л. 3]. Таким образом, темпы строительств жилья несколько снизились.

В итоге необходимо отметить две особенности в жилищном строительстве 50–60-х годов. Во-первых, если абсолютный размер увеличения ввода жилья на 10 миллионов квадратных метров в начале 50-х годов удалось осуществить за пять лет, то во второй половине такой прирост дополнительного жилья получали почти ежегодно. Это свидетельствовало о том, что советское правительство отводило жилищной политике приоритетное направление. Во-вторых, в последующие пятилетки не удалось удержаться на таком высоком уровне жилищного строительства: показатель 1960 г. по поводу нового жилья был превышен только в 12-й пятилетке [37, с. 71–72].

Оценка «метода Н.С. Хрущева» по ускорению жилищного строительства до сих пор неоднозначна. В 1957 г. законодательно было определено, что нормальным жилищем для семьи является отдельная квартира. Если по сегодняшним меркам пятиэтажные дома, выстроенные в те годы, со смежными комнатами «трамвайчиком», маленькой кухней, совмещенным санузлом, зачастую с титаном для подогрева воды кажутся дискомфортными, нелепыми и устаревшими, то для людей, переехавших из землянок, бараков, общежитий, переполненных «коммуналок» это был переход к новому, несравненно более высокому жизненному стандарту. Когда десятки миллионов людей, потерявших надежду, что их очередь на жильё когда-нибудь приведет к желаемому результату, вдруг стали переезжать в собственные комнаты, а многодетные – в отдельные двух- или трехкомнатные квартиры.

Делая выводы, необходимо отметить следуещее.

1. В результате временной оккупации Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области немецко-фашистскими захватчиками в сельской местности было разрушено десятки тысяч домов колхозников и разных хозяйственных, общественных, культурно-бытовых и социальных объектов.

2. Советское правительство четко определило масштабы восстановительных работ в селах и станицах изучаемого региона, которые начались сразу после изгнания немецких оккупантов.

3. Для выполнения жилищного строительства повсеместно создавались колхозные строительные бригады, которые качественно и в короткие сроки возводили культурно-бытовые объекты и дома сельским труженикам.

4. После окончания Великой Отечественной войны строительство жилых домов, хозяйственных и культурно-бытовых построек приобрело особенно широкий размах и особенностью жилищного строительства на селе в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области было то, что использовались, главным образом, местные строительные материалы: глина, для производства кирпича и черепицы, глиногипс, камень и т.д. Почти во всех районах создавались строительные бригады, работавшие за трудодни.

5. Мобилизация сил и средств, организация социалистического соревнования способствовали высоким темпам развития строительства жилья и социально-бытовых объектов на селе, развитию благоустройства, дорожному строительству.

6. В осуществлении планов восстановительных работ центральные и местные органы оказывали колхозам некоторую помощь финансами и строительными материалами. Однако средства, выделяемые правительством, были ограниченными, поэтому колхозники вели строительство в основном за свой счет.

Примечания 3.1

1. Блокнот агитатора. – 1964. – № 16.

2. Вербицкая, О.М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву, середина 40-х – начало 60-х гг. / О.М. Вербицкая; Рос. акад. наук, ин-т истории России. – М.: Наука, 1992. – 222 с.

3. Возрождение. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1948.
4. ГАКК. Р. 687. Оп. 3. Д. 403. Л. 76.
5. ГАКК. Р–687. Оп. 3. Д. 403. Л. 9.
6. ГАКК. Р–687. Оп. 3. Д. 403. Л. 20.
7. ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 3. Д. 403. Л. 8–9.
8. ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 3. Д. 403. Л. 10–11.
9. ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 3. Д. 403. Л.12.
10. ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 3. Д. 403. Л. 25–26.
11. ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 3. Д. 403. Л. 28–29.
12. ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 3. Д. 403. Л. 30.
13. ГАКК. Ф. Р–1378. Оп. 2. Д. 92. Л. 2.
14. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2611. Л. 5.
15. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2611. Л. 5–10.
16. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2682. Л–11.
17. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2682. Л. 12.
18. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2682. Л. 19.
19. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3174. Л. 12–16.
20. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3272. Л. 15.
21. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3322. Л. 21.
22. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3322. Л–22.
23. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3322. Л. 13, 14.
24. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3442. Л. 12.
25. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 5. Д. 67. Л. 3.
26. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 11. Д. 181. Л. 112.
27. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 11. Д. 181. Л. 113.
28. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 11. Д. 181. Л. 114.

29. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 11. Д. 181. Л. 124.

30. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 11. Д. 181. Л. 117–118.

31. ГАСК. Ф. Р–1852. Оп. 11. Д. 181. Л. 129.

32. ГАСК Ф. Р–1852. Оп. 11. Д. 181. Л. 130.

33. ГАСК. Ф. Р–5816. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

34. ГАСК Ф. Р–5816. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–2.

35. ГАСК. Ф. Р–4419. Оп. 1. Д. 245. Л. 3.

36. ГАСК. Ф. Р–5816. Оп. 1. Д. 58. Л. 133–135.

37. XX съезд КПСС и его исторические реальности / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / Под общ. ред. В.В. Журавлева. – М.: Политиздат, 1991. – 416 с.

38. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1938–1945 гг.). Т. 7 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; общ. ред. А.Г. Егоров, К.М. Боголюбов. – 9-е изд. – М.: Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1985. – 574 с.

39. Лейбович, О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. / О. Лейбович. – Пермь: Пермский ун-т, 1993. – 182 с. – (История отечества. Документы. Материалы. Комментарии).

40. Народное хозяйство СССР в 1970 году: стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Статистика, 1971. – 823 с.

41. Народное хозяйство РСФСР в 1980 году: стат. ежегодник / ЦСУ РСФСР. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 406 с.

42. Народное хозяйство РСФСР в 1985 году: стат. ежегодник / ЦСУ РСФСР – М.: Финансы и статистика, 1986. – 400 с.

43. Наш край: документы, материалы (1917–1977 гг.) / Парт. архив Ставропольского обкома КПСС; Гос. архив Ставропольского края. – Ставрополь: Кн. Изд-во, 1983. – 406 с.: ил.

44. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. – М.: Политиздат, 1968. – 751 с.

45. Советская деревня в первые послевоенные годы: 1946–1950 / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; ред. И.М. Волков. – М.: Наука, 1978. – 511 с.

3.2. Улучшения системы снабжения и быта сельских тружеников

Условия жизни колхозного крестьянства после окончания войны определялись многими факторами, среди которых главное место занимали её последствия. Помимо основной и невосполнимой потери в людях, война нанесла огромный материальный ущерб экономике, в том числе общественному колхозному производству и личному подсобному хозяйству крестьянской семьи. Это имело тем большее значение, что конкретное положение того или иного колхоза, его доходность или убыточность во многом определяли уровень жизни людей, работавших в нем.

Снижение производства и недовыполнение плановых заданий по заготовке и закупкам стали причиной задолженностей колхозов государству. Многие колхозы имели крайне низкие доходы: в 1945 г. около 10% из общего числа приносили доход менее 10 тыс руб. (в ценах того времени) [18, с. 26]. Ухудшение экономического положения колхозов в сочетании с тем, что в годы войны государство забирало у них всё, практически лишало колхозы возможности выплачивать материальное вознаграждение за труд. Во многих колхозах к моменту окончания войны оплата была настолько низкой, что крестьяне получали за свой труд в 2–3 раза меньше продуктов, чем рабочие и служащие по карточкам [1, с. 335]. Вследствие этого жизненные условия крестьян к началу послевоенного периода были крайне тяжелыми.

После окончания войны, в 1946 г., правительство выработало

программу послевоенного возрождения экономики, была поставлена задача первоочередного восстановления промышленности, колхозно-совхозного производства, планировалось в короткий срок восстановить и превысить довоенные посевные площади, поднять урожайность полей, увеличить поголовье общественного стада и его продуктивность.

В обращении ЦК ВКП (б) к избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР от 2 февраля 1946 г., в известной речи И.В. Сталина перед избирателями и особенно в Законе «О четвертом пятилетнем плане» говорилось и о подъеме жизненного уровня народа. Закон «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» намечал «превзойти довоенный уровень народного дохода», «развернуть массовое производство предметов широкого потребления», «умножить колхозные доходы» и т. д. Но такие положения не всегда подкреплялись соответствующими материальными ресурсами. Относительно более подробно были разработаны вопросы строительства жилья и в связи с этим производства строительных материалов.

В 1946–1947 гг. советское руководство планировало перейти от нормированного снабжения населения хлебопродуктами по карточкам к развернутой торговле [12, с. 288]. В своей речи перед избирателями в феврале 1946 г. И.В. Сталин выдвинул задачу «добиться, чтобы колхозная деревня в короткий срок преодолела трудности, вызванные войной, чтобы все колхозники жили зажиточно и культурно» [25, с. 10]. Однако выполнение такой задачи всего лишь за пять лет при крайне низком на тот момент уровне производственных сил, подорванных войной, по мнению О.М. Вербицкой, было нереально [3, с. 135].

В решении XIX съезда ЦК КПСС обращалось внимание на необходимость повышения материального положения крестьянства. За предстоящие (до 1956 г.) пять лет намечалось поднять денежные и

натуральные доходы колхозников не менее чем на 40% [12, с. 280]. Но под осуществление этой задачи по-прежнему не подводилось реальной экономической базы. В основном на крестьянство воздействовали административными средствами.

Идеи советского руководства в концептуальном плане развивал журнал «Плановое хозяйство» (орган Госплана СССР). На его страницах прослеживается стремление пропагандировать в хозяйственной практике категории экономической целесообразности. Характерен пример одной из статей, где подчеркивалось: «переход к мирной экономике требует перестройки, планирования и укрепления экономических рычагов организации производства и распределения – денег, цены, кредита, прибыли премии». В другой публикации обосновывалась необходимость конкретных отношений в торговой системе, приветствовалось устранение монопольного положения государственной торговли, развитие здоровой конкуренции между ней и кооперацией [22, с. 47]. Обращает на себя внимание частое использование в понятийном аппарате статей журнала термина «конкуренция», что было не очень привычно для тогдашних идеологических стандартов. Такие же мотивы преобладали и в газете «Правда». В передовой от 6 января 1947 г. говорилось: «Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Чем шире будет развернут товарооборот, тем быстрее поднимется благосостояние советских людей, тем лучше будут удовлетворены их насущные нужды» [24, с. 47].

Заметим, что эти мысли излагались в период наибольшего расцвета культа личности И.В. Сталина. Еще более примечательно и само название редакционной статьи: «Советская торговля – наше родное большевистское дело».

Поставленные задачи в некоторой мере были воплощены в жизнь, так например масштабы кооперативной торговли в СССР заметно возрастали: её розничный оборот в марте 1947 г. увеличился по сравнению с декабрем 1946 г. почти в три раза, а до конца этого года поднялся ещё в два раза [24, с. 19]. За 1947 г. в целом по стране кооперативными организациями было закуплено более 180 тыс т мяса, свыше 9 тыс т жиров, 83 млн литров молока, около 200 тыс т картофеля, 195 тыс т овощей, 126 тыс ящиков яиц и т.д. [24, с. 19]. Сопровождая многочисленные публикации о важности развития торговли для населения, «Правда» указывала: «все мелочи торгового дела должны быть предусмотрены, ибо речь идет не о какой-то временной кампании, не о проведении эпизодической ярмарки, а о торговле всерьез и надолго» [21, с. 40–41].

Таким образом, первые послевоенные годы характеризовались формированием политического курса, связанного с коррекцией приоритетов хозяйственного развития в сторону производства товаров народного потребления и попытками укрепления денежной системы. Мы разделяем вывод Р. Пехоя о первых годах послевоенного периода: «нельзя не отметить, что команда Жданова-Вознесенского смогла добиться и определенных положительных результатов в экономической области, среди которых считаем необходимым отметить, прежде всего, отмену карточной системы, проведение денежной реформы и вызванное этим некоторое усиление товарно-денежных отношений в стране» [21, с. 40–41].

Однако надо отметить, что данные новации не утвердились в общественной практике как преобладающие.

Важно не то, что рассматриваемый политический курс не стал определяющим при жизни И.В. Сталина, а то, что попытки его претворения в жизнь явились основой более масштабной реализации данного подхода в новых исторических условиях 1953–1954 гг. – после смерти вождя.

А тем временем на Западе полным ходом шло формирование так называемого общества массового потребления, где удовлетворение потребностей людей являлось не пропагандистской целью, а выступало главным смыслом функционирования экономики [21, с. 62].

В послевоенный период получили оформление многие идеи, впоследствии энергично внедрявшиеся в жизнь уже самим Хрущевым. Об этом дает представление «Проект программы ЦК КПСС», подготовленный в 1957 г. Особый акцент в нем сделан на социальных аспектах. Так, выдвигалась задача до конца ликвидировать жилищную нужду, развернуть в больших масштабах жилищное строительство с целью обеспечения каждого трудящегося благоустроенной отдельной комнатой, а каждой семьи – отдельной квартирой, перейдя со временем к бесплатным коммунальным услугам. Любопытна и ещё одна деталь: предлагалось уделить особое внимание массовому производству автомобилей для населения, имея в виду предоставить каждому гражданину пользование легковым автомобильным транспортом. В этом же контексте звучали идеи бесплатного снабжения населения продуктами питания (хлебом, мясом и др.), а также подготовка к бесплатному обслуживанию граждан «первоклассно поставленными по всем правилам техники и культуры столовыми, прачечными и другими культурно-бытовыми учреждениями», то есть в сфере услуг [21, с. 36].

Отраслям же, работавшим непосредственно на удовлетворение потребностей населения (легкая и пищевая индустрия), достаточного внимания не уделялось.

Новый подход к созданию материальных стимулов для увеличения колхозниками сельскохозяйственного производства проявился на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС. Одной из радикальных мер, направленных на оздоровление экономической ситуации в деревне, и, как следствие этого, роста благосостояния, стал курс на подъем материальной заинтересованности работников колхозов и

повышение заготовительных и закупочных цен на продукцию сельского хозяйства. Кроме того, сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС снял ряд ограничений с развития личных подсобных хозяйств колхозников, впоследствии государство пошло на повышение закупочных цен на продукцию крестьянского подворья до уровня цен, установленных для колхозников.

Повышение в 1953 г. цен на важнейшие виды сельскохозяйственной продукции, наряду с другими мерами, направленными на укрепление экономики колхозов и улучшение их финансового положения, обеспечили условия для существенного роста натуральной денежной оплаты колхозников [27, с. 30–31].

На завершающих стадиях индустриального перехода необходимость смены курса становилась все более очевидной. Уже в августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР Г.М. Маленков предложил резко изменить инвестиционную политику, увеличить финансирование отраслей, ориентированных на выпуск товаров для населения. «Теперь на базе достигнутых успехов в развитии тяжелой промышленности у нас есть все условия для того, чтобы организовать крутой подъем производства предметов народного потребления».

На совещании в ЦК КПСС в декабре 1953 г. Н.С. Хрущев заявил о том, что главной функцией партийных органов отныне являются хозяйственные задачи: « Партийной работы в том чистом виде не бывает. Нам надо добиться такого положения, чтобы все наши партийные работники хорошо знали конкретные вопросы производства, и всю свою работу вели бы на обеспечение изобилия продуктов питания, жилья, обуви для трудящихся» [3, с. 140].

Это высказывание первого секретаря, на первый взгляд, полностью укладывалось в политику «нового курса», в котором ключевое значение придавалось развитию сельского хозяйства и легкой промышленности [4, с. 48]. Начиная с лета 1953 г., руководство партии и правительства приступило к осуществлению целого комплекса мер,

направленных на повышение благосостояния народа. К середине 50-х г. они охватывали: упорядочение системы и увеличение оплаты труда, снижение налогов, коренное улучшение пенсионного обеспечения, сокращение рабочей недели, рост производства товаров народного потребления и улучшение бытового обслуживания населения, радикальное решение жилищной проблемы и др.

Руководство партии и государства отдавало себе отчет в крайней остроте продовольственной проблемы, поэтому сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС круто изменил курс аграрной политики в сторону коренных интересов крестьянства. На решение продовольственной проблемы была направлена также программа освоения целинных земель. Одновременно был проведен в жизнь ряд мер по перераспределению национального дохода в пользу села. Среди них изменение налоговой системы и повышение закупочных и заготовительных цен [14, с. 136–146]. Тем самым были созданы определенные экономические предпосылки для роста благосостояния крестьянства, что, в свою очередь, повысило их заинтересованность в увеличении урожайности полей и продуктивности скота. В результате товарная продукция сельского хозяйства в 1960 г. увеличилась по сравнению с 1953 г. на 60%.

Подъем сельского хозяйства явился важной предпосылкой расширения производства предметов потребления. В 1953–1955 гг. ЦК КПСС были декларированы меры по обновлению и развитию легкой промышленности, а также поставлены вопросы по дополнительному увеличению выпуска и улучшению качества товаров, производимых предприятиями тяжелой и оборонной промышленности.

Эти решения были особенно важны для расширения производства относительно сложных и дефицитных для того времени товаров массового потребления: радиоприемников, часов, швейных и легковых машин, велосипедов. Началось освоение массового выпуска холодильников, магнитофонов, телевизоров. И хотя выпуск товаров

широкого потребления был на низком уровне, он свидетельствовал о материальном благосостоянии и повышении уровня потребления населения СССР.

В осуществлении и развитии новой социальной программы особое значение принадлежало также XX съезду КПСС. Отметив в отчетном докладе ЦК значительный рост материального благосостояния народа за годы Советской власти, съезд вместе с тем подчеркнул, что еще «предстоит сделать многое для того, чтобы поднять жизненный уровень населения на такую высоту, которая соответствовала бы возможностям социалистического строя и постоянно растущим потребностям советских людей» [17, с. 368]. Динамичный рост советской экономики в пятидесятые годы характеризует таблица 18. «Основные показатели развития народного хозяйства СССР за период 1945–1960 гг.» (данные 1945 г. приравнены к 100%) [7, с. 74].

Таблица 18. *Основные показатели развития народного хозяйства СССР за период 1945–1960 гг.*

Показатель	**1950 г.**	**1955 г.**	**1960 г.**
Производство национального дохода	197	338	523
Капитальные вложения	213	381	700
Ввод основных фондов	224	408	751
Производительность труда:			
в промышленности	128	190	260
в колхозах и совхозах	165	229	337
Промышленная продукция	189	349	572
в том числе:			
Группа «А»	183	347	594
Группа «Б»	297	365	549
Продукция сельского хозяйства	163	199	264
Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли	246	464	727

Из таблицы видно, что впервые за две послевоенные пятилетки группа «Б» по темпам развития обгоняла группу «А» (после 1955 г. положение вновь изменилось в пользу тяжёлой промышленности). Это было вызвано эскалацией «холодной войны» и стремлением Советского правительства достигнуть паритет в военно-промышленном комплексе со странами НАТО и прежде всего США. В целом развитие советской экономики в течение пятидесятых годов отличалось динамизмом, это обеспечивалось, в свою очередь, высокими темпами роста капитальных вложений и опережающим темпом ввода основных фондов. По мнению В.В. Журавлева, это было связано с тем, что «значительная часть накоплений расходовалась на восстановления разрушенных войной объектов, а восстанавливать все же легче, чем строить заново. Однако освоение восстановленных и новых мощностей затягивалось, что сопровождалось падением полезной отдачи от вводимых в строй основных фондов» [7, с. 57, 58].

Но уже в это время успехи страны в социальной сфере преувеличивались, не было глубоко проанализировано запущенное состояние отдельных её отраслей, что в определенной мере послужило основой постановки нереалистических задач [7, с. 69].

Вскоре после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК стали прослеживаться отступления от намеченного курса. Они в кратчайшие сроки обеспечили невиданный подъем сельского хозяйства и благосостояния народа. Выдвижение и решение такой задачи представлялись Н.С. Хрущеву вполне реальными.

Так, на февральско-мартовском (1954 г.) Пленуме ЦК КПСС была фактически пересмотрена основная целевая установка аграрной политики, разработанная сентябрьским пленумом: «в течение двух–трех лет резко повысить обеспеченность всего населения нашей страны продовольственными товарами, и вместе с тем, обеспечить всей массе колхозного крестьянства более высокий уровень материального благосостояния» [7, с. 167, 168]. В докладе 23 февраля

1954 г. Н.С. Хрущев представил эту установку в иной редакции: «в ближайшие 2–3 года в достатке удовлетворить растущие потребности населения нашей страны в товарах народного потребления и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность» [12, с. 204].

Руководство страны считало возможным в 2–3 года решить продовольственную проблему в стране и в достатке удовлетворить потребности населения в продуктах. Для достижения поставленной цели оно направило всю мощь командно-административной системы управления. Не случайно оказалась измененной и заключительная часть формулы: исчезли слова о росте благосостояния колхозного крестьянства. Поэтому Н.С. Хрущеву они показались, видимо, не столь уж важными для выдвигаемой программы. И в этом свете представляются вполне объяснимыми последовавшие вскоре мероприятия по фактическому свертыванию личного подсобного хозяйства [12, с. 359]. Так, декабрьский (1958 г.) пленум ЦК КПСС ориентировал управленческие кадры на то, что в результате всемерного развития сельскохозяйственного производства «у рабочих и служащих совхозов не будет нужды заниматься личным хозяйством, увеличится доход семей за счет заработка в совхозе, у них будет больше времени для отдыха, повышения своего культурного уровня и участия в общественной работе». Спустя несколько недель XXI съезд партии пообещал, что « личное подсобное хозяйство колхозников постепенно будет утрачивать свое значение». Президиум Верховного Совета РСФСР 12 августа 1959 г. издал указ «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках».

Местные власти активно взялись за выполнение данного решения: принялись урезать приусадебные участки, отнимать сенокосные угодья, отказывать в кормах. Так, за несколько месяцев был упразднен частный сектор в сельском хозяйстве, дававший к этому времени около половины всего товарного мяса и молока, производившегося в

стране [6, л. 111]. Указы «О нормах скота, находящегося в личной собственности граждан, не являющихся членами колхоза» и «О денежном налоге с граждан-владельцев скота, не занимающихся общественно-полезным трудом, и с граждан, содержащих скот в целях личного обогащения». В их исполнении в период с 1 по 25 июля в г. Краснодаре «путем подворного обхода» надлежало выявить и учесть скот, содержащийся «сверхустановленных правительством норм», и до 1 августа произвести начисление налога, «Нормы» разрешали иметь семье одну корову с теленком в возрасте до 4 месяцев, либо одну козу с приплодом не старше года, а также одну свинью либо трех овец.

Подворный обход показал, что поголовье скота в хозяйствах горожан было уже невелико. В Октябрьском районе г. Краснодара, например, на 1 июля 1963 г., как записано в документе, «учтено и привлечено к обложению 20 свиней, 1 лошадь, 24 козы и овцы». В Первомайском районе – 50 голов свиней, 4 козы и 3 овцы. В Ленинском районе – только 4 свиньи и т. д.

Учет проводился и в последующие месяцы, он подтвердил, что налог на «сверхнормативный» скот – весьма «эффективное средство»: уже в августе в Октябрьском районе города оставалось только 9 подлежащих налогообложению свиней [6; 11, с. 678].

Неуклонное снижение налоговых поступлений во второй половине 1963 г. свидетельствовало об «успешном осуществлении» этой политики «крутого подъема сельского хозяйства». В результате принятых мер «раздувание отдельными гражданами личного хозяйства в ущерб участию в общественном производстве» было остановлено на долгие годы [14, с. 153].

Политика Н.С. Хрущева, направленная на запрещение содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках, а также постоянная работа по «утрачиванию значения личного подсобного хозяйства колхозников» нанесла значи-

тельный вред стране. Особенно это сказалось на обеспечении продуктами животноводства как городских, так и сельских тружеников. Стала ощущаться нехватка мясомолочной продукции, резко сократилось её потребление как в городе, так и в сельской местности.

В 60–90-е годы проблема насыщения внутреннего рынка мясомолочной продукцией так и не была решена.

Для советского государства была характерна политика так называемого государственного патернализма. О.И. Шкаратан определяет эту политику как «систему строгой субординации социальных групп, в рамках которой нижестоящие могут рассчитывать на заботу и защищенность со стороны вышестоящих». По его мнению, такая система характерна для этократических государств, к числу которых он относит и СССР. В условиях, когда государство было единственным и монопольным собственником всех средств производства и ресурсов и все население так или иначе состояло на государственной службе, вполне естественно, что государство взяло на себя обязанность заботиться о благосостоянии граждан и само устанавливало необходимый уровень потребностей населения [29, с. 210]. Таким образом, государство само пыталось регулировать уровень потребления, определять и планировать нужды населения. Планирование осуществлялось на 5 лет вперед – выделялись капиталовложения, осваивались производственные мощности, разворачивалось производство и, наконец, начинался выпуск морально устаревшей продукции. На 5 лет вперед закладывался тот уровень, который уже к моменту составления плана был пройденным этапом для развитых стран [19, с. 199].

При этом критерием достаточности уровня благосостояния, по мнению руководства страны, было обеспечение успешного развития индустрии, прежде всего тех отраслей, которые определяли обороноспособность страны, – сам жизненный уровень населения рассматривался лишь как необходимое условие для успешного развития

производства. С предельной откровенностью это положение было сформулировано в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС. «Партия исходит из того, что повышение благосостояния трудящихся становится все более настоятельной потребностью самого нашего хозяйственного развития, одной из важнейших экономических предпосылок быстрого роста производства» [19, с. 199].

До середины 50-х г. повышение благосостояния населения осуществлялось путем массовых единовременных снижений цен, которые позволяли ликвидировать диспропорции, сложившиеся в ходе войны и послевоенного восстановления экономики. Так, например, 1 марта 1959 г. было произведено новое (третье по счету) снижение государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары массового потребления. Цены снижались в следующих размерах: на хлеб из пшеничной сортовой муки – на 30%, макаронные изделия – 25%, свинину, говядину, колбасы – 24%, масло животное – 30%, молоко, сливки, кефир – 10%, сметану, творог, сырки – 20%, сахар-песок – 15% и черная икра – 30%, цитрусовые – 15% и т.д. В этом перечне значились также спиртные напитки: водка – 16,7%, пиво – 30%. При этом снижение цен охватывало восемь групп промышленных товаров, в том числе обувь кожаную и хлопчатобумажные ткани – 15%, патефоны – 25%, мыло хозяйственное – 40%, керосин – 10% и т. п. Необходимость подобных мер обуславливалась тем, что падение в годы войны производства продовольственных и промышленных товаров для населения и обесценивание рубля из-за переполнения каналов денежного обращения привели к значительному росту цен, намного превысивших уровень 1940 г. [11, с. 65].

В результате восстановления народного хозяйства, а также проведения денежной реформы 1947 г., позволившей сделать обесцененный в годы войны рубль полноценным, стало возможным проведение политики снижения цен в целях повышения жизненного уровня населения [11, с. 64].

Однако эти снижения цен были не в состоянии стимулировать общественно-полезный труд в зависимости от его качества и количества.

В 50-е годы руководством страны неоднократно предпринимались меры по повышению благосостояния и материального стимулирования сельских тружеников. Так, в 1956 г. началось упорядочение заработной платы, которое было завершено в 1960– 1962 гг., повышен её минимальный размер. В результате этого заработная плата рабочих совхозов выросла на 41% [11, с. 194]. Повышение заработной платы продолжалось и в последующие годы. Благодаря возросшим заработкам, сельские труженики получили доступ к товарам длительного пользования.

Что касается потребления продуктов питания, то в распоряжении автора имеются статистические данные о структуре розничного товарооборота по Краснодарскому краю с 1940 г. по 1960 г. (таблица 19).

Таблица 19. *Товарная структура розничного товарооборота (в процентах к итогу)*

Товары	**1940 г.**	**1960 г.**
Продовольственные товары		
из них:		
мясопродукты	5,0	5,3
рыбопродукты	1,6	1,9
масло животное	1,3	1,3
молоко и молочные продукты	0,3	2,3
яйца	0,5	0,5
сахар	1,7	4,5
кондитерские изделия	3,8	3,8
картофель	0,5	0,8
овощи	1,4	0,9
фрукты, плоды, ягоды	2,4	0,9
всего:	39,3	50,9

Из приведенной таблицы видно, что потребление основных продовольственных товаров населением края в некоторой степени увеличилось. Однако потребление таких продуктов, как масло животное, молочные продукты и сахар не увеличилось, а употребление картофеля и овощей сократилось. Данные таблицы свидетельствуют о том, что до военного уровня потребления основных мясомолочных продуктов жители Кубани смогли достигнуть лишь к 1960 г. Но введение хрущевских указов о запрещении содержания скота в личных подсобных хозяйствах не способствовало увеличению и потреблению населением продукции сельского хозяйства.

Правительственная политика в социальной сфере на рубеже 1950–1960 гг. имела сугубо эгалитаристскую ориентацию. Она расширяла социальные возможности рабочих и служащих в области образования, здравоохранения, жилья, потребления более ценных продуктов питания и предметов домашнего обихода. То, что прежде составляло привилегии номенклатуры и приближенной к ней «рабочей аристократии», пришло в зону доступности для самых широких слоев городского и сельского населения [19, с. 159].

Тенденция к улучшению социальных параметров развития – характерная черта этой исторической полосы. Иллюстрацией к данному тезису может послужить устойчивый рост рождаемости детей. Так, в 1950 г. в Краснодарском крае родилось 70 688 детей, в 1955 г. 72 439, в 1960 – 80 733 ребенка. Затем по ряду причин этот показатель на порядок упал. Во-первых, значительная часть кубанцев уехала за пределы края на ударные стройки и подъем целинных и залежных земель. Многие из них создали семьи и осели в новых местах [14, с. 159]. Во-вторых, сказалось падение материального уровня сельских тружеников в первые послевоенные годы

Одним из направлений политики советской власти по повышению благосостояния сельских тружеников была общедоступная система обучения. Государство представляло новые шансы молодежи в

сфере повышения образования. Так, только за пять лет, с 1960 г. по 1965 г., расходы на образование в Краснодарском крае увеличились с 65,5 млн руб. до 109,5 млн руб., что привело к росту студентов и учащихся. В 1940 г. в высших учебных заведениях обучалось 26 студентов, а в школах 43 учащихся на 10000 человек населения. В 1960 г. количество студентов увеличилось до 45 студентов, а учащихся – до 70 человек. В немалой степени этому способствовала отмена платы за обучение, позволившая многим детям из крестьянских семей получить образование (таблица 20).

Таблица 20. *Высшие и специальные учебные заведения и обучающиеся в них студенты и учащиеся в Краснодарском крае в 40-х–60-х гг.*

Годы	**Высшие учебные заведения**		**Средние специальные учебные заведения**		**Число обучающихся на 10000 населения**	
	Число заведений	**в них студентов, тыс человек**	**Число заведений**	**в них учащихся, тыс человек**	**в высших учебных заведениях**	**в средних специальных учебных заведениях**
1945/46	4	6,5	31	10,3	…	…
1950/51	6	9,1	35	12,3	33	43
1955/56	5	13,3	40	21,0	42	63
1960/61	5	15,9	40	24,2	45	70
1965/66	5	33,0	46	50,0	89	230

Из таблицы видно, что при незначительном росте числа высших учебных заведений с 1945 г. по 1965 г., только на 1 заведение, приходится значительное увеличение количества студентов, а именно, на 26,5 тыс человек. Что же касается средних специальных учреждений, то в 40–60-е годы наблюдается рост как самих учебных за-

ведений (на 15 учреждений), так и увеличение в них учащихся на 39,7 тыс человек. Число обучающихся (на 10000 населения) студентов увеличилось на 56% и учащихся на 187 человек. Эта тенденция наблюдается в Ставропольском крае и Ростовской области.

Соотношение эгалитаристской политики и реальных тенденций в социальном развитии общества не было однозначным. Принцип, согласно которому власть распределяет блага всем категориям населения, обрекало последнее на пассивное ожидание или, если к тому существовала возможность, на давление с целью получить то, что причитается раньше и больше. Эгалитаристская политика не могла остановить процессов дифференциации. Она переводила их на более иной, более высокий уровень, поднимала «планку», с которой велся отсчет вертикальной мобильности. Политика Н.С. Хрущева в социальной сфере привела в большее соответствие потребности индустриального развития и жизненную среду населения, точнее, инфраструктуру производства: жилища, здравоохранение, школу, транспорт, питание. Если анализировать эгалитаристскую практику с этой точки зрения, то её можно оценить как вполне адекватный ответ на импульсы, поступающие из мира индустрии [6, с. 160].

Учитывая значительные трудности в обеспечении населения товарами народного потребления, руководство страны принимает меры к увеличению их производства. Строились новые заводы, осуществлялась модернизация оборудования и комплексная механизация легкой и пищевой индустрии, расширялся и обновлялся ассортимент товаров. Однако расширение производственных мощностей легкой и пищевой промышленности шло недостаточно быстрыми темпами. Было немало фактов, когда предприятия не только не осваивали производство новых изделий, но под разными предлогами прекращали выпуск нужных товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода [14, с. 160]. По мнению автора, это вызвано тем, что налаживание производства товаров народного потребления было связано, в первую очередь, с необходимостью внедрения

новых технологий. Для этого были нужны новые источники сырья, а также большие денежные средства. При этом на руководство предприятия возлагалась ответственность за скорейший и качественный выпуск товаров широкого потребления. Поэтому директивы из центра на местах не выполнялись или выполнялись не должным образом, так как руководство не желало, а зачастую и не могло решить задачи, поставленные руководством партии и правительства.

Июльский (1960 г.) Пленум ЦК КПСС, определяя меры по расширению производства товаров народного потребления, потребовал значительно больше использовать в этих целях возможности предприятий машиностроительной, металлургической, электротехнической, химической и других отраслей промышленности. Документ требовал от местных руководителей тщательно изучать и прогнозировать спрос населения. Усиливать связи промышленных предприятий с торгующими организациями [7, с. 171]. Выполнить эти решения в полном объеме правительство не могло, т.к. не было возможности выделить необходимые материальные и финансовые средства. Началась очередная компания по насыщению рынка. Действия, предпринятые в этом направлении, способствовали некоторому удовлетворению спроса на товары широкого потребления, но полностью решить вопросы производства товаров широкого потребления такими мерами было очень трудно.

И хотя, благодаря всем принятым мерам, выпуск товаров народного потребления незначительно увеличился, производство тканей всех видов возросло за семилетие на 1,6 млрд кв. м, трикотажа – на 400 с лишним млн изделий, кожаной обуви – на 130 млн пар. Возрос выпуск предметов культурно-бытового и хозяйственного назначения [13, с. 542], однако, несмотря на это, внутренний рынок оставался пустым.

Острой проблемой было торговое обеспечение населения. В принятом Центральным Комитетом и Советом Министров СССР по

этому вопросу постановлении (апрель 1960 г.) отмечалось, что уровень развития государственной и кооперативной торговли, а также качество обслуживания населения отстают от возросших требований. Торгующие организации плохо изучили спрос покупателей, предприятия торговли неудовлетворительно обеспечены оборудованием, инвентарем и средствами механизации. В постановлении были намечены меры по устранению недостатков, повышению культуры обслуживания населения, удовлетворению потребностей трудящихся [7, с. 171]. Устанавливался порядок, при котором планы производства товаров народного потребления для промышленных предприятий утверждались на основе заказов организаций государственной торговли и потребительской кооперации. Принимались меры по улучшению подбора и подготовке кадров торговых работников. Расширялась сеть торговых предприятий. Однако все это делалось в рамках командно-бюрократической системы присущими ей методами административного хозяйствования, не позволившими удовлетворить в полной мере растущий спрос населения на товары народного потребления.

Поэтому увеличение производства материальных благ и услуг, качественное улучшение их структуры происходило не в том масштабе, в котором планировалось. Тем не менее, объём розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли возрос с 67,7 млрд руб. в 1958 г. до 104,8 млрд руб. в 1965 г. При этом особенно быстро росла продажа товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения. Только в одном 1965 г. населением было приобретено 3,3 млн телевизоров, 5 млн радиоприемников и радиол, почти 1,5 миллиона холодильников, свыше 3 млн стиральных машин (в 1960 г. соответственно: 1,5 млн, 4,1 млн, 518 тыс, 907 тыс).

В Краснодарском крае розничный товарооборот (в ценах и методологии соответствующих лет) за 1940 г составил 245 млн руб., а в 1960 г. он уже составлял 1246 млн руб. Таким образом, розничный товарооборот на Кубани за 20 лет возрос более чем в пять раз и уве-

личился на 1001 млн руб. Этот прирост шел, главным образом, за счет сельских тружеников, которые составляли более 50% населения края. При этом число предприятий розничной торговли и общественного питания к 1960 г. также возросло, что характеризуется следующими данными (таблица 21).

Таблица 21. *Предприятий розничной торговли и общественного питания*

Годы	**Предприятия розничной торговли**	**Из них**		**Предприятия общественного питания**
		магазины	**палатки**	
1940	6994	4861	2133	1232
1960	10246	6524	3722	2001

Анализируя данные таблицы «Предприятия розничной торговли и общественного питания в Краснодарском крае», можно отметить следующее: количество предприятий розничной торговли в регионе возросло на 3252 единицы (соответственно, магазинов – на 1663 единицы, палаток – на 1589 единиц), а предприятий общественного питания на 769 единиц. При этом по-прежнему ощущался острый дефицит товаров широкого потребления.

Ежегодно проводились собрания работников, на которых обсуждались вопросы о мерах по улучшению и дальнейшему развитию торговли и общественного питания, а также подводились некоторые итоги проделанной работы. Так, на собрании актива работников торговли и общественного питания г. Ростова и Ростовской области в 1963 г., созванном обкомом КПСС и облисполкомом, было отмечено, что в 1962 г. продовольственных и промышленных товаров было продано больше, чем в предыдущем году на 16,6%. В 1963 г. товарооборот ещё больше повысился, полностью удовлетворялся спрос населения на колбасные изделия, сахар, растительное масло, хлеб, ма-

циклов – на 40% [15, с. 3]. Эти цифры свидетельствуют о низких темпах насыщения рынка товарами длительного пользования и широкого потребления.

Было несколько улучшено обслуживание тружеников сельских хозяйств, занятых на полевых работах. Здесь действовало 120 автолавок и более 600 конных развозок. В Сальском районе, например, работало 10 автолавок, 76 конных развозок и 34 разносчика товаров. Ими было продано на полевых станах более чем на 100 тыс руб. разных товаров [16, с. 18]. В докладе И.И. Заметина сообщалось и о некоторых крупных недостатках. А именно: случались перебои в торговле товарами первой необходимости.

В магазинах Ремонтненского района, при проверке оказалось, что в продаже не было чая, натурального кофе, халвы, табачных изделий, варенья и некоторых других товаров, которые имелись в достаточном количестве на складах райпотребсоюза. Подобные явления наблюдались также и в магазинах Егорлского, Морозовского, Каменского и других районов [16, с. 18].

Объем бытовых услуг в Краснодарском крае вырос с 17,7 млн руб. в 1960 г. до 44,3 млн руб. в 1965 г. [18, с. 86].

В целом достигнутый уровень бытового обслуживания не обеспечивал растущие запросы населения, не отвечал требованиям времени и имеющимся материальным и техническим возможностям. В связи с этим ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято постановление от 10 августа 1962 г., «О дальнейшем улучшении бытового обслуживания населения», в котором указывалось, что некоторые партийные, советские и хозяйственные органы уделяют мало внимания вопросам бытового обслуживания трудящихся, считая их второстепенными. В ряде республик, краев и областей не выполняются установленные планы строительства фабрик, комбинатов, павильонов, ателье бытового обслуживания, организации новых при-

кароны, кожаную обувь и т.д. Однако при этом был отмечен целый ряд существенных недостатков. Так, например, в 1962 г. план товарооборота был выполнен на 99,6%. Из 55 торгующих организаций области 22 организации не выполнили план розничного товарооборота [13, с. 550–568]. К тому же, рынок ещё не получал достаточного количества необходимых товаров, спрос на многие из них удовлетворялся далеко не полностью. Прямые связи легкой промышленности и торговли не получили развития. Качество и ассортимент зачастую не соответствовали требованиям покупателей.

Отставание сельского хозяйства привело, особенно в 1962–1963 гг., к значительным трудностям в обеспечении населения продовольственными товарами. В этом сказывалась политика налогообложения на «сверхнормативный» скот в подсобных хозяйствах крестьян, что привело к сокращению поголовья скота в сельской местности исследуемых регионов. Необходимо отметить, что в этот же период происходит повышение розничных цен на продукты сельскохозяйственного производства. Эти меры, по мнению правительства, должны были привлечь дополнительные финансовые средства в сельское хозяйство. Однако повышение цен было встречено в городах крайне негативно, что привело к стихийным выступлениям и новочеркасской трагедии. В итоге руководство страны ограничило проводимые мероприятия.

В 60-х годах правительство стало уделять внимание бытовому обслуживанию населения. Так, в докладе «О состоянии и мерах улучшения кооперативной торговли в Ростовской области» председатель сельского облисполкома И.И. Заметин сообщал о том, что товарооборот потребительской кооперации в 1961 г. составил 384,7 млн руб., и в 1962 г. он вырос до 432,9 млн руб., то есть увеличился на 12,5%. За пять месяцев 1961 г. на селе было продано товаров и продуктов на 7 млн руб. больше, чем в 1960 г. Произошло увеличение продажи товаров культурно-бытового назначения: стиральных машин – на 4,2%, телевизоров – на 13%, радиотоваров – на 20%, велосипедов и мото-

емных пунктов. Особенно эти недостатки были характерны для сельской местности [13].

Но решать одновременно целый комплекс проблем (развития промышленности, сельского хозяйства, подъема благосостояния и культуры и т. д.) эта система была не в состоянии, и она начала давать сбои. Сложилась, по определению Н. Шмелева и В. Попова, «система нацеливания на то, чтобы объять необъятное, зарегулировать живой экономический организм, втиснуть его в прокрустово ложе жестких плановых предписаний. Система, в которой не плановые органы существуют для экономики, а экономика – для плановых органов» [28, с. 203–213]. В условиях военного времени или в период послевоенного восстановления административно-командная система управления страной, и плановая экономика показали себя как действенный способ решения первостепенных и главенствующих задач. Благодаря этой системе самоотверженности советского народа и страна смогла выйти победительницей из самой страшной войны и осуществить быстрыми темпами восстановление народного хозяйства. Но в 50–60-х гг. государство и общество требовали радикальных реформ, а все попытки реформирования административно-бюрократической системы наталкивались на сопротивление, отторгались самой системой. Она превращалась в своего рода «механизм торможения».

Делая вывод, необходимо подчеркнуть следующее.

1. Усилия государства по осуществлению модернизационных процессов концентрировались на ускоренном развитии лишь тех элементов производительных сил, которые имели в глазах партийно-советского руководства приоритетное значение (в первую очередь, в плане укрепления обороноспособности страны). Развитие остальных сфер общественной жизни (главным образом тех, которые определяли уровень благосостояния населения) приносилось

в жертву решению главной задачи – постоянного повышения благосостояния населения.

2. Модернизация носила несистемный и незавершенный характер. Целые секторы производства (главным образом связанные с обслуживанием населения) продолжали базироваться на доиндустриальных способах труда или вообще не получили развития [28, с. 208].

3. В 50–60-е гг. становится все более очевидным необходимость улучшения системы снабжения и быта населения. С этой целью партийно-государственное руководство страны провозгласило курс на увеличение довоенного уровня доходов народа, наметило программу массового производство предметов широкого потребления, увеличения колхозных прибылей.

4. Выполнение таких задач за короткий срок при крайне низком уровне производительных сил, подорванных войной и недостаточном выделении средств на развитие производства товаров широкого потребления, было нереально.

5. Однако необходимо отметить, что, благодаря принятым мерам, удалось достигнуть определенных результатов в экономической области, среди которых была отмена карточной системы, проведение денежной реформы. Все это не могло не вызвать некоторого увеличения потребления товаров и услуг.

6. В дальнейшем правительством был осуществлен целый комплекс мер, направленных на повышение благосостояния сельских тружеников. К середине 50-х годах они охватывали: упорядочение и повышение оплаты труда, снижение налогов, рост производства товаров народного потребления, улучшение бытового обслуживания, становление и развитие потребительской кооперации на селе.

7. Необходимо констатировать, что инновации партийного руководства как преобладающие не смогли утвердиться из-за отсутствия выделяемых материальных и финансовых средств. Задачи по повышению благосостояния сельских тружеников, которые

11. Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях : материалы к Летописи / И.Ю. Бондарь. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 800 с. : 102 ил.

12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 8. 1946–1955 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; общ. ред. А.Г. Егоров, К.М. Боголюбов. – М.: Политиздат, 1985. – 542 с.

13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; общ. ред. А.Г. Егоров, К.М. Боголюбов . – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1985. – 682 с.

14. Лейбович, О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. / О. Лейбович. – Пермь: Пермский ун-т, 1993. – 182 с. – (История отечества. Документы. Материалы. Комментарии).

15. Молот. – 1963. – 30 апр.

16. Молот. – 1963. – 18 июня.

17. Народное хозяйство СССР в 1960 году: сб. – М.: Госиздат, 1961. – 903 с.

18. Народное хозяйство СССР в 1969 году: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1970. – 864 с.

19. Опыт российских модернизаций XVIII-XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. – М.: Наука, 2000. – 246 с.

20. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. – Краснодар: Кн. изд-во, 1976. – 671 с.

21. Пехоя, Р.Г. Советский Союз. История власти. 1945–1991 гг. / Р.Г. Пехоя. – М.: Рарог, 1998. – 315 с.

22. Плановое хозяйство: политико-экономический журнал Госплана СССР. – М.: Госпланиздат, 1947. – № 1.

23. Плановое хозяйство: политико-экономический журнал Госплана СССР. – М.: Госпланиздат, 1947. – № 2.

24. Плановое хозяйство: политико-экономический журнал Госплана СССР. – М.: Госпланиздат, 1948. – № 1.

25. Правда. – 1946. – 10 февр.

26. Правда. – 1946. – 28 нояб.

27. Пыжиков, А.В. Хрущевская «оттепель» / А.В. Пыжиков. – М.: Рарог, 2002. – 217 с.

28. Попов, В. Анатомия дефицита / В. Попов, Н. Шмелев // Уроки горькие но необходимые / сост.: В.С. Молдаван, А.Г. Гридчина. – М.: Мысль, 1988.

29. Радаев, В.В. Социальная стратификация: учеб. пособие / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан. –М., 1995. – 318 с.

30. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 5 / сост.: К.У. Черненко, М.С. Смиртюков; под общ. ред. К.М. Боголюбова, М.С. Смиртюкова. – М.: Политиздат, 1968. – 751 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ фактического и теоретического материалов позволяет сделать следующие выводы.

Восстановление народного хозяйства Краснодарского, Ставропольского краёв и Ростовской области началось до завершения операции по освобождению Северного Кавказа и полного разгрома вражеской группировки, и проводилось одновременно с усилиями по наращиванию продовольственной помощи фронту. На освобожденных территориях Северного Кавказа сельскими жителями оказывалась помощь продуктами питания солдатам и офицерам, находящимся в военных госпиталях и санаториях Кавказских Минеральных Вод и Черноморского побережья.

Созданная в довоенный период экономическая система позволила создать индустриальную и сельскохозяйственную базу страны, которая обеспечила разгром врага в годы Великой Отечественной войны. Послевоенный период – это период позднеиндустриальной модернизации, способствовавший восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства СССР.

Сложившаяся в стране к концу 40-х – началу 60-х гг. командно-административная система управления экономикой была адекватна «догоняющей» модели модернизации, главной задачей которой стала мобилизация всех средств и ресурсов страны и их централизованное перераспределение для развития и совершенствования военно-промышленного комплекса и ограничение бюджетных средств на развитие социальной политики. Значительная часть сельского населения находилась в бедственном положении, а новые формы организации сельскохозяйственного производства законсервировали традиционный быт сельских тружеников. Бедность, в которой проживало большинство крестьян, становилась экономической, социальной, политической проблемой советского руководства.

Под воздействием модернизационных процессов возникают экономические изменения в организации труда колхозников. Новой чертой в преобразовании сельскохозяйственного производства являются преобразования в форме оплаты труда сельских тружеников, постепенный перевод с трудодней и натуральной оплаты на денежную и введение системы регулярного авансирования.

В социальной сфере государственная политика отличалась крайней непоследовательностью. Среди социальных проектов были неудачные – вроде несостоявшихся отмены налогов и обязательных займов. Однако советская власть имела и достижения. Прежде всего это проведение пенсионной реформы, реализация широкой программы жилищного строительства, сокращение детской смертности, расширение возможностей для получения образования сельской молодежью.

Материально-бытовое обслуживание остро нуждающихся семей Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области, проводимое органами социального обеспечения, осуществлялось за счет средств, выделяемых по республиканскому и местным бюджетам, а также за счет фондов торгующих организаций и общественности. Однако этих средств было недостаточно, чтобы решить материальные проблемы крестьянства.

До принятия закона «О пенсиях и пособиях членам колхозов» в 1964 г. пенсионное обеспечение сельских жителей в основном осуществлялось за счет неделимых фондов, а также через колхозные кассы взаимопомощи.

Абсолютный размер увеличения ввода жилья на 10 млн кв. м в начале 50-х г. удалось осуществить за пять лет. Во второй половине 50-х г. такой прирост дополнительного жилья получали почти ежегодно, а в последующие пятилетки в силу отвлечения значительных средств на оборону не удалось удержаться на таком высоком уровне жилищного строительства: показатель 1960 г. по вводу нового жилья

был превышен только в 12-й пятилетке. Средства на строительство правительством выделялись незначительные, и весь прирост шел за счет внутренних ресурсов колхозов и совхозов, а также за счет широкого использования ссуд.

В 1950 г. общая посевная площадь в Краснодарском крае превысила довоенный уровень, посевы озимой пшеницы увеличились со 1130 тыс до 1275 тыс га. Повысилось плодородие кубанских полей, укрепилась материально-техническая база колхозов и совхозов. В Ставропольском крае на 40% увеличилось количество тракторов, возрос парк комбайнов, сельхозмашин, почти полностью были механизированы основные работы в полеводстве – пахота, сев, уборка зерновых и подсолнечника. На 501 тыс га возросли посевные площади различных, в том числе зерновых культур повысились урожаи. На полях колхозов и совхозов строились оросительные системы, велись работы по созданию полезащитных лесополос.

Советское государство шло по пути модернизации в русле мирового прогресса, однако, она насаждалась сверху, форсировались ее темпы в ущерб качеству жизни и здоровью нации.

Модернизация носила военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации таких, как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации.

Перед реформируемым российским обществом стоит огромной сложности задача по формированию правового, социального государства. Становление такого государства – длительный процесс, очень сложный и противоречивый. Удерживать его в определенных правовых границах, не ущемляя свободы одних и не снимая ответственности за свою судьбу других, помогают необходимые условия, основное содержание которых позволяет автору исследования дать следующие рекомендации.

1. Зарождение и формирование социального государства осуществляется не спонтанно, а на основе целенаправленной политики руководства страны, роль которого в реализации этого вопроса постоянно возрастает.

2. Правительству РФ необходимо создать предпосылки становления социального государства, которыми выступают: правовое, преимущественно конституционное, закрепление частной собственности, принципов смешанной экономики рыночного типа, социальной и политической свободы и демократии в форме правового государства, наличие развитой системы гражданского, трудового, экономического законодательства.

3. Сущность правового, социального государства выражается в обеспечении всеобщего блага для каждого отдельного человека. Это обусловливает создание общих принципов устройства и деятельности такого государства. К ним относятся: открытость государственной власти, ее демократизм и либерализм, приверженность гражданскому миру и социальному согласию, социальной справедливости и солидарности, предоставление всем равных возможностей, широкая социальная защита населения.

4. Федеральному Собранию РФ обеспечить масштабность защиты от стихийных рыночных сил и недостаточного (низкого) уровня доходов населения; социальные права и социальную поддержку наиболее уязвимых и бедных групп населения, удельный вес частных (негосударственных) ассигнований (расходов), направленных на страхование, пенсии, медицинскую страховку и социальные нужды населения и соотношение этой доли с официальными выплатами из бюджета.

5. Высшим представительным органам субъектов РФ способствовать созданию индивидуального или коллективного финансирования социальных программ и нужд, включая индивидуальные и коллективные вклады людей в социальном государстве.

6. Региональным законодательным органам и органам местного самоуправления создать фонды перераспределения социальной помощи конкретным людям которые будут складываться из налоговых поступлений и фонда социального страхования.

7. Органам местного самоуправления создать гарантии трудоустройства и обеспечить высокую занятость населения в производстве, а также организовать системы социального обеспечения, дифференцированные и организованные по различным профессиональным группам и группам социального риска, связанным с безработицей, старостью, болезнями и др.

8. Стремясь к повышению материального благосостояния и духовного уровня своих граждан, государство должно предоставлять максимально благоприятные условия и возможности для раскрытия и использования каждым своих позитивных качеств и способностей на благо себя, общества и государства.

12. РГАЭ. Ф. 7803 (Министерство совхозов СССР).

13. РГАЭ. Ф. 8090 (Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации).

14. РГАЭ. Ф. 7486 (Министерство сельского хозяйства).

15. РГАЭ. Ф. 7733 (Министерство финансов СССР).

16. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17 (Документы отделов ЦК КПСС, переписка с местными партийными советскими органами).

17. РГАСПИ. Ф. 82 (Материалы по осуществлению Молотовым В.М. руководства социально-культурным строительством).

18. РГАСПИ. Ф. 586 (Проект программы КПСС).

19. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р–687 (Краснодарский краевой Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет).

20. ГАКК. Ф. Р–1378 (Плановая комиссия крайисполкома).

21. ГАКК. Ф. Р–1246 (Статистическое управление Краснодарского края).

22. ГАКК. Ф. Р–1661 (Краснодарская городская информационно вычислительная станция государственной статистики).

23. ГАКК. Ф. Р–1490 (Совет народного хозяйства Краснодарского края экономического административного района).

24. ГАКК. Ф. Р–1480 (Управление сельского хозяйства Краснодарского крайисполкома).

25. ГАКК. Ф. Р–1717 (Краснодарское краевое управление сельского строительства).

26. ГАКК. Ф. Р–344 (Управление бытового обслуживания населения краснодарского крайисполкома).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные документы

1. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р–5446 (Протоколы заседаний и постановления Совета Народных Комиссаров и Совета министров СССР).

2. ГАРФ. Ф. Р–5451 (Всесоюзный Центральный Совет профессиональных союзов).

3. ГАРФ. Ф. Р–7523 (Протоколы заседаний, указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР за 1945–1965 годы).

4. ГАРФ. Ф. Р–7924 (Центральный комитет профессиональных Союзов работников машинно-тракторных станций и земельных органов).

5. ГАРФ. Ф. Р–9504 (Материалы Комитета при Совете Народных Комиссаров СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации).

6. ГАРФ. Ф. Р–9553 (Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам, Министерства труда и социальных вопросов СССР).

7. ГАРФ. Ф. Р–8009 (Министерство здравоохранения СССР).

8. Российский Государственный архив экономики (далее РГАЭ).

9. РГАЭ. Ф. 1562 (Центральный статистического управления при Совете министров СССР).

10. РГАЭ. Ф. 437 (Государственный комитет цен при Совете министров СССР).

11. РГАЭ. Ф. 9476 (Совет по делам колхозов при Совете министров СССР).

27. ГАКК. Ф. Р–1631 (Отдел социального обеспечения Краснодарского крайисполкома).

28. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИКК). Ф. 5523 (Славянский сельский партком КПСС).

29. ЦДНИКК. Ф. 5561 (Каневской партком КПСС колхозно-совхозного строительства).

30. ЦДНИКК. Ф. Р–1581. (Правление краснодарского потребительского союза).

31. ЦДНИКК. Ф. 1774–А (Краснодарский крайком КПСС).

32. Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф. Р–3737 (Исполнительный комитет Ростовского областного совета депутатов трудящихся).

33. ГАРО. Ф. Р–4358 (Исполнительный комитет Каменского областного совета трудящихся).

34. ГАРО. Ф. Р–4219 (Отдел социального обеспечения Ростовского облисполкома).

35. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее ЦДНИРО). Ф. 9 (Ростовский обком КПСС).

36. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). Ф. Р–5816 (Управление по строительству колхозов. Исполком Ставропольского краевого Совета трудящихся).

37. ГАСК. Ф. Р–3313 (Отдел по строительству в колхозах исполнительных комитетов районных советов депутатов трудящихся).

38. ГАСК. Ф. Р–4754 (Управление бытового обслуживания населения исполнительных комитетов краевого Совета депутатов трудящихся).

39. ГАСК. Ф. Р–3795.

40. ГАСК. Ф. Р–2395.

41. ГАСК. Ф. Р–1886.

42. ГАСК. Ф. Р–2605.

43. ГАСК. Ф. Р–1852.

44. ГАСК. Ф. Р–3788.

45. ГАСК. Ф. Р–2640.

46. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее ГАНИСК). Ф. 1 (Ставропольский крайком КПСС).

47. ГАНИСК. Ф. 5351 (Ставропольский крайком КПСС).

II. Опубликованные документы

1. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14–15 февраля 1956 года: стеногр. отчет. Т. 2. – М.: Политиздат, 1966. – 656 с.

2. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–31 октября 1961 года: стеногр. отчет. Т. 2. – М.: Политиздат, 1962. – 589 с.

3. Борьба КПСС за завершение строительства социализма (1953–1958 гг.): документы и материалы / Л.Б. Габриэлов, К.А. Корнеенкова. – М.: Госполитиздат, 1961. – 695 с.

4. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1947. – 12 февр.

5. Великий подвиг партии и народа – массовое освоение целинных и залежных земель: сб. докл. и материалов. – М.: Наука, 1979. – 439 с. – Содерж.:41 док.

6. Внеочередной XXI съезд КПСС, 27 января – 5 февраля 1959 г.: стеногр. отчет. Т. 1 / Съезд КПСС. – М.: Госполитиздат, 1959. – 592 с.

7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1938–1945 гг.). Т. 7 /

Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; общ. ред. А.Г. Егоров, К.М. Боголюбов. – 9-е изд. – М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. – 574 с.

8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1946–1955 гг.). Т. 8 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. А.Г. Егоров, К.М. Боголюбов. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1985. – 542 с.

9. Конституция РФ. – М.: Приор, 1997. – 31 с.

10. КПСС – организатор борьбы за крутой подъем сельского хозяйства: [сб. ст.] / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра истории КПСС; [ред. кол.: Б.М. Морозов и др.] – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. – 19 с. – Содерж.: 14 док.

11. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашисткой Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – 383с.: ил.

12. Путин, В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ / В.В. Путин // Российская газета. – 2003. – 17 мая. – С. 1.

13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. – М.: Политиздат, 1968. – 751 с.

14. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. Т. 2. 1938–1975 гг. – М.: Известия советов депутатов трудящихся СССР, 1975. – 620 с.

15. Справочник партийного работника. Вып. 1 / ред. В.Н. Малин. – М.: Госполитиздат, 1957. – 611 с.

16. Справочник партийного работника. Вып. 2 / ред. В.Н. Малин. – М.: Госполитиздат, 1959. – 840 с.

17. Справочник партийного работника. Вып. 3 / ред В.Н. Малин. – М.: Госполитиздат, 1961. – 835 с.

18. Справочник партийного работника. Вып. 4 / ред. В.Н. Малин. – М.: Госполитиздат, 1964. – 446 с.

19. СССР. Законы и постановления. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 517 с.

20. СССР. Законы. О государственных пенсиях: [принят третьей сес. Верхов. Совета РСФСР] / М-во юстиции РФ. – М.: Госполитиздат, 1956. – 53 с.

21. Хрестоматия по истории КПСС: пособие для вузов. Т. 2. 1925 – март 1985 гг./ сост.: В.К. Горев, Л.И. Легошин, А.Л. Угрюмов. – М.: Политиздат,1989. – 526 с.

22. Хрущев, Н. С. О культе личности и его последствиях: доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 3. – С. 131.

23. Хрущев, Н.С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства в СССР / Н.С. Хрущев. – М.: Госполитиздат, 1953. – 190 с.

24. Хрущев, Н.С. Об увеличении производства продуктов животноводства: доклад на пленуме ЦК КПСС 25 января 1955 года / Н.С. Хрущев. – М.: Госполитиздат, 1955. – 232 с.

25. Хрущев, Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 8: май 1963 года – март 1964 года / Н.С. Хрущев. – М.: Политиздат, 1964. – 560 с.

III. Документы местных органов власти

1. Битва за Кавказ в документах и материалах: сб. – Ставрополь: РГУ, 2003. – 313 с.

2. Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях / Архивный отдел администрации Краснодарского края; Государственный архив Краснодарского края; Центр доку-

ментации новейшей истории Краснодарского края. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 800 с.

3. Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани: историко-документальный альбом. – Краснодар: Наука, 2002. – 454 с.

4. Наш край: документы и материалы (1917–1977 гг.): сб. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. – 405 с.

5. Хрестоматия по истории Кубани (1917–1967 гг.): документы и материалы. Ч. 2 / сост.: Чучмай Г.Т., Бондарева Т.И., Вертышева Н.С., Ефимова-Сякина Э.М. – Краснодар: Кн. изд-во, 1982. – 262 с.

IV. Статистические сборники

1. 60 лет Краснодарскому краю (1937–1997): юбил. стат. сб. – Краснодар: Наука, 1997. – 140 с. – Содерж: 49 док.

2. Достижение Ставрополья за 40 лет мирного труда. Очерк экономического и социального развития края за 1945–1985 гг.: сб. – Ставрополь: РИО ИДНК, 1985 – 162 с. – Содерж.: 53 док.

3. Достижения Ставрополья к 60-летию образованию СССР: сб. стат. управления Ставропольского края. – Ставрополь: РИО ИДНК, 1982. – 260 с. – Содерж.: 34 док.

4. Народное хозяйство Краснодарского края: стат. сб. – Краснодар: Воениздат, 1971. – 144 с. – Содерж.: 28 док.

5. Народное хозяйство Ростовской области: стат. сб. – Ростов-на-Дону: Воениздат, 1971. – 162 с. – Содерж.: 36 док.

6. Народное хозяйство СССР в 1960 году: стат. ежегодник. – М.: Госстатиздат, 1961. – 903 с. – Содерж.: 144 док.

7. Народное хозяйство СССР в 1961 году: стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – М.: Госстатиздат, 1962. – 903 с. – Содерж.: 162 док.

8. Народное хозяйство СССР в 1962 году: стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – М.: Госстатиздат, 1963. – 736 с.: табл. – Содерж.: 151 док.

9. Народное хозяйство СССР в 1965 году: стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Статистика, 1966. – 910 с. – Содерж.: 145 док.

10. Народное хозяйство СССР за 60 лет: юбил. стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Статистика, 1977. – 959 с. – Содерж.: 302 док.

11. Наш край (1917–1977гг.): сб. документов и материалов. – Ставрополь: Политиздат, 1983. – 397 с. – Содерж.: 120 док.

12. Ростовская область за 40 лет: сб. – Ростов-на-Дону: Книга, 1957. – 399 с. – Содерж.: 56 док.

13. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. – М.: Госкомстат, 1960. – 251 с. – Содерж.: 59 док.

14. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. – М.: Госкомиздат, 1971. – 315 с. – Содерж.: 72 док.

V. Периодическая печать

1. Аксютин, Ю.В. Новое о XX съезде КПСС / Ю.В. Аксютин // Отечественная история. – 1998. – № 2. – С. 108–123.

2. Алексеев, Г.М. Живые голоса истории / Г.М. Алексеев // История СССР. – 1974. – № 1–2. – С. 27–28.

3. Богденко, М.Л. Коммунистическая партия – организатор и вдохновитель массового освоения целинных и залежных земель (итоги изучения проблемы) / М.Л. Богденко // Вопросы истории КПСС. – 1984. – № 3. – С. 35–42.

4. В комиссиях ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 11. – С. 1–2.

5. Вдовин, А.И. Социальная психология и некоторые вопросы истории советского общества / А.И. Вдовин, В.З. Дробижев // Исто-

рия СССР. – 1971. – № 1. – С. 23–42.

6. Веников, Г.А. Старейшая на Кавказе / Г.А. Веников // Ставропольская правда. – 1944. – 12 февр. – С. 3.

7. Винниченко, И. На взлете: Заметки журналиста / И. Винниченко // Октябрь. – 1958. – № 1. – С. 20–22.

8. Воронкова, С.В. Реценция на монографию: В.Я. Лаверычев. Военный государственно-промышленный капитализм / С.В. Воронкова // История СССР. – 1977. – № 3. – С. 47–48.

9. Волков, И.М. Проблемы истории советского крестьянства / И.М. Волков, В.П. Данилов, В.П. Шерстобитов // История СССР. – 1977. – № 3. – С. 3–18.

10. Гайденко, П.П. Бытие и разум / П.П. Гайденко // Вопросы философии. – 1997. – № 7. – С. 114–140.

11. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам // Сов. Кубань. – 1957. – 9 нояб.– С. 1–2.

12. Еще теснее сплотимся вокруг коммунистической партии // Молот. – 1953. – 11 апр. – С. 1.

13. Кантор, В. Российское «своеобразие» : генезис и проблемы / В. Кантор // Свободная мысль. – 1994. – № 10. – С. 78–87.

14. Козлов, Т. Против буржуазного объективизма и формализма в статистической науке / Т. Козлов // Вопросы экономики. – 1949. – № 4. – С. 49–62.

15. Коровин, В. Европейская интеграция и региональная политика / В. Коровин // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 4. – С. 20–22.

16. Краев, М. О колхозном трудодне / М. Краев // Вопросы экономики. – 1949. – № 3. – С. 33–44.

17. Крупина, Т.Д. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX – начала XX века / Т.Д. Крупина //

История СССР. – 1971. – № 1. – С. 189.

18. Кульпин, С.Э. Земство: архив провинциальной России / С.Э. Кулыгин // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 193–195.

19. Лупало, И.Г. Гвардия тыла / И.Г. Лупало // Сов. Кубань. – 1962. – 31 окт. – С. 2.

20. Малышев, И. Колхозный строй и Отечественная война / И. Малышев // Плановое хозяйство. – 1944. – № 1. – С. 49–58.

21. Марченко, Г. От кризиса к стабилизации: дальнейшая судьба России [Электронный ресурс] / Г. Марченко // Октябрь. – 1996. – № 2. – URL: http://magazines.russ.ru/october/1996/2/marchenk. html.

22. Мясников, О.Г. Субъекты политики / О.Г. Мясников // Социально-политический журнал. – 1993. – № 5. – С. 26–34.

23. Настойчиво овладевать экономическими знаниями // Правда. – 1950. – 6 апр. – С. 1.

24. Наумов, Н.Ф. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 6–21.

25. Письмо А.Д. Сахарова, В.Ф. Турчина, Р.А. Медведева в ЦК КПСС «Без коренной демократизации наше общество не может разрушить стоящих перед ним проблем» // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 11. – С. 150–159.

26. Попов, В.П. Крестьянские налоги в 40-е годы / В.П. Попов // Социс. – 1997. – № 2. – С. 95–114.

27. Пыжиков, А.В. Советское и послевоенное общество и предпосылки хрущёвских реформ / А.В. Пыжиков // Вопросы истории. – 2002. – № 2. – С. 33–43.

28. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию // Российская газета. – 2003. – 17 мая. – С. 1–2.

29. Поткина, И.В. Исторический обзор : Россия и модернизация (в прочтении западных ученных) / И.В. Поткина, Н.Б. Селунская // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 194–207.

30. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 5–39.

31. Румянцев, Т.А. Эффективность применения дополнительной оплаты труда / Т.А. Румянцев // Экономика сельского хозяйства. – 1962. – № 7. – С. 17–20.

32. Салтанов, А. Больше внимания низовой печати / А. Салтанов // Большевик. – 1944. – 20 мая. – С. 1.

33. Сила народной инициативы // Советская Кубань. – 1957. – 30 июня. – С. 1.

34. Стецура, Ю.А. Сталинская концепция модернизация российского общества / Ю.А. Стецура // Голос минувшего: кубанский исторический журнал. – 2001. – № 3–4. – С. 15–18.

35. Томилин, К.А. Ученые в сталинских списках / К.А. Томилин // Вопросы истории естествознания и техники. – 2002. – № 2. – С. 398–401.

36. Фефелов, А.О так называемом «ленинградском деле» / А.О. Фефелов // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 2. – С. 127–130.

37. Фурман, Д.И. Революционные циклы России / Д.И. Фурман // Свободная мысль. – 1994. – № 1. – С. 5–20.

38. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.

39. Яковлев, И.П. Системно-диалектические особенности российского общества / И.П. Яковлев // Социально-политический журнал. – 1993. – № 5–6. – С. 25–30.

VI. Мемуарная литература

1. Аджубей, А.И. Крушение иллюзий / А.И. Аджубей. – М.: СП Интербук, 1991. – 350 с.

2. Аджубей, А.И. Те десять лет / А.И. Аджубей. – М.: Политиздат, 1989. – 333 с.

3. Брежнев, Л.И. Целина / Л.И. Брежнев. – М.: Политиздат, 1982. – 250 с.

4. Горлов, Г.К. России верные сыны / Г.К. Горлов. – Ставрополь: Терра, 1999. –162 с.

5. Громыко, А.А. Памятное. Кн. 1–2 / А.А. Громыко. – 2-е изд., доп. – М.: СП Интербук, 1990. – 112 с.

6. Звезда Владимира Первицкого: жизнь замечательных людей Кубани // Краснодарские известия. – 2003. – 18 февр. – С. 2

7. Первицкий, В.Я. Минуты и центнеры / В.Я. Первицкий. – Краснодар: Политиздат, 1962. – 215 с.

8. Полянский, Д.С. Превратим Кубань в фабрику мяса и молока / Д.С. Первицкий. – М.: Наука, 1957. – 690 с.

9. Светличный, В.А. Комплексная механизация возделывания и уборка сахарной свеклы / В.А. Светличный. – М.: ЭКСМО, 1962. – 640 с.

10. Светличный, В.А. Опыт работы механизированного свекловодческого звена / В.А. Светличный. – М.: Владос, 1964. – 368 с.

11. Солошенко, В.Н. Если ты секретарь райкома: записки секретаря райкома комсомола / В.Н. Солошенко. – М.: Зерцало, 1978. – 250 с.

12. Солошенко, В.Н. На труд – как на подвиг / В.Н. Солошенко. – Краснодар: Наука, 1977. –75 с.

13. Суслов, М.А. Вопросы колхозного строительства в освобожденных районах / М.А. Суслов // Партийное строительство. – 1943. – № 23. – С. 8–14.

14. Таранов, И.Т. Годы, люди, встречи / И.Т. Таранов. – Ставрополь: Эксмо, 1995. – 189 с.

15. Хрущев, Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты / Н.С. Хрущев. – М.: Вагриус, 1997. – 510 с. – (Мой 20 век).

16. Чуев, Ф. 140 бесед с Молотовым: из дневника / Ф. Чуев. – М.: Терра, 1991. – 623 с.

VII. Литература

1. Абросенко, К.С. О социалистическом перевоспитании крестьянства / К.С. Абросенко. – М. : Госполитиздат, 1949. – 140 с.

2. Агнатовский, И.А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне / И.А. Агнатовский. – М.: Наука, 1971. – 265 с.

3. Алексеенко, И.И. Великий союз созидателей / И.И. Алексеенко. – Краснодар: Новый мир, 1971. – 315 с.

4. Аникеев, А.А. Моя малая родина. История села Тугулук / А.А. Аникеев. – Ставрополь: Рарог, 1994. – 173 с.

5. Аникеев, А.А. Проблемы методологии истории: курс лекций / А.А. Аникеев. – Ставрополь: Эксмо, 1995. – 48 с.

6. Анисимов, Н.И. Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке / Н.И. Анисимов. – М.: Госполитиздат, 1952. – 189 с.

7. Анисимов, Н.И. Советское крестьянство / Н.И. Анисимов. – Изд. 2-е, доп. – М.: Приор, 1947. – 46 с.

8. Анисков, В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту 1941–1945 / В.Т. Анисков. – Барнаул: ПрофЭко, 1966. – 238 с.

9. Анисков, В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига / В.Т. Анисков. – М.: Наука, 2003. – 319 с.

10. Арутюнян, Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Артюнян. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1970. – 159 с.

11. Арутюнян, Ю.В. Социальная структура советской деревни / Ю.В. Артюнян. – М.: Мысль, 1971. – 175 с.

12. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта / А.С. Ахиезер. – М.: Наука, 1991. – 222 с.

13. Беляева, Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века / Л.А. Беляева. – М.: Инфра-М, 1997. – 174 с.

14. Беспалова, А.Г. Наш край: из истории советского Дона от октября 1917–1965 гг. / А.Г. Беспалова. – Ростов-на-Дону: Гаро, 1968. – 312 с.

15. Богачкова, А.Е. История Изобильненского района / А.Е. Богачкова. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1994. – 326 с.

16. Вдовин, М. «Ростов – город, Ростов – Дон…»: историческое повествование / М. Вдовин. – Ростов-на-Дону: Зерцало, 1999. – 308 с.

17. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: крат. история / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; [Тельпуховский Б.С., Булычева Г.И., Бурляй А.А. и др.; ред.: Тельпуховский Б.С. и др.]. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Воениздат, 1984. – 560 с., 61 л. ил., 1 отд. л. табл.: ил.

18. Вербицкая, О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середины 40-х – начала 60-х годов / О.М. Вербицкая. – М.: Эксмо-пресс, 1992. – 638 с.

19. Верт, Н. История советского государства 1900–1991 / Н.

Верт. – 2-е изд., испр. – М.: Инфра-М, 2002. – 544 с.

20. Вишневский, А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР / А. Вишневский. – М.: Владос, 1988. – 656 с.

21. Возрождение советского Дона 1943–1946 гг.: сб. – Ростов-на-Дону: Политиздат, 1946. – 345 с.

22. Возрождение: сб. – Ставрополь: Госполитиздат, 1948. – 368 с.

23. Волков, И.М Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х гг. / И.М. Волков. – М.: Зерцало, 1988. – 193 с.

24. Волков, И.М. Сельское хозяйство и крестьянство СССР в после военные годы в работах советских историков / И.М. Волков // Проблемы истории современной советской деревни, 1946–1973 гг.: науч. изд. / АН СССР, Ин-т истории СССР; ред. М.П. Ким [и др.]. – М.: Наука, 1975. – С. 46–49.

25. Волков, И.М. Сельское хозяйство и колхозное крестьянство первых после военных лет в советской исторической литературе / И.М. Волков // Очерки по историографии советского общества: сб. ст. – М.: Наука, 1967. – С. 215–237.

26. Волков, И.М. Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970) / И.М. Волков. – М.: Наука, 1972. – 102 с.

27. Волков И.М. Советская деревня в первые послевоенные годы 1946–1950 / И.М. Волков. – М.: Политиздат, 1978. – 250 с.

28. Волков, И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР 1946–1950 гг. / И.М. Волков. – М.: Политиздат, 1972. – 327 с.

29. Волкогонов, Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина / Д. Волкогонов. – М.: Академия, 1989. – 195с.

30. Вылцан, М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958) / М.А. Вылцан. –

Ростов-на-Дону: Госполитиздат, 1976. – 463 с.

31. Голикова, З. Коммунистическая партия в борьбе за освоение целинных земель в Казахстане / З. Голикова, А. Какимжанов, С. Ковальский и др. – Алма-Ата: Политиздат, 1969. – 234 с.

32. Горлова, И.И. Очерки истории культуры кубанского села / И.И. Горлова, В.И Лях, А.И. Манаенков. – Краснодар: Наука, 1991. – 159 с.

33. Давыдов, А.А. РСФСР и развитие страны (1985–1989 гг.) / А.А. Давыдов. – М.: ИР САН, 1991. – 93 с.

34. Данилов, А.А. История России. XX век / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. – М.: ЭКСМО, 1998. –213 с.

35. Данилов, В.П. Изучение истории советского крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – 198 с.

36. Данилов, В.П. Проблемы истории советской деревни в 1946–1970 гг.: очерки историографии / В.П. Данилов // Развитие сельского хозяйства в СССР в послевоенные годы (1946–1970): сб. ст. / под ред. И.М. Волкова. – М.: Наука, 1972. – С. 15–32.

37. Денисов, Ю.П. Развитие колхозной демократии, 1945–970 / Ю.П. Денисов. – Ростов-на-Дону: Маркетинг, 1975. –159 с.

38. Дубоносов, Д.И. Деятельность коммунистической партии по восстановлению и развитию сельского хозяйства (1945–1950 гг.) / Д.И. Дубоносов. – Ростов-на-Дону: Госполитиздат, 1971. – 446 с.

39. Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях : материалы к Летописи / И.Ю. Бондарь. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 800 с. : 102 ил.

40. Жинкин, А. Кубань: история, экономика, культура / А. Жинкин. – Краснодар: Приор, 2001. – 348 с.

41. Журавлев, В.В. XX съезд КПСС и его исторические реаль-

ности / В. В. Журавлев. – М.: Наука, 1991. – 324 с.

42. Завгородний, Н.Г. Село устремленное в будущее: Шпаковское. К 200-летию основания / Н.Г. Завгородний. – Ставрополь: Зерцало, 1984. – 39 с.

43. Заславская, Т.И. Принцип материальной заинтересованности и оплаты труда в колхозах / Т.И. Заславская. – М.: Маркетинг, 1967. – 46 с.

44. Заславская, Т.И. Распределение по труду в колхозах / Т.И. Заславская. – М.: Ось-89, 1966. – 215 с.

45. Захарова, Т.С. Донские почины: История социалистического соревнования на Дону / Т.С. Захарова. – Ростов-на-Дону: Кн. Изд-во, 1985. – 367 с.

46. Зеленин, И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни (1946–1958 гг.): состав и деятельность обществ. орг., Советов, рост полит. активности сел. тружеников / И.Е. Зеленин. – М.: Наука, 1978. – 246 с.

47. Зернова, Т.С. Снижение розничных цен и рост благосостояния советского народа в послевоенный период (1945–1953) / Т.С. Зернова. – М.: Госполитиздат, 1953. – 94 с.

48. Зубкова, Е.Ю. Общество и реформы (1945–1964) / Е.Ю. Зубкова. – М.: Эксмо-пресс, 1993. – 368 с.

49. Зубкова, Е.Ю. Социально-психологическая атмосфера послевоенных лет и ее влияние на политику реформ / Е.Ю. Зубкова // Россия в XX веке: историки мира спорят / ред. Л.М. Кузнецова. – М.: Наука, 1994. – С. 579–584.

50. Игнатовский, П.А. Социально-экономические изменения в советской деревне 1950–1965 / П.А. Игнатовский. – М.: Политиздат, 1967. – 640 с.

51. Из истории земли Ставропольской: сб. / под ред. Н.Д. Су-

довцова. – Ставрополь: Наука, 1995–-2000. – Вып. 1–5.

52. Исторический опыт и перестройка / отв. ред. Ю.С. Борисов. – М.: Владос, 1989. – 250 с.

53. История городов и сел Ставрополья / отв. ред. М.Н. Марченко. – Ставрополь: Наука, 2002. – 608 с.

54. История Кубани XX век: очерки / А.М. Авраменко, А.В. Баранов, Ю.А. Болдырев, и др.; под ред. В.Е. Щетнева. – Краснодар: Эксмо, 1998. – 317 с.

55. История России. XX век. Т. 3 / Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитренко В.П. и др. – М.: Наука, 1996. – 128 с.

56. История советской деревни (1917–1967) / под ред. В.П. Данилова. – М.: Госиздат, 1975. – 316 с.

57. Калинин, М.И. Статьи и речи (1941–1946) / И.М. Калинин. – М.: Зерцало, 1975. – 197 с.

58. Киселёв, А.Ф. Новейшая история отечества. XX век: учебник для вузов: в 2-х т. Т. 2 / А.Ф. Киселев. Э.М. Щагин. – М.: Владос, 1998. – 184 с.

59. Ковалев, К.Н. Прошлое и настоящее крестьян Ставрополья / К.Н. Ковалев. – Ставрополь: Кн. из-во,1947. – 63 с.

60. Ковальченко, И.Д. Как снижались цены в конце 40-х и 50-х гг. и что об этом говорил народ // Неизвестная Россия. XX век: архивы, письма, мемуары. Вып. 2. – М., 1992. – С. 28–34.

61. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 316 с.

62. Ковальченко, И.Д. Объединяйтесь вокруг Христа – большевики повысили цены / И.Д. Ковальченко // Неизвестная Россия. XX век: архивы, письма, мемуары. Т. 4. – М., 1994. – С. 24–28.

63. Коломийцев, В.Ф. Методология истории (от источника к исследованию) / В.Ф. Коломийцев. – М.: Наука, 2001. – 128 с.

64. Косулина, Л.Г. История России. XX век / Л.Г. Косулина. – М.: Дрофа, 1998. –354 с.

65. Кочура, Д.В. Наш край в годы Великой Отечественной войны / Д.В. Кочура. – Ставрополь: Рарог, 1995. – 316 с.

66. КПСС – организатор борьбы за крутой подъем сельского хозяйства. – М.: Наука, 1962. – 128 с.

67. Край наш Ставрополье: очерки истории / под ред. Д.В. Кочуры, В.П. Невской. – Ставрополь: Зерцало, 1999. – 439 с.

68. Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества в 1945 – конец 50-х годов / отв. ред. И.М. Волков. – М.: Политиздат, 1988. – 145 с.

69. Криводед, В.В. КПСС и колхозное крестьянство, 1945–1950 гг. / В.В. Криводед. – Ростов-на-Дону: Владос, 1984. – 640 с.

70. Кузнецов, В.И. История донского края / В.И. Кузнецов. – Ростов-на-Дону: Кн.изд-во, 1971. – 345с.

71. Куликов, В.И. Исторический опыт освоения целинных земель / В.И. Куликов. – М.: Наука, 1978. – 450 с.

72. Куликов, В.И. Коммунистическая партия в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства. (1946–1958) / В.И. Куликов. – М.: Эксмо, 1974. – 240 с.

73. Кущетеров, Р.М. Аграрная политика советского государства 1917–1991 гг. (на материалах Северо-Кавказского региона) / Р.М. Кущетеров. – М.: Госиздат, 1997. – 408 с.

74. Лагутин, Н.С. Проблемы сближения уровня жизни рабочих и колхозников / Н.С. Лагутин. – М.: Госполитиздат, 1965. – 210 с.

75. Летов, А.В. К вопросу о социальных проблемах послевоенного времени 1945–1953 гг / А.В. Летов. – Арзамас: Просвещение, 2000. – 203 с.

76. Макколей, М. Хрущев и его политика. Какие выводы мож-

но сделать из хрущевской эпохи (1953–1964 гг.) // Россия в XX веке: историки мира спорят / ред. Л.М. Кузнецова. – М.: Наука, 1994. – С. 548–551.

77. Максимов, Л. Арифметика изобилия / Л. Максимов. – Краснодар: Госполитиздат, 1962. – 116 с.

78. Мамаев, П.В. Оплата труда в колхозах с учетом урожая / П.В. Мамаев. – Ростов: Ростов. фин.-эконом. ин-т, 1959. – 31 с.

79. Мангазеев, А. Опыт дополнительной оплаты труда в колхозах РСФСР / А. Мангизеев. – М.: Госполитиздат, 1952. – 513 с.

80. Маяк на все времена (из истории колхоза «Коммунистический маяк» 1920–1985 гг.). – Мин. Воды: Рубин, 1985. – 83 с.

81. Мелешко, О.М. Колхоз «Орловский» (Кировский район) / И.В. Харечкин, О.М. Мелешко. – М.: Дрофа, 1984. – 203 с.

82. Милецкий, В.П. Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства / В.П. Милецкий. – СПб.: МТМС, 1997. – 314 с.

83. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 2 / Б.Н. Миронов. – СПб.: Рубин, 1989. – 453 с.

84. Морен, Э. О природе СССР: тоталитарный комплекс и новая империя / Э. Морен. – М.: Владос, 1995. – 153 с.

85. Назарцев, Н. За дальнейшие улучшение организации и оплаты труда в колхозах / Н. Назарев, П. Морозов. – М.: Госполитиздат, 1949. – 145 с.

86. Невозова, Ф.В. Краснодарский край / Ф.В. Невозова. – Краснодар: Кн. изд-во, 1955. – 212 с.

87. Негоев, В.Ф. Истоки возрождения. Исторический очерк / В.Ф. Негоев. – Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1979. – 275 с.

88. Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России / под ред. С.А. Чекменева. – Ставрополь: Правда, 1970. – 368 с.

89. Неподоба, В.П. Потребительская кооперация Кубани 1872–1992 / В. П. Неподоба. – Краснодар: Эксмо, 1993. – 139 с.

90. Никита Сергеевич Хрущев : материалы к биографии / сост. Ю.В. Аксютин. – М.: Политиздат, 1989. – 315с.

91. Новый этап в развитии колхозного строя: сб. – М.: Изд-во стандартов, 1958. – 102 с. – Содерж.: 16 док.

92. Овечкин, В.В. Статьи, дневники, письма / В.В. Овечкин. – М.: Госиздат, 1972. – 638 с.

93. Опыт российской модернизации. XVIII-XX века / под ред. В.В. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 203 с.

94. Очерки Истории Краснодарской организации КПСС: сб. – Краснодар: Рарог, 1976. – 128 с. – Содерж.: 17 док.

95. Очерки истории партийных организаций Дона (1921–1971). Ч. II / под ред. П.В. Барчугова. – Ростов-на-Дону: Эксмо, 1973. – 199 с.

96. Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. – Ставрополь: Владос, 1986. – 135 с.

97. Очерки истории Ставропольской организации КПСС / ред. Д.В. Кочура [и др.]. – Ставрополь: Экспресс, – 1970. – 345 с.

98. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Владос, 1993. – 38 с.

99. Пермыкин, В. Экономика возделывания кукурузы на Кубани / В. Перемыкин, Н. Дворякин. – Краснодар: Кубань, 1962. – 128 с.

100. Петренко, В.С. Село на путях подъема. Изменение в составе условиях труда и жизни колхозного крестьянства Украинской ССР. 1951–1969 / В.С. Петренко. – Киев: Наука, 1970. – 208 с.

101. Пехоя, Р.Г. Советский Союз. История власти. 1945–1991 гг. /

Р.Г. Пехоя. – М.: Рарог, 1998. – 315 с.

102. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х гг. / Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. – Вологда: Наука, 2001. – 172 с.

103. Полякова, Ю.А. Основные проблемы истории упрочнения и развития социализма в СССР конец 1930-х – начало 1960-х: в 2 т. Т. 2 / Ю.А. Полякова. – М.: Маркетинг, 1984. – 159 с.

104. Попов, В.П. Крестьянство и государство (июнь 1945–март 1953 гг.): постановка проблемы // Россия в XX веке: историки мира спорят / ред. Л.С. Кузнецова. – М.: Наука,1994. – С. 552–561.

105. Проблемы аграрной истории Северного Кавказа: материалы межрегион. науч. конф., 25 дек. 1998 г. / [редкол.: Н.Д. Судавцов и др.]. – Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 1999. – 198 с.

106. Пыжиков, А.В. Хрущевская «оттепель» / А.В. Пыжиков. – М.: Рарог, 2002. –217 с.

107. Пять лет спустя 1943 – 1948 гг. – Ростов-на-Дону: Госиздат, 1948. – 199 с.

108. Радаев, В.В. Социальная стратификация / В.В. Радаев, О.Т. Шкаратан. – М.: Обозрение, 1995. – 93 с.

109. Рашковский, Е.Б. Россия в мировом контексте: тройственный структурный кризис / Е.Б. Рашковский // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 8–9.

110. Революция и реформы в России. Исторический контекст и современное содержание: материалы научной конференции. – М.: Просвещение, 1999. – 208 с.

111. Россия в войнах XX века / под ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: Кубань, 2003. – 237 с.

112. Россия, которую мы не знали / под ред. М.Е. Гловацкого. – Челябинск: Эксмо, 1995. –123 с.

113. Роуни, Д. Отношение между государством и экономикой в

России в период индустриализации: Взаимодействие теории и количественных методов / Д. Роуни // История. Статистика. Информатика: материалы науч. семинара «Статистическое программное обеспечение для историков», Барнаул, 29–31 май 1994 г./ отв. ред.: Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров. – Барнаул, 1995. – С. 225–243.

114. Садыков, Ф.Б. Единство народа и противоречия социализма / Ф.Б. Садыков. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1968. – 197 с.

115. Светличный, В. Комплексная механизация возделывания и уборки сахарной свеклы / В. Светличный. – М.: Ось-89, 1962. – 389 с.

116. Светличный, В.А. Самая дешевая свекла / В.А. Светличный. – Краснодар: Кн. Изд-во, 1962. – 64 с.

117. Северная Евразия: взгляд через тысячелетия: сб.докл. – Екатеринбург: Изд-во стандартов, 2000. – 102 с. – Содерж.: 16 док.

118. Семенникова, Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: учеб. пособие для вузов / Л.И. Семеникова. – 4-е изд. – Брянск: Кн. изд-во, 2000. – 608 с.

119. Сергеев, С.С. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и укрупнение мелких сельскохозяйственных артелей / С.С. Сергеев. – М.: Владос, 1951. – 202 с.

120. Сенявский. А.С. Социальная динамика России в XX веке в контексте модернизации / А.С. Сенявский // Этот противоречивый XX век. – М.: Росспэн, 2001. – С. 281–298.

121. Смелзер, Н. Социология: пер. с англ. / Н. Смелзер. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.

122. Соболев, М.В. Ростовская область в 1947 году / М.В. Соболев. – Ростов на-Дону: Кн. изд-во, 1958. – 153 с.

123.Советская деревня в первые послевоенные годы: 1946–1950 / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; ред. И.М. Волков. – М.: Наука, 1978. – 511 с.

124.Советское крестьянство. 1917-1970: краткий очерк истории: сб. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1973. – 203 с.

125.Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу: сб. / Дж. Сорос. – М.: Эксмо, 1991. – 213 с.

126.Социальная активность тружеников уральской деревни: сб. науч. тр. – Свердловск: Свердловск, 1990. – 627 с.

127. Ставропольская земля в прошлом и настоящем: материалы науч. конф. Вып. 2. – Ставрополь: Изд-во СГУ , 1998. – 175 с.

128. Сталин, И.В. Сочинения. Т. 16 / И.В. Сталин; под ред. Р. Косолапова. – М.: Владос, 1997. – 837 с.

129. Степанов, Б. Воспитание руководящих колхозных кадров / Б. Степанов. – М., 1948. – 502 с.

130. Стрыгин, А. Кубанские станицы: очерки / А. Стрыгин. – Краснодар: Кн. изд-во, 1977. – 193 с.

131. Судовцов, Н.Д. Борьба тружеников Ставрополья за перестройку народного хозяйства на военный лад // Великая Отечественная война: история и современность: сб. науч. ст. – Ставрополь, 1995. – С. 58–74.

132. Тарасов, А.Ф. Развитие колхозной собственности в общенародную собственность / А.Ф. Тарасов. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1967. – 379 с.

133. Теряева, А.П. Вопросы организации и оплаты труда в колхозах / А.П. Теряева. – М.: Владос, 1954. – 730 с.

134. Тихомиров, А.В. Юридическая энциклопедия / А.В. Тихомиров. – М.: Зерцало, 1998. – 621 с.

135. Данилов, В.П. Советское крестьянство: краткий очерк истории: 1917–1970 / В.П. Данилов; под ред. В.П. Данилова [и др.]. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1973. – 592 с.

136.Трапезников, С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос.

Т. 2 / С.П. Трапездников. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1967. – 258 с.

137. Туровцев, В.И. Вопросы экономических отношений между городом и деревней в годы послевоенной пятилетки / В.И. Туровцев. – М.: Политиздат, 1956. – 202 с.

138. Федосов, П. 200 лет станице Расшеватской / П. Федосов. – Ставрополь: Кн. из-во, 2002. – 234 с.

139. Фуров, В.Г. Забота КПСС о повышении благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства (1953–1959): на материалах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей / В.Г. Фуров. – М.: Наука, 1960. – 854 с.

140. Фюре, Ф. Прошлое одной иллюзии: пер. с фр. / Ф. Фюре. – М.: Ad Marginem, 1998. – 639 с. – (Б-ка Московской школы).

141. Хорошилов, И.И. Сельское хозяйство / И.И. Хорошилов // Возрождение советского Дона. 1943 – 14 февраля 1946 гг. – Ростов-на-Дону: Росиздат, 1946. – С. 32–44.

142. Чершеев, Д. Дальнейшее повышение материального благосостояния колхозного крестьянства : после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. / Д. Чершеев. – М.: Наука, 1959. – 723 с.

143. Чинчикова, А.М. Историография трудового подвига советского крестьянства, 1941–1976 / А.М. Чинчикова. – Саратов: Кн. изд-во, 1977. – 253 с.

144. Чистов, К.В. Кубанские станицы / К.В. Чистов. – М.: Наука, 1967. – 159 с.

145. Юдович, И. Возрождение / И. Юдович. – Ростов-на-Дону: Зерцало, 1944. – 261 с.

146. Юхнович, Д.И. Некоторые вопросы историографии освоения целинных земель в СССР / Д.И. Юхнович // Некоторые проблемы историографии советского общества. – М.: Мысль, 1964. – С. 115–130.

147. Янковская, Э.Ф. Рост материального благосостояния и культурного уровня, трудящихся СССР в послевоенный период / Э.Ф. Янковская. – Одесса: Дрофа. – 1955. – 582 с.

VIII. Диссертации и авторефераты

1. Артюшин, В.А. Партийные организации Кубани в борьбе за крутой подъем сельского хозяйства (1953–1960 гг.): дис. … канд. ист. наук / В.А. Артюшин. – Краснодар, 1961. – 90 с.

2. Булгарова, М. Деятельность местных Советов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–май 1945 г.): дис… канд. ист. наук / М. Булгарова. – Пятигорск, 2002. – 189 с.

3. Зима, В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годах: происхождение и последствия: автореф. дис. … д-ра ист. наук / В.Ф. Зима. – М., 1997. – 47 с.

4. Зырянов, Ф.П. Коммунистическая партия в борьбе за распространение и внедрение передового опыта в сельском хозяйстве после XXII съезда КПСС (на материалах Краснодарской краевой партийной организации): дис. … канд. ист. наук / Ф.П. Зырянов. – Л., 1963. – 113 с.

5. Лейбович, О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг.: дис. … д-ра. ист. наук / О.Л. Лейбович. – Пермь, 1993. – 132 с.

6. Сальный, А.М. Ставропольское село: опыт историко-аграрного исследования 19–20 вв.: дис. … канд. ист. наук / А.М. Сальный. – Ставрополь, 2003. – 110 с.

7. Дрындин, В.Л. Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953-1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории: автореф. дис. ... доктора исторических наук / Дрындин Виктор Леонидович. – Оренбург. 2004. – 50 с.

8. Дубровская, Н.Г. Восстановление и развитие народного хо-

зяйства Ростовской области в условиях Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Дубровская Наталья Геннадьевна. – Ростов-на-Дону. 2005. – 28 с.

9. Козлова, Надежда Алексеевна Система народного образования Ставропольского края в 1945-1964 гг.: состояние и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Козлова Надежда Алексеевна. – Пятигорск. 2005. – 24 с.

10. Лохова, Т.В. Сельское хозяйство Краснодарского края и Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Лохова Татьяна Владимировна. – Майкоп. 2012. – 36 с.

11. Манелова, Марина Николаевна Аграрный сектор в период послевоенного восстановления и реконструкции управленческой системы (1945-1964 гг.): На материалах Ставропольского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Манелова Марина Николаевна. – Пятигорск. 2004. – 26 с.

12. Пелих И.В. Социальная политика в СССР в 1945 – 1953 гг. (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Пелих Ирина Валерьевна. – М., 2005.

13. Стругова, М.Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945-1953 гг.): на примере Краснодарского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Стругова Мария Рафаэловна. – Краснодар. 2007 – 26 с.

14. Филатов, С.В. Партийно-государственная аграрная политика и уровень жизни колхозного крестьянства в 1950-е – начале 1960-х гг. (по материалам бюджетных обследований крестьянства Ростовской области и Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Филатов Сергей Викторович. – Ростов-на-Дону. 2006. – 28 с.

15. Хисамутдинова, Р.Р. Аграрная политика Советского государства и ее осуществление на Урале: (1940 – март 1953 гг.): авто-

реф. дис. ... доктора исторических наук / Р.Р. Хисмутдинова. – Оренбург. 2004. – 50 с.

16. Хомякова, Н.В. Социальная политика советского государства и ее реализация на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны: 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Хомякова Надежда Викторовна. – Оренбург. 2007. – 26 с.

IX. Иностранная литература

1. Black, C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History / C. Black. – N.Y., 1966.

Сведения об авторе:

Чайка Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани

Научное издание

Чайка Евгений Александрович

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СЕЛЕ В 1945–1965 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО, СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЕВ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Монография

Редактор: Цветкова А.В.
Корректор: Крапчина Л.Н.
Верстальщик: Журавлева В.А.

Издание научных монографий:
mono@idbg.ru
+7 495 215 01 38
8 800 333 15 38 (звонок бесплатный)

Усл. печ. л. 19,35. Тираж 500 экз.
Подписано в печать 24.05.2017
Формат: 60x84/16

Отпечатано: ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: +7 (499) 322-38-30